

ВОСТОЧНО ЕВРОПЕЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82

#6(82), 2022 часть 1

Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.

Периодичность: 12 номеров в год.

Формат - A4, цветная печать

Все статьи рецензируются

Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#6(82), 2022 part 1

Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal
Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

Давид Ковалик (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Питер Кларквуд (Университетский колледж Лондона)

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

Александр Климек (Польская академия наук)

Александр Роговский (Ягеллонский университет)

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

Бартош Мазуркевич (Краковский технологический университет им. Тадеуша Костюшко)

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

Миколай Жуковский (Варшавский университет)

Матеуш Маршалек (Ягеллонский университет)

Шимон Матысяк (Польская академия наук)

Михал Невядомский (Институт международных отношений)

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

Dawid Kowalik (Kracow University of Technology named Tadeusz Kościuszko)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

Alexander Klimek (Polish Academy of Sciences)

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko Cracow University of Technology)

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

Szymon Matysiak (Polish Academy of Sciences)

Michał Niewiadomski (Institute of International Relations)

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

АРХИТЕКТУРА

Kulai A.V., Omelyanenko M.V. HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF OCEANARIUMS IN THE WORLD	4
---	---

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Исаева Ф. ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА	8
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Smertin Y. Covert Operations of the USSR in Africa	16
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Salimova A. CULT OF THE SUN AND THE BIRD.....	28
---	----

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Аскарьянц В.П., Эргашов К.У. АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПИЩЕВАРЕНИЯ	33
--	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цуканова А.О. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	39
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Буткалюк В.А. ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ НА РАЗДОРОЖЬЕ: ОСТАНУТСЯ ЛИ НЕВЫУЧЕННЫМИ УРОКИ ПАНДЕМИИ COVID-19?	48
--	----

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kabarukhin A. METHODOLOGY "INFRASTRUCTURE AS CODE" IN THE OPERATION OF IT INFRASTRUCTURE	57
--	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цогоева Д.А. МЕСТО ПОНЯТИЯ «СЛОВА-КЕНТАВРЫ» В ИЗУЧЕНИИ ДВУГРАФИЧНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА.....	62
--	----

АРХИТЕКТУРА

УДК 727.63

Kulai A.V.

*master's student of the Department of
Architecture and Spatial Planning of FABD*

Omelyanenko M.V.

*doctor of technical sciences, Professor of
the Department of Architecture and Spatial Planning of FABD
National Aviation University, Kyiv, Ukraine.*

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF OCEANARIUMS IN THE WORLD

Андрій Володимирович Кулай

*магістрант кафедри архітектури та
просторового планування ФАБД*

Максим Вікторович Омеляненко

*д.т.н., професор кафедри архітектури та
просторового планування ФАБД*

Національний авіаційний університет, Київ, Україна.

Summary. An analysis of the development of oceanariums is carried out: from the first public aquariums to modern complexes of exposition pools and aquariums, in accordance with the actual needs and technical capabilities of people.

The definition of an oceanarium is given. Considered: formation and transformation of expositions of marine nature in chronological order in the world; factors influencing the development of oceanariums; modern oceanariums, their percentage in the world.

Key words: Oceanarium, public aquariums, ecological factors, functions, trends, features, constructions.

Introduction: The ocean, rightly called the cradle of all life on Earth, never ceases to excite the minds of mankind. Despite its close, direct proximity to the land, which people have chosen for life, despite all attempts to look into its depths in search of clues to its many secrets, it still remains unknown, amazing, mysterious. He is in no hurry to reveal his secrets and miracles to people.

But the man is stubborn. His desire, if not to conquer, then at least a little to penetrate the secrets of the ocean depths has been ineradicable for millennia. According to Aristotle, back in 332 BC. Alexander the Great, by means of a diving bell, descended to the seabed.

Since then, humanity has invented many ways to personally familiarize the broad masses of vacationers and workers with the world of the water depths. The most accessible of these ways, both financially and medically and physiologically, is visiting oceanariums.

Modern oceanariums are entire scientific centers with their own laboratories, libraries and depositories. In some large aquariums, the picture of the seabed is completely reproduced and in such a natural ecosystem, animals feel at home. Spectators are also pleased with the opportunity to observe them in their natural habitat.

The oceanarium plays an important role in the scientific and educational attitude of people regarding marine organisms. The oceanarium is not only a place of recreation and entertainment, but also a research base for studying fauna from all over the world. After all, the

number of marine life in the aquariums of even a small oceanarium is huge. Visitors can see any representative of the sea and ocean and receive scientific advice from the staff of this institution. Hence the popularity of aquariums.

Analysis of Publications: The largest research center for underwater biotechnical systems in Ukraine is the Research Center of the Armed Forces of Ukraine, the State Oceanarium, which is located on the coast of Sevastopol. The main activities of the oceanarium: marine biotechnical systems; underwater technical work; problems of hydrobionics, conservation and restoration of rare and endangered species of plants and animals; general and applied ecology. The scientific and methodological potential and the experimental base make it possible to carry out multifaceted studies on the coast and in the water area, as well as at depths up to 2000 meters [3].

Unfortunately, in Ukraine there is a very meager library for designing and building oceanariums.

Kochnev A.V. is one of the few experts in the design and organization of oceanariums [4].

The World Association of Zoos and Aquariums (WAZA) has drawn up a code of ethics and obligations for members. The code sets out the principles by which all members of WAZA must be guided. It is also stipulated that WAZA members must in all situations act in accordance with local, national and international laws, striving to fulfill the highest requirements in all

areas of activity. Particular attention is paid to animal welfare [3].

More than a hundred oceanariums have been built in the world. The largest number of oceanariums is in Japan, which is not at all surprising, because the proximity of the Pacific Ocean allows you to catch the rarest and most interesting species of marine life.

Ukraine, as a developing country, should adopt the best trends and experience of other countries in placing oceanariums in the most tourist-attractive places. For better implementation of projects, it is necessary to conduct research on this topic.

Purpose and statement of the research problem: The purpose of the article is to review the oceanariums that have existed throughout their history and modify them in accordance with the modern needs of people for recreation and entertainment, and technological capabilities.

Objectives: 1. Systematize in chronological order the landmark public expositions of marine life in the history of the formation of oceanariums. 2. Consider modern oceanariums and the situation of their distribution in the world.

Research method: The research methodology is scientific analysis and systematization of the obtained data.

RESULTS AND THEIR ANALYSIS:

Oceanarium, oceanarium, pool with sea water, designed to keep marine animals: invertebrates, fish, reptiles, mammals. As a rule, aquariums have several pools of various sizes. Small ones contain small fish and invertebrates; one of the side walls is made transparent to observe their inhabitants. Large fish, turtles, pinnipeds, sirens, cetaceans are placed in large ones; there are viewing windows in the walls; on the side in the form of an amphitheater there are places for spectators [4].

The world's first oceanarium was opened in 1928 in Florida (USA). The Second World War left almost nothing of the display aquarium in European countries. After 1945, the largest number of public aquariums and aquariums operated in the United States.

The very first exposition of aquariums took visitors in 1849 in Regent's Park in London. Then, in 1860, the first mainland marine public aquarium was

opened in Vienna. In Paris - in 1861, in Berlin - in 1869 (the first marine public aquarium with artificial salt water). In the US, the first two public aquariums opened in 1865, first in New York and then in Boston (the latter even contained sharks and rays). In Frankfurt am Main, a public aquarium was opened in 1877.

In the 1960s, Japan began to rapidly catch up with the United States, and already in the 1970s and 1980s, both countries shared leadership in this area. Currently, there is a rapidly growing number of such institutions in Western Europe, Southeast Asia and China.

The first public marine aquarium was opened in 1897 in the basement of the building of the Sevastopol Biological Station and has been successfully operating to this day.

The oceanarium is a specific artificial habitat in which the most approximate conditions for the life of marine life should be provided. The organization of oceanariums should conveniently combine the needs of animals with the needs of visitors.

The impressions left by visiting modern oceanariums can only be described as magical, delightful, unforgettable. Remember how the simplest 500-liter aquarium in a shopping center attracts passers-by. Now imagine the same one, but for a million liters and with sharks, turtles, penguins and scuba divers. But there are dozens of structures of this scale in the world, but, unfortunately, not a single one on the territory of Ukraine.

The percentage distribution of public oceanariums and similar facilities in the world is shown in fig. 3.

Consider the most grandiose aquariums in the world:

1. OCEANÁRIO DE LISBOA, LISBON, PORTUGAL.

Opened in 1998, Europe's largest Lisbon Oceanarium consists of a central tank measuring 32 x 23 m and a volume of about 5 thousand cubic meters, which is surrounded by four smaller reservoirs representing the Pacific and Atlantic Oceans, as well as the inhabitants of the Arctic and Antarctic waters. In total, the aquarium contains more than 8 thousand marine life and 500 plant species.

2. L'OCEANOGRÀFIC, VALENCIA, SPAIN (FIG. 1).

The Valencia Aquarium is located in the heart of the futuristic city of Arts and Sciences. It is the largest open-air oceanographic park in Europe. It covers an area of more than 110 thousand m². The main building, shaped like a water lily, was designed by renowned Spanish architect Felix Candela. L'Oceanogràfic is home to 45,000 fish and marine animals that represent the ecosystems of the Mediterranean, the Arctic and Antarctic, as well as the tropical seas

3. AQWA, PERTH, AUSTRALIA.

The aquarium in the Australian city of Perth is notable for the presence of endemic Australian marine life collected from all over the coast of Western Australia. The main aquarium measures 40 x 20 m and is 4.5 m deep. But what attracts visitors the most is the 98-meter underwater tunnel with completely transparent walls, through which you can watch the picturesque coral reefs, starfish, sharks, turtles and seals.

4. THE OKINAWA CHURAUMI AQUARIUM, OKINAWA, JAPAN.

Prior to the construction of the aquarium in Atlanta, Okinawa Churaumi was considered the world's

largest facility of its kind. The Japanese Aquarium is arranged in such a way as to most fully display the marine life of the Japanese islands, and is divided into three zones. First, visitors explore the world of shallow water and coral reefs and gradually descend deep into the aquarium to the inhabitants of the waters of the warm Kuroshio Current and further to the inhabitants of the mysterious depths, usually hidden from prying eyes.

5. THE AQUADOM, BERLIN, GERMANY.

Built in the five-star Radisson SAS Hotel in Berlin, the huge aquarium can be called the most impressive aquarium in the world. Towering in the atrium of the hotel, the giant cylinder has a height of more than 25 m and an outer diameter of 11 m. The volume of the aquarium is almost a million liters of water and more than 2,600 fish of 56 species live in it. A transparent two-story elevator runs inside the cylinder, slowly delivering visitors and tourists from the first floor hall through the entire aquarium to the upper observation deck located under the large glass dome of the hotel. The elevator can accommodate 30 people at the same time.

6. THE GEORGIA AQUARIUM, ATLANTA, USA (FIG. 2)

The largest oceanarium in the world with a capacity of more than 31 thousand m³ contains more than 100 thousand inhabitants of the water depths. The shape of the aquarium building resembles a huge cruise ship, divided into 60 separate aquariums. The largest aquarium occupies about three-quarters of the entire volume of the building. Two whale sharks live there, which are among the largest fish in the ocean. The Atlanta Oceanarium is not only an entertainment center, which is visited by more than 2 million people a year, but also a serious base for oceanological research [1,4].

7. DUBAI AQUARIUM & DISCOVERY CENTER, DUBAI, UAE.

The Dubai Aquarium is home to about 33,000 fish and marine animals of 85 different species. Its giant viewing window is listed in the Guinness Book of Records as "the world's largest acrylic panel." Its length

is 32.88 m, width 8.3 m, thickness 750 mm. The Dubai Aquarium is part of a huge shopping and entertainment center that opened in November 2008.

Attracting an audience spoiled by spectacles dictates more and more new requirements not only for the variety of species presented in the expositions, but also for entertainment, the scale of expositions, visibility and surroundings. As a result, modern oceanariums are not only aquariums with tropical fish, but also giant pools with killer whales and sharks. Underwater tunnels with completely transparent walls through which you can observe the picturesque coral reefs, starfish, sharks, turtles and seals. Aquariums built around elevators [4].

In the matter of spectacular demonstrations, advanced technologies also play a significant role. Thus, for the Okinawa Turaumi Oceanarium, the Nippura company created unique acrylic glasses of amazing size and transparency, which were included in

the Guinness Book of Records as the largest in the world [3].

When designing modern oceanariums, the following are taken into account: the principles of functional zoning based on long-term studies of animal behavior; interaction between the structures of exposition institutions, the movement of visitors and their needs.

CONCLUSIONS

1. The stages of development of the world's oceanariums are considered on the basis of the most famous expositions.

2. Schemes-requirements for modern oceanariums are analyzed, taking into account the needs of not only visitors, but also living exhibits.

3. The leading regions of the world in terms of placement of oceanariums are identified and the leading oceanariums that use modern innovative technologies are considered.

4. Due to the lack of large exposition oceanariums in Ukraine, there is a need to study the relevant international requirements and trends in their formation. In our opinion, the location of a large oceanarium in the Crimea is the most favorable and relevant. Namely, in one of the resort centers (Yalta,

Alushta). There are all conditions and prerequisites. The presence of such a structure will undoubtedly increase the level of recreation, will provide an opportunity to study the inhabitants of the waters and, most importantly, will be financially profitable.

List of sources used

1. All about oceanariums, aqua galleries and dolphinariums. Sites of oceanariums of the world [Electronic resource] - Mode of access to the official site: <http://www.oceanarium.su/saity-okeanariumov.html>.

2. Research Center of the Armed Forces of Ukraine. State Oceanarium [Electronic resource] - Access mode to the official website: <http://oceanarium.org.ua/index.php?c=his#cont>.

3. Oceanarium "Okinawa Turayumi" [Electronic resource] / Japanese blog "rock garden" - 12/28/2008. - Mode of access to the electronic resource: <http://blog-japan.ru/?p=85>.

4. The most grandiose aquariums in the world. The Georgia Aquarium, Atlanta, USA [Electronic resource] - Mode of access to the electronic resource: <http://www.ambitour.ru/article.php?id=604>.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Исаева Фахрия

*докторант Бакинской Академии Хореографии
Азербайджан, Баку*

ТВОРЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

CREATIVE PROBLEMS IN WORLD TELESPACE

Резюме. В представленной статье анализируются разработки и теоретические рассуждения о проектах мировых деятелей культуры и искусства, различных ученых. Исследуются процессы, происходящие на различных этапах исторического развития мирового телевидения. Автор выявляет проблемы телевидения, возникающие на определенных этапах развития ТВ.

В статье под названием «Проблемы творчества в мировом телевизионном пространстве» рассматривается процесс эволюции телевизионных передач. Автор главной задачей ставит выявление творческих составных в программах, посвященных искусству, культуре и литературе, а также в телепередачах данного формата, вошедших в историю телевидения своим новаторским подходом.

Для решения поставленной цели автор обращается к авторитетным источникам, а именно к исследованиям ведущих мировых философов, а именно к научным работам российского телеведущего, культуролога К.Разлогова, российского журналиста, продюсера и общественного деятеля И.И.Засурского, американского арт-критика, имеющего выдающиеся заслуги в развитии современного искусства Клемента Гринберга, британского журналиста, создателя консервативного подхода, автора совместных проектов с такими фирмами, как The Times, The Spectator, Daily Mail, New Statesman и The Guardian Мелани Филлипса, американского сценариста, режиссера, постановщика, писателя Джона Труби, британского оператора Криса Хартли, автора первой серьезной работы под названием «Сценарий» в области сценаристики американского писателя Сида Филда. В статье приводятся цитаты из работ профессиональных деятелей искусства Голливуда.

Современный мир это мир цифровых технологий. В заключительной части статьи автор касается проблемы цифрового образа жизни, выражает свое мнение относительно необходимости разработки этических принципов правильного поведения молодежи и подростков в цифровом мире.

Annotation. The presented article deals with ideas and exchanges about world culture and the projects of art figures and various scientists. The article examines the processes taking place in different periods in the world telespace. The author talks about many problems that appear on television at times.

The author tries to raise most of the elements created by the modern human type to the status of culture and talks about the creative and innovative searches of programs related to art, culture and literature in the history of the development of television broadcasting, formats containing this content and programs that have confirmed their mark in the history of broadcasting in the article “Creative problems in the world telespace”.

World philosophers' authoritative sources are referred in the presented article. The names of the researches of the Russian TV presenter, culturologist K. Razlogov, Russian journalist, producer and public figure I.I. Zasursky, an American critic and art critic, who made exceptional contributions to the development of modern art, Clement Greenberg, a British journalist, creator of the conservative direction, who has established cooperation with companies such as The Times, The Spectator, Daily Mail, New Statesman and The Guardian, Melanie Phillips, Great Britain, cinematographer Chris Hartley, an American screenwriter, director, master of staging, writer John Truby, American writer Sild Field (1935-2013) (his book “The Screenplay” is considered the first serious source on art) and other philosophers, figures and scientists are mentioned among them. Quotes from the masterpieces of many Hollywood professional artists are given in the article.

Our modern world is the age of information and technology. The author touches on the digital lifestyle in the last part of the article and leaves the attitude of young people and teenagers to live and act correctly in the digital world up to the reader.

Ключевые слова: телепространство, искусство, социальная сеть, цифровой, сцена, канал, культура экрана.

Key words: telespace, art, social network, digital, stage, channel, screen culture

Введение

В мировой, в той частности и в азербайджанской истории общественной мысли множество исследований и фундаментальных работ, посвященных изучению искусства, его направлений (жанры, виды), а также научному анализу роли искусства в формировании

эстетического вкуса. На различных этапах исторического развития мирового телепространства деятели науки и искусства выдвигали различные проекты, которые со временем, пройдя творческий отбор, дошли и до наших дней. Главной задачей исследования является выявление творческих принципов в

истории телевидения, а именно в программах, посвященных искусству, культуре и литературе, а также в телепередачах данного формата, вошедших в историю телевидения своим новаторским подходом.

Главная задача исследования.

Американский арт-критик, имеющий исключительные заслуги в развитии современного искусства Клемент Гринберг в статье «Modernist Painting» (1960) характеризует современное искусство как процесс критического структурирования предмета посредством использования инструментов самого же предмета [6]. Гринберг применил данный подход к абстрактному импрессионизму, а именно в объяснении и обосновании простых не являющихся иллюзией абстрактных рисунков.

Какими бы различными не были подходы к объяснению искусства, оно всегда выполняла следующие функции:

– Достижение гармонии, баланса и ритма, как основные инстинкты человека. На этом уровне искусство является не только действием или же объектом, но и независимо от уровня полезности потребительским желанием достижения внутренней гармонии.

– Чувство таинства. Искусство - это путь постижения вселенной. Это сенсационное явление происходит неожиданно, когда мы созерцаем произведение искусства, слушаем музыку и стихотворение.

– Воображение. Искусство открывает для воображения невербальное, без языковых ограничений пути реализации. Если даже слова имеют строгую последовательность и обладают смысловым содержанием, искусство обладает широким спектром форм, символов и идей, которые можно интерпретировать различными способами.

– Обращение к неограниченному количеству кругу личностей. Данная функция позволяет автору произведения произвольно обратиться ко всему миру. Многие авторы не случайно воздвигают произведения искусства на вершинах гор. Это своеобразный способ обращения автора к широкой аудитории, всему человечеству.

– Ритуалы и символические функции. Во многих культурах колоритные ритуалы, спектакли и танцы являются символом или же способом выражения отношения к определенным событиям. Сами по себе они не несут, какую либо утилитарную значимость. Но антропологи выявляют в каждой национальной культуре их особое значение. Традиции формируются в течение нескольких поколений, обретая космологическое содержание.

Искусство также является способом коммуникации. Как все виды общения, искусство стремится донести информацию до аудитории. Искусство также имеет развлекательную и рекреативную функцию. В современной науке психологии широко внедряется

психотерапевтическая и лечебная функция искусства. Кроме того, в современном мире функция искусства проявляется как метод борьбы, протеста и пропаганды.

Методы и материалы исследования.

Российский телеведущий, культуролог К.Разлогов (1946-2021) отмечал: «Экран, находящийся в тесной связи со сложными и противоречивыми социальными процессами, сыграл решающую роль в демократизации культуры. Он способствовал возникновению новых форм культуры и тем самым оказал решающее влияние на широкие массы населения» [1, s.7]. В результате в развитых странах социокультурная ситуация полностью изменилась. Наука, образование, искусство трансформировало функции эстетического воспитания.

Современная массовая культура и китч с помощью телевидения с наименьшей затратой творческого труда набирает высокую скорость распространения. Современное телевидение, создавая все условия для доминирования поп культуры и китча, представляет их широкой аудитории всевозможными своеобразными, динамичными и красочными способами. В этом смысле, поп культура выставляется не только против элитарной культуры, но и как явление контркультуры против искусства в целом.

Исследователь в сфере журналистики, выпускник факультета «Журналистики» Московского Государственного Университета имени М.В.Ломоносова Михаил Васильевич Шкодин отмечал, что образцы массовой культуры адресуются чувствам и эмоциям читателей и зрителей. Массовая культура работает по принципу нацеленности на подсознание человека. Массовая культура, искусно питаясь психологией мифологии, сказок, древних архетипов и сюжетных структур в отличие от профессиональной культуры легко достижима для современного человека [2, s. 147]. М.Шкодин считает, что основные этапы развития аудиовизуальной культуры это однозначное техническое, коммуникативное, семиотическое и специфическое влияние на художественные факторы [1, s.7]. По мнению исследователя современная ситуация и понимание культурной функциональности характеризуются несколькими процессами. «Основываясь на умозаключение, что культура самая значимая ценность созданная человечеством, на смену векторному представлению посредством новой медиа возникли равноправные, принадлежащие тем или другим группам культурные множественности. [1, s.7].

Видный российский исследователь телевидения, советский писатель, Лауреат сталинской премии (1951) Н.Бирюков утверждал, что массовая культура создает образ примитивной личности занятого бессознательно далеким от творчества трудом. Бирюков выводил на первый план проблему социальной ограниченности. Он отмечал, что массовая культура порождает «стадо

одиноких». Данное утверждение подтверждает его заключения о том, что «демократия массовой культуры позволило вывести на передний план ложный лозунг коммерческого телевидения: «Дать публике то, чего она хочет!» Главная цель этого лозунга обосновать низкую пробу передач [3, s.204]. Американские аналитики, исследуя данный процесс, отмечают потребность выполнения требований аудитории на глубоком уровне уничтожило телевидение и отдалило от себя творческие силы, такой творческий подход позволило бы изучать телевидение в рамках искусства [3, s. 204].

В целом, для теоретиков мирового масштаба, таких как Мелани Филлипс (Британский журналист, создатель консервативного подхода, автор совместных проектов с такими фирмами, как The Times, The Spectator, Daily Mail, New Statesman и The Guardian), Крис Хартли (Великобритания, кинооператор), Джон Труби (американский сценарист, режиссер, постановщик, писатель), Сид Филд (американский писатель (1935-2013)) структура драматургии кино и телевидения всегда являлось центральной проблемой изучения. Книга Сиды Филда «Сценарий» является первым серьезным учебником в искусстве сценаристики. Многие профессионалы Голливуда считают его «гуру сценаристики». Книга Сиды Филда считается основным источником об искусстве сценаристики. Венгерский драматург и преподаватель Лайош Эгри и другие вышеуказанные исследователи, выдвинув на первый план тематические предпочтения, предложили новые структурные изменения на телевидение.

Исследователь телевидения И.И.Засуркий (1974, Москва, российский журналист, продюсер и общественный деятель, доктор философии в области филологии), проводя наблюдения за телевизионными передачами данного типа, совершенно верно отмечает, что больше всего на канале НТВ под прикрытием искусства восторженно преподносится зрителю бурный и роскошный образ жизни. В этих программах зрителю демонстрируют образ жизни зажиточных и богатых людей. Но демонстрация богатств обретенных деятелей искусства, из неизвестных источников, еще больше увеличивает чувство негодования у бедных слоев населения [4].

В академических исследованиях выделяют два подхода к искусству и его видам, сформированных в процессе сравнительного анализа и интерпретаций. В обоих подходах за основу берется все изображаемое, видимое глазу и выражаемое. В исследованиях последних лет можно ярко пронаблюдать данную тенденцию. В акте Национального Искусства и Гуманитарных Наук Конгресса США искусство определяется следующим образом. Понятие «искусство» охватывает музыку (инструментальная и вокальная), танец, драму, народное творчество, творческое письмо, архитектуру и связанные с ним отрасли, как рисование, скульптуру, фотографию,

графику и ремесленное мастерство, промышленный дизайн. Искусство этим не ограничивается. К искусству относятся также дизайн одежды, кино, телевидение, радио, фильмы, видео, кассетные и звуковые записи. К сфере искусства также относится презентация основных видов искусства, профессии связанные с выражением и демонстрацией искусства, традиционные образцы искусства различных народов живущих в этой стране, а также изучение и применение искусствознания в человеческой среде [5].

Искусство, охватывающий такой широкий спектр творческой деятельности, в целом играет значимую роль в формировании эстетического вкуса, в совершенствовании человека как личности. Данные указанных исследований еще раз подтверждает, что искусство сильнейшее средство, обладающий огромным потенциалом возможностей. В этом смысле, рассмотрение истории воспроизведения видов искусства на телевидение позволяет нам обосновать представленную нами научную работу. Принцип преемственности имеет огромное значение в развитии культуры. К сожалению, рассматривая современную историю телевидения, мы видим, что нарушен принцип преемственности.

Творческий человек всегда ощущает необходимость представить обществу созданные им произведения искусства. Мы являемся свидетелями того, что эти образцы искусства, созданные талантливыми людьми, на всех этапах современного развития играют важную роль в формировании самопознания. Четвертая промышленная революция создала тип нового человека, которая творческим личностям дала возможность демонстрировать широкой аудитории, созданные им произведения искусства на театральных и площадных сценах, в кинотеатрах, на радиоволнах, используя современную технологию. Но проведенные исследования подтверждают, что ни один из этих способов, включая технологические, не обладает теми возможностями презентации и влияния на аудиторию, которые имеет телевидение.

Телевидение играет активную роль в формировании социальных, культурных, в том числе и политических взглядов и мировоззрений. Телевидение не ограничивается передачей информации, одновременно умеет, и развлекать зрителя. Главная цель телевидения собрать вокруг себя круг зрителей не зависимо от возраста и социального статуса. Именно эта цель возлагает на телевидение огромную социальную и творческую ответственность. Жанры телевидения направлены не только на политический, социальный, но и на культурный образ жизни. Поэтому, анализируя телевидение необходимо принимать во внимание изменения в политической и культурной жизни общества. Еще в 1942 году канал «Du Mont» (США) в программе вещания стала отводить большое место развлекательным программам и комедии.

Цель данного шага было отвлечь население от хлопот тяжелой послевоенной жизни. Мастера смеха Эрни Ковач (американский комик, актер, писатель), Джерри Махоуни, Пол Улинчелл (1922-2005, американский актер дубляжа, телеведущий, деятель искусства) в прямом смысле слова были родными людьми для телезрителей. В 1956 году в истории мирового телевидения началась новая эра. Запись изображения на ленту позволило повторную передачу вещания, что стимулировала новые коммерческие возможности ТВ. Телевизионные каналы стали адаптировать творческую основу своей работы интересам коммерции. Программы Джонатана Винтерса (1925-2013, американский комедийный актер, автор альбомов с комедийными и пародийными номерами) записывались на ленту и по несколько раз транслировались, что стало толчком для новых жанров. Жанр ситком является предшественником юмористических шоу данного типа. Теле-шоу "I Love You Lucy" запомнился как первый семейный ситком в истории телевидения, который снимался одновременно несколькими камерами. Спустя несколько лет жанр сериала с 30-ти минутным хронометражем завоевал большую популярность. Использование синхронных передних и концевых титров, возможность трансляции съемок с опозданием, появление более легких переносных камер позволило возникновению на ТВ спортивных телепередач. Таким образом, телевидение стало не только носителем информации, но и чудом, способным производить всевозможные развлечения.

Кэтрин Куксон (1906-1908, Великобритания, английская писательница в жанре любовного романа, филантроп, Дама-командор ордена Британской империи) в своих исследованиях писала, что зритель как публика не вечна, но «она способна отличать хорошее от плохого». Согласно ее мнению, изменчивые сезоны телевидения, обуславливают постоянное обновление интересов зрителя. Куксон считает, что передачи, которые долгое время были причиной бурных споров и дискуссий в короткий срок могут быть забыты зрителем, не исключение появление и обсуждение новых телепередач [7, s.162]. Именно этот фактор телевидения способствует непрерывному поиску новых форм и жанров. Это требование обуславливает предпочтение инновативным изменениям в творческой политике телевидения.

Интерес к развлечениям и обращение внимания коммерческих фирм к этой сфере отвело широкое место рекреативной деятельности на телевидение. Создавалось такое впечатление, что телевидение полностью предназначено для развлечения зрителя. Попытки создания социально-педагогических, просветительских, учебных программ на фоне широко распространенных развлекательных ТВ шоу имел эпизодический характер. По мнению исследователей, быстрый рост развлекательных программ негативно сказался на содержании

вещания. Такой ход событий не позволяло другим функциям ТВ находить свое призвание на телеэкранах. На самом деле, этот процесс на телевидении стало проблемой мирового масштаба. Так, в рейтинговой таблице развлекательные шоу-передачи занимают особое место. Это дает возможность копированию долговременных однотипных телепередач. В частых случаях результаты и показатели рейтинга являются основным коммерческим источником телевидения. Но и для малоприбыльных передач в сетке телевещания должно отводиться определенное место. В целом анализ рейтинга телевидений показывает, что выпуски новостей, развлекательные передачи, социальные программы и сериалы занимают лидирующую позицию. По этим причинам среди телеканалов возникает соперничество среди однотипных - одинаковых по содержанию, но разных по формату передач.

Рассматривая музыкальные передачи должны отметить их особую долю в эфирном и спутниковом вещании. Еще в последнее десятилетие прошлого века появились попытки передачи информации в развлекательной форме. Именно в этот период появилось понятие «инфотеймент». Термин инфотеймент произошел от соединения двух слов: информация и развлечение, т.е. передача информации развлекательным путем, что и стало главным направлением деятельности телевидения.

Обсуждение и результаты исследования.

В 80-х годах XX века увеличение числа телеканалов по всему миру стало причиной жесткой конкуренции. Попытки телеканалов сообщать одни и те же новости в одно и то же время требовало разработку иных подходов, что в свою очередь стало главной причиной возникновения инфотеймента.

До 1950-х годов телевидение считалось чудом. В 60-х годах XX века телевидение стало считаться нововведением. Наконец в 70-е годы XX века почти в каждом доме появился телевизор. Повторяющие друг друга по содержанию и форме программы диктовали информационно-телевизионной индустрии необходимость новых творческих поисков. Начиная с 1980-х годов, каждый телеканал в Америке впервые стал широко использовать информационно-развлекательную составляющую – инфотеймент с целью сделать свой информационный выпуск более рейтинговым. Постепенно уменьшалась доля официальных хроник и новостей. На переднем плане стали появляться сенсационные, горячие репортажи и сюжеты. Особое место в информационных программах стало отводиться социальной, криминальной тематике и шоу-бизнесу. Все эти уловки западных телевидений имели цель привлечь внимания зрителя только к одному каналу.

Николай Алексеевич Голядкин (составитель различных международных сборников и соавтор, работы: «Телевидение США», «40 мнений о

телевидении», «Телелабиринты» и др.; основные работы: «ТВ – информация в США», «ТВ-информация в США», «Творческая телереклама», «История отечественного и зарубежного телевидения: учебное пособие», 2-е издание, 2011) цитируя Нила Шапира, представителя телеканала NBC писал, что итоговые новости следует продвигать в более эффективном, насыщенном графическом решении, в ярком цвете. Сенсационные новости должны выходить первым планом, даже опережать официальную информацию. Эксклюзивная информация очень важна. Потому, что в конце дня все равно люди услышат все новости [8, s.11]. Результаты исследований Н.А.Голядкина позволяют прийти к выводу, что передачи «20/20» на канале NBC, канал Fox News, программа «48 hours» на CBS базируются на инфотеймент. Этот процесс, начавшийся в США, стремительно получил трансфер в Европу и Азию.

Инфотеймент заняв ведущее место в творческой деятельности телевидения, создает новые стандарты, стили и направления. Передача информации в этой форме позволяет сильнее воздействовать на общественное сознание. В результате этого воздействия зритель бессознательно продолжает смотреть последующую передачу на том же канале. И таким образом, канал собирает вокруг себя широкую зрительскую аудиторию.

Сегодня наиболее актуальными научными изысканиями в области телевидения являются разработки Джеймса Меррилла (американский поэт, прозаик, драматург), Е.Дениса (Америка, 1948 -), профессор английского языка, Университет Тейлор, руководитель «преподавания профессионального написания письма», автор 30-ти книг), Элвина Тоффлера (1928-2016, американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества). Основу работ Элвина Тоффлера подчеркивает следующий тезис: «Человечество переходит к новой технологической революции». Другая же плеяда исследователей отмечают негативные стороны влияние технологической революции на телевидение. Такие социологи, как Джорж Фридман (1902-1977, французский социолог, специалист в области политических исследований), Корлисс Ламонт (1902-1995, американский философ, создатель так называемого натуралистического гуманизма) считают телевидение как основной инструмент пропаганды массовой культуры, они отмечают доступность продукции телеиндустрии широким слоям населения.

В Швейцарии понятие общественное СМИ определяется форматом «Швейцарское общество радиовещания и телевидения». Структура «Швейцарского общества радиовещания и телевидения» опирается на гражданское право и управляется советом членом и акционером, которого может стать любой человек,

проживающий, на территории Швейцарии не зависимо от гражданства. Правовые основы деятельности «Швейцарского общества радиовещания и телевидения» определяется парламентом страны. Лицензию на вещание Общественного телерадио выдается Федеральным Советом. С теоретической и практической точки зрения «Швейцарское общество радиовещания и телевидения» нельзя считать государственным телеканалом. Потому, что в законодательстве Швейцарии такая правовая форма деятельности телевидения даже не предусмотрена.

70 процентов бюджета «Швейцарского общества радиовещания и телевидения» формируется за счет членского взноса населения страны, а 30 процентов формирования бюджета приходится на долю рекламодателей и спонсоров. На сегодня «Швейцарское общество радиовещания и телевидения» состоит из 5-ти творческих объединений, организующих вещание на различных языках мира. В 2015-году по результатам референдума старый «медийный налог» Швейцарии был заменен «всеобщественными сборами солидарности медиа». Согласно указанным изменениям визуальный и аудио контент, включая и интернет, способствует созданию новых каналов и финансированию их деятельности. В перспективе планируется проведение референдума с целью обсуждения вопроса о полном финансировании телевидения за счет налогов граждан и членских взносов. Ожидаемый результат может быть не однозначным.

В другой развитой стране мира как Германской Демократической Республике способы общественного вещания наряду с независимыми СМИ составляют основу медиа системы в целом. В этой стране в центральное место в СМИ занимает Общественная национальная телекомпания ARD. Наряду с ARD общественными ресурсами вещания страны считаются «ZDF от Zweite Deutsche Fernsehen» (Второй Канал) и радиоккомпания «Deutschlandradio». Телекомпания ARD включая «Немецкую волну» состоит из 10 совместных теле-радио проектов, рассчитанных на вещание за рубежом. В совместную работу этих проектов входит деятельность «Первого Федерального Канала» и вещание с интернет платформы более 50-ти радиостанций. Но в остальном же каждый проект осуществляет самостоятельное вещание. ARD является ассоциацией учреждений общественного права. Деятельность ARD регулируется государственным договором об ARD (ARD-Staatsvertrag), ратифицируемый и денонсируемый земельными парламентами. Налог на общественное теле- и радио вещание составляет ежемесячно 17,5 евро с каждого дома (хозяйства). Доходы от рекламы и федеральных отчислений настолько мизерны, что даже не стоит говорить об этом. [9, s. 4].

Интересно, что в России выделяют две формы электронных СМИ: государственные и

коммерческие. В России вещание Общественного канала полностью принадлежит государству. В России «Первый канал» частично, а «Всероссийская Государственная Телерадио Компания», объединяющая каналы «Россия 1» и «Россия К», полностью считается государственным учреждением. Кроме того в соседней стране транслируются NTV, TNT, TV-3 и другие каналы, объединенные под общим названием «Газпром-Медиа», учережденным «Газпром»ом, 50 процентов акций которого контролируется государством. Отметим, что аналог подобной структуры встречается крайне редко [10, s.128].

Если идет речь о жанрах телевидения следует выделять интеллектуальные и развлекательные программы, ТВ – игры, ТВ – лотереи и капитал-шоу. На телевидение особое место занимают музыкальные программы. Наряду с музыкальными программами нужно отметить и трансляцию клипов, снятых на песни и музыкальные номера.

Возникновение телевидения совпало с новым историческим этапом развития культуры, которое обусловило по содержанию схожесть телевидения с массовой культурой. Артур Крокер (1945 -, канадский писатель, педагог и исследователь политологии, технологии и культуры) и Дэвид Кеннет Кук (1940-2015, британский писатель, сценарист и актер) в своих исследованиях отмечают однобокость научных подходов, оценивающих телевидение как технический объект. По их мнению, телевидение, являясь отражением аудитории, которой принадлежит, влияет на все сферы жизни общества. Исследователи считают, что телевидение, отражая основное содержание постмодернизма, является симулякрот новых образов и тем самым на самом деле создает рекламу всего. [11, s.96] Телевидение – основной способ отражения процессов современного нам времени.

Современное искусство в сущности простым и доступным языком должна стремиться выражать интересы человека. Так, погружаясь в содержание постмодернизма, который является фундаментальным принципом телевидения, обратим внимание на возможности, предоставленные этим направлением. Жан Франсуа Лиотар (1924-1998, французский философ-постструктуралист и литературный теоретик) раньше всех выявил присутствие постмодернизма в различных направлениях искусства. Арнольд Джозеф Тойнби (1889-1975, английский историк, социолог, философ истории и культуролог. Исследовал международную историю и процессы глобализации, критиковал концепцию европоцентризма. Наибольшую известность ему принес его 12-томный труд «Постижение истории») проводя социологический анализ культуры, отмечал начало новой исторической эпохи культуры с 1875 года. По мнению английского ученого трансформация системы отношений в мире, глобализация, обновление

общественного сознания меняет нас, и это в свою очередь создает новую культурную форму.

Немецкий ученый, профессор, доктор философии Вольфганг Вельш (1946 - , современный философ, представитель постмодернизма) отмечает, что еще в начале XX века постмодернистский дискурс начинал себя проявлять в антропологии и литературе. Суть постмодернизма как теории разработаны в культурологических исследованиях таких философов, как Жан Бодрийяр (1929-2007, французский философ, культуролог, философ-постмодернист, фотограф, преподаватель Йельского Университета), Ихаб Хассан (1925-2015, египетский и американский теоретик литературы и писатель). В книге Лесли Аарон Фидлер (1917-2003, критик американской литературы, известен своим интересом к мифографии и защитой жанровой фантастики, общественный деятель. Его работа включает применение психологических теорий к американской литературе) «Пересеките границу, закройте брешь» (1973) обосновывал необходимость преодоления разрыва между элитарной и массовой культурой. Американский литературовед предлагал творческим личностям создавать произведения соответствующие эстетическим вкусам, как представителей элитарной культуры, так и массовой. Новый технический прогресс активно воздействовал на искусство, тем самым оправдав постмодернистский подход.

Видный итальянский философ и писатель Умберто Эко (1932-2016) в своих работах особо отмечал изменения места и роли культуры в обществе. Кроме того, он выдвинул тезис о том, что адаптированному к технологическому прогрессу новому типу человека трудно приобщаться к классической форме культуры. Именно, поэтому искусство может существовать только в новой форме.

Нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга (1872-1945) в своем знаменитом трактате «Homo ludens» (“Человек играющий”) рассматривая культуру, религию, искусство и право как развлекательную игру, считал это частью человеческой природы. Развивая, эту идею Хейзинга применил, данный тезис и к телевидению. Ученый считал, что телевидение создает игру, в которую страстно всем своим вниманием вовлекается человек, тем самым уходя из реального мира быта. Взамен телевидение дарит зрителю иллюзорный быт, о котором может только мечтать и которого затем всеми средствами человек старается достичь. Направив все силы, способности и деятельность на достижение иллюзии, которое дарит телевидение, человек тем самым становится с общественно-политической точки зрения пассивным.

В период новой эпохи ТВ (имеется ввиду после 80-е годы XX века) шоу программы стали активно вовлекать в телевизионный процесс огромные массы зрителя. Зритель становится активным

участником ТВ процесса. В отличие от кино и театра телевидение смогло создать наиболее правдоподобную атмосферу «игры». Сила влияния по принципу «один из нас» оказался наиболее сильным и эффективным в убеждении зрителя. Подкрепляло убеждение зрителя естественность обычных людей и то, что они в отличии от профессиональных актеров они могли более убедительно передать процесс самой игры с экрана без всяких ухищрений.

Заключение

Различие цифрового мира заключается в том, что оно имеет двустороннее влияние. Оно формирует нас, и мы формируем его. В большинстве случаев мы считаем, что оно имеет плодотворное влияние на нас. Но в то же время, мы забываем о свободе коммуникации, которую преподносит нам интернет. Формирование интернет-среды возлагает большую ответственность на создателей сервисов, на интернет пользователей, журналистов, политиков, педагогов, психологов. Интернет среда в первую очередь должна быть безопасной для нового поколения. Исследователи «Центра Беркмана Кляйна по изучению Интернета и общества» Джон Пелфри (современный американский философ, культуролог) и Урс Гассер (профессор правоведения, научный руководитель центра Беркмана) новое поколение называют «детьми цифровой эры». Будучи авторами книги «Дети цифровой эры» Джон Пелфри и Урс Гассер пытаются разобраться в первом поколении детей родившихся после 80-х годов XX века и выросших в цифровом мире, которые взрослея, стремятся изменить мир по своему образу и подобию. Авторы книги называют это первое – полностью пользующееся цифровыми технологиями поколение – племенем. Это племя составляет пока, что один миллиард от всей численности мирового населения. Если учесть, что это не так уж и большое число, но является достаточно осведомленным в цифровых технологиях племенем. Это тот самый миллиард населения, который имеет свободный доступ к интернету. Это популяция людей, которые родились после 80-х годов XX века и росли параллельно с развитием интернет технологий. Первое поколение молодых людей цифровой эры родились и росли в веке цифровых технологий. Именно они изменят мир соответственно своим требованиям. Исследователи прогнозируют, что экономика, политика, культура, даже и семейный уклад изменяться относительно их потребностям. По мнению Джона Пелфри и Урс Гассера основными характерными чертами цифрового поколения являются:

- тотальная креативность,
- инновационность (разрушение существующих форм, отказ от ограничений в бизнесе, демократизация),
- многоцельность (одновременное решение нескольких коллективных вопросов).

Информационная перегрузка усложняет формирование знаний и ссылку на достоверные источники. Огромный объем информации затрудняет процесс систематизации и последовательное восприятие информации. Человеческому мозгу становится не под силу логическое умозаключения и структурирование материала. Интернет-зависимость, контакт с недоброжелателями, связь с опасными контентом (сексуальное насилие, контакты с опасными людьми, разоблачение личной жизни) являются основными проблемами современного интернет пространства.

Цифровой мир, в той частности интернет для старшего поколения и для детей может нести опасность и ограничения. Исследователь Шерри Теркл (1948-, американский социолог) отмечает высокий показатель стресса среди молодежи, столкнувшихся с отсутствием интернета. Интернет-зависимость становится причиной появления синдрома отмены, которое сопровождается ухудшением самочувствия, появлением психологических заболеваний, а также появлением панических атак. Среди молодежи есть и такие, которые потерю мобильного телефона приравнивают «смерти самого близкого родственника».

Родители, приобретая мобильные техники для своих детей, преследовали цель облегчения общения на расстоянии. Они даже и не задумывались, что придет время и безобидные гаджеты станут своеобразным миром общения среди подростков. Социальные сети облегчают подросткам занять свое место в обществе, для них она стала инструментом самовыражения. Посредством социальных сетей подростки могут свободно выразить свою точку зрения, не боясь наказания, упреков и разоблачения.

Мы сегодня безошибочно можем назвать современный мир миром интернета и глобализации. Бесперывное общение в интернете способствует просвещению подрастающего поколения, обостряет оперативную память, внимание и скорость мышления. Сейчас нет необходимости в системном знании, в навыках правописания. Хватает всего лишь и умения правильно поставить курсор. Современные дети живут в виртуальном мире. Их можно уподобить персонажу сказки Андерсона. Они, словно «Кайи живущие в ледяном замке», плетут на льду узоры, играют в игры. Поведение этих детей не адекватно в реальном мире. Через некоторое время эти же дети устанут от общения между собой посредством телефона, придет время, и они загорятся желанием увидеть друг друга в реальном измерении, и просто ходить друг к другу в гости, и тем самым начнется обратный отсчет времени.

Представители цифрового поколения, создав социальную, личностную и идеальную идентичность способны сами же его обновлять. Сегодня мир коммуникации имеет бинарную форму: «Online» и «Offline». «Информационное

поколение» придает большое значение своему общественному «онлайн» имиджу и усердно его строит. Многогранное «информационное поколение» имеет возможность получать информацию из нескольких источников одновременно. Интернет-общение исключает физический контакт, поэтому половой, социальный статус, внешний вид, коммуникационные возможности, мимика, жест и др. понятия утрачивают свое значение. Другими словами, человек планируя определенную встречу, считает необходимым привести себя в порядок, обращает внимание на речь с целью подтвердить свой социальный статус. Но социальная сеть снимает эту необходимость. Общение в социальных сетях создает иллюзию дружеских отношений и не требует определенных условий. Дружба в реальной жизни требует определенных усилий (постоянное общение, эмоциональная отдача). Дружба в социальной сети, иллюзорна и не требует этических принципов реальности. Люди, не добившиеся признания в реальной жизни, становятся героями социальной сети. Они обретают возможность свободно высказывать мысли и свои мнения. На самом деле, мы являемся свидетелями процесса дегуманизации. Технологии имеют сильное влияние на жизненно важные сферы человека, как личная жизнь и образование.

Литература:

1. Разлогов, К. Искусство экрана: от синемаатографа до Интернета. Москва: РОССПЕН, 2010, 304 с.
2. Шкондина М., Вычуба Г., Фроловой Т. (Под. Ред). Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. Москва: "Аспект Пресс", 2008, 316 с.
3. Бирюков Н. Буржуазное телевидение и его доктрины. Москва: «Мысль» 1977, 278 с.
4. Засурский Я.Н. Могучая сила – телевидение / «Литературная газета», 21 октября, 1986.
5. https://az.wikipedia.org/wiki/%C6%8F%99%99r_%C9%99mm%C9%99dov
6. Greenberg C. Modernist Painting. Washington. D.C. 1960, 314 p
7. Кэтрин Келлисон. Продюсирование на телевидении. Практический подход. Москва: «Гревцов Паблшер», 2008, 384 с.
8. Голядкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения Москва: Аспект Пресс, 2011, 190 с.
9. Мирзабеков Э.А. Беседа о телеканалах. / Газета «Наш путь» («Йени йол»). Баку: 31 апреля 2019 (на азерб.)
10. Ализаде Я.М., Магеррамли Г.М. Эфир Азербайджана: история и современность. Баку: Нурлан, 2006, 159 стр. (на азерб.)
11. The Path: Creating Your Mission Statement for Work and for Life. Hyperion, David Cook Arthur Kroker The Postmodern Scene St. Martin's Press. 1986. 1996, 224 p.
12. Эко. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург, «Symposium», 2004, 522 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Smertin Yuri

*Kuban State University, Russia
Doctor of Science in History, Professor*

COVERT OPERATIONS OF THE USSR IN AFRICA

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.285](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.285)

Annotation: During the Cold War, Africa was of great interest to the Soviet Union, which used various means to win over the elites and counter-elites of the newly independent states in the hope of making them its allies and opposing the West. Covert operations occupied an important place among these means. The purpose of the article is to analyze the secret activities of the state institutions of the Soviet Union in African countries. The study is based mainly on archival materials revealing the strategy and tactics of the actions of the top party leadership of the USSR, the State Security Committee (KGB) and the Main Intelligence Directorate (GRU). Memoirs of African and Russian participants of the events were used as important sources of information. The results obtained allow us to conclude that the secret services were an important link in the party-state machine and carried out the political order of its leadership, and their secret operations were an important part of the Soviet Union's foreign policy in Africa.

Keywords: illegal activity; active measures; State Security Committee (KGB); Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union; Main Intelligence Directorate (GRU).

Introduction

The relevance of this study is due to the current state of international relations, which many researchers call the new Cold War. The leadership of the Russian Federation in recent years, in words and in deeds, is increasingly appealing to the experience of the Soviet Union and professing a tough confrontation with the West. In these conditions, Africa is once again becoming a field of their rivalry, which has also been joined by China. The objective of the study was to analyze the secret activities of Soviet intelligence and related institutions helps to take a fresh look at some of the events and processes in the recent history of Africa.

Africa was of particular interest to the Soviet leadership and special services. They did not conduct such large-scale covert operations on other continents. According to the author and many researchers, covert operations are intelligence activities, supplying arms and money to anti-government groups and parties, subsidizing trade unions, misinformation, handing money to editors of periodicals or prepared editorials, paying transportation and other expenses to "the right people."

Covert operations were planned and developed by the International Department of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU Central Committee) and the leadership of the First Main Directorate of the KGB (Foreign Intelligence). Covert operations were carried out directly by Service A (disinformation, covert operations), Office T (active actions), 9 and 10 departments specialized in English-speaking and French-speaking African countries. Department 18 was responsible for work in Egypt and the Arab countries of the Middle East.

Africa was of great interest to Moscow, not only because the important political, ideological, and strategic interests of the USSR were concentrated here, but also because the continent after World War II became a wide field of intelligence activities of the West and the East. Therefore, covert operations in Africa were common, and both sides tried to surpass

each other in quality and quantity of operations. The author's hypothesis is that the Soviet party and state leadership, based on the idea of expanding the zone of its ideological and political influence in the Third World, considered the recently liberated countries of Africa as a priority goal. Various methods were used for this, not least covert operations.

Materials and methods

The Soviet policy towards African countries was a complex and multifaceted phenomenon, including both its visible part (state visits, official statements, etc.) and secret (operations of special services, arms supplies, intelligence activities of embassies, etc.). Therefore, the main method of research was working with archival materials stored in the Center for the Storage of Modern Documentation, created in 1991 on the basis of archival structures of the CPSU Central Committee. In 1992, the authorities of the new Russia intended to arrange a trial of the CPSU and opened secret documents relating to various aspects of the activities of party and state institutions for a narrow circle of researchers. At this time, the author had the opportunity to get acquainted with the materials that are used in this article. In 1999, the Center for the Storage of Modern Documentation was renamed the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI) and the vast majority of materials were removed from open access. To study the interaction of Soviet embassies in African countries with the structures of the Novosti Press Agency, materials from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF) were also used.

Published eyewitness accounts of the events described, former employees of the USSR and US intelligence services, were used in analyzing covert operations in Africa. The main opponent of the USSR in the Cold War, naturally, noticed the activity of the Soviet Union. The reaction of the US authorities to this topic and important factual material are contained in documents of the US Congress. Valuable information was extracted from the author's interview with a KGB

officer who had been working in Africa for a long time and the former Soviet ambassador to Zambia. A wide range of sources, most of which are published for the first time, made it possible to clarify some well-known events and take a fresh look at them, as well as to reveal previously unknown facts of secret operations in African countries planned by the top leadership of the USSR.

Results

The main goal of Soviet intelligence was twofold. On the one hand, the KGB worked on the "main enemy" (the United States and the Western powers). The conditions for clarifying relations with the intelligence services of the West and the East were very favorable in Africa. According to I. Prelin, a retired colonel of the KGB, this continent was "free for spies". "There was something to do in Africa and there was an opportunity to do the work relatively calmly" due to the fact that the local weak special services were absorbed in the struggle with the internal opposition and they didn't care "what white people share there".¹ The leadership of the USSR focused the special services on obtaining and analyzing reliable information about the processes taking place in African countries and national liberation movements and on influencing these processes in the right way for the Kremlin.

The creation of parallel operating illegal and legal intelligence networks was characteristic of Soviet intelligence. The illegal agents had their own resident, who usually lived in a country with a foreign passport and pretended to be a citizen of another country who, for example, was engaged in business. An example of such an illegal can be an intelligence officer, Yuri Loginov, aka Edmundas Trinke, who was arrested in Johannesburg in 1967. Loginov was trained for intelligence work for about eight years. During this time, he improved his English, refined in accents, customs, roles of an accountant and a traveling writer. In South Africa Loginov collected information about military and naval bases, about De Beers and the political situation in the country.² The piquancy of the situation was that Loginov offered his services to the CIA as early as 1961 in Helsinki, however in Langley they were not sure of his sincerity, because they thought

it was a KGB game and they passed Loginov to the authorities of the Republic of South Africa. Two years after his arrest, Loginov was exchanged in Germany for eleven West German agents who were detained and serving prison sentences in the GDR.³

In 1980, a KGB high-ranking officer, Alexei Kozlov, was arrested in South Africa and exchanged for eight Western agents imprisoned in the USSR. There is information that Mossad requested the South Africans try to get Andrei Sakharov out of the USSR in exchange for Kozlov.⁴

However, illegal networks were not characteristic of Africa since their existence was associated with serious risks and high financial costs. Illegal networks could exist only in key countries and were created most often by the Main Intelligence Directorate (GRU) of the General Staff of the USSR Armed Forces, which carried out strategic and military intelligence. South Africa was of interest to the Soviet Union for its nuclear program and the possibility of obtaining technical information about the weapons systems of Western countries and Israel, and the lack of diplomatic relations with South Africa (since 1956) excluded other channels of intelligence activities. The case of the high-ranking naval officer Dieter Gerhardt is widely known⁵. He represented the navy in all South Africa's security services and transmitted secret information on the armies of South Africa's Western allies and modern military technology to Moscow for 20 years (since 1962), primarily in the field of electronics. For this activity, he received \$ 325,000 from Moscow and a life sentence from South African authorities.⁶

Exploration was carried out through a legal network in the vast majority of African countries. The "legal" intelligence officers were KGB officers who worked in Soviet embassies, trade missions, the Novosti Press Agency and other organizations.⁷ The saturation of these institutions by KGB officers was very high. I. Greig, based on various data, believes that such officers constituted from one-quarter to one-third of all personnel in the USSR embassies in African countries.⁸ These assessments should be taken as the most general. The numbers could change upwards or downwards for each country and for each period.

¹ Prelin I. Kontrakt s predatелеm. Stolitsa. 1993, No 4. P. 13.

² Carr B. *Spy in the Sun*. Cape Town: Howard Timmins, 1969. P. 170.

³ Campbell K.M. *Soviet Policy towards South Africa*. London: International Institute for Strategic Studies, 1986. P. 132; Wise D. Okhota na "krotov". *Sekretnyj poisk predatelej, potryasshij CRU*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. pp. 105-105, 134; Prokhorov D., Lemekhov O. O. *Perebezhchiki. Zaochno rasstrelyany*. Moscow: Veche, 2001. P. 42.

⁴ Filatova I., Davidson A. *The Hidden Treat. Russia and South Africa in the Soviet Era*. Johannesburg & Cape Town: 2007. P. 402.

⁵ See: Filatova I., Davidson A. *The Hidden Treat. Russia and South Africa in the Soviet Era*. Johannesburg & Cape Town: 2007. P. 386-393.

⁶ Venter Al. J. *How South Africa Built Six Atom Bombs*. Pretoria^ Ashanti Publishing, 2008. P. 64-65; Kalley J.A, Schoeman E., Andor L.E. *Southern African Political History: a chronology of key political events from independence to mid-1997*. Westport: Greenwood Publishing Group, 1999. P. 480.

⁷ About illegal activities of Novosti Press Agency in Africa see: Smertin Y.G. *Word of the NPA: The Propaganda in Africa during the Cold War*. Astra Salvensis Review of History and Culture. 2018, No. 1 (11). P. 257-273.

⁸ Greig I. *The Communist Challenge to Africa*. Richmond: Foreign Affairs Publishing Co. Ltd, 1977. P. 116.

According to the testimony of the former KGB officer V. Karpov, who has worked for more than 20 years in African countries, there was no residency at all in some countries. "The policy of local regimes did not care about foreign intelligence. Residency was created where there was an opportunity to work on the main enemy. For example, in Senegal".⁹ However, the entire diplomatic composition of the embassies was engaged in intelligence activities in one form or another. The document "Perspective plan for support and development of contacts of the operational and diplomatic staff of the Embassy in the diplomatic corps and among representatives of national liberation movements", approved by the USSR Ambassador in Algeria on May 3, 1976, ordered the ambassador, all advisers of the embassy and secretaries to have close ties with specific diplomats of all embassies and representative offices located in the capital. There were 10-15 people for each person.¹⁰

A typical example of the non-diplomatic activity of Soviet diplomats in Africa is the incident that took place in Congo (Léopoldville) in November 1963. The Congolese authorities seized documents proving the existence of ties between the Soviet embassy and the National Liberation Committee, an anti-government organization that called itself a "government in exile". The Chairman of the National Liberation Committee, leader of the National Liberation of the Congo (Lumumba) party, Christoph Gbeni and his associates visited Moscow at the invitation of the CPSU Central Committee, where they were consulted about the possibility of "progressive forces" coming to power in the Congo.¹¹ Prime Minister Syrille Adoula described the case as follows. On November 19, a boat arrived from Congo (Brazzaville), carrying a car belonging to an adviser to the USSR Embassy. The owner of the car, accompanied by the Embassy attache, wanted to pick it up, but the security service decided to inspect the suspicious cargo and found curious documents. There was a personal message from Gbeni among them. He wrote that the goal of his party was to gain power through a coup. The documents contained a request to the leadership of the USSR for assistance with weapons and special reconnaissance equipment. Gbeni also requested to transfer through the employees of the Soviet embassy 4 billion fake Congolese bank notes.¹² The reaction followed immediately. The entire embassy was declared *persona non grata*, and the adviser and the attache were expelled from the country immediately. Telegrams were sent to Khrushchev and Brezhnev requesting the names of new diplomats to obtain the consent of the Congolese government.¹³ The new composition of the Soviet embassy in Leopoldville

was not much different from the previous one, and ties with anti-government forces continued. In the early 1970s, the Congolese authorities concluded that the KGB was intensifying its activities in the country and has its agents in the army, the ministries of information and foreign affairs, and the national archive. The government expelled four alleged KGB officers and demanded that the size of the embassy be no more than seven.¹⁴

Often, the KGB is depicted in Western publications as a well-tuned, soulless, machine operating with mathematical logic. Undoubtedly, the KGB, along with the Main Intelligence Directorate, was the most efficient and effective tool of the Soviet system. However, because the KGB was a part of the system, it had its inherent flaws. The rigid and unconditional subordination of the lower to the higher level, the intervention of the party organization, the leadership of the party leaders from the Central Committee of the CPSU, and nepotism reduced the effectiveness of the KGB and its First Main Directorate. According to O. Gordievsky, reporting in the KGB was not particularly accurate. In messages to the Center on a specific topic, which was requested from the residency, the latter simply copied information received from the media, attributed it to anonymous agents, or even invented some details to please the Center.¹⁵ Sometimes it was, apparently, a necessary measure, because the most incredible information was often requested from Moscow. V. Karpov recalled that encrypted telegrams for intelligence were sent from the Central Committee around the world with an order to clarify the position of the leadership of a country on individual world problems, and the specifics of a particular country were completely ignored. For example, a cryptogram arrived in Chad, which described what positions the United States, the United Kingdom, Japan, China, etc. occupy on the problems of the seabed. The task was to find out Chad's position on this issue. "Rezidentura" in the response cipher to the Center said maliciously: we analyzed our capabilities, met with sources A, B and C, and they said that since Chad has no sea borders and they will not appear soon, the position of the Chad leadership on this issue is absolutely indifferent. Another example: an instruction was sent to an Arab country to work on the Vatican, because such assignments were sent all over the world. Since there were no Christians, it was impossible to obtain such information.¹⁶

The KGB was interested not only in the Soviet embassies in Africa, but also in the African embassies in Moscow in terms of obtaining intelligence information. Through the abduction of information,

⁹ Author's interview with V. Karpov. 01/25/1994.

¹⁰ Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fond (F) 68. Opis' (O) 20. Papka (P) 31. Delo (D) 8. Listy (L) 18-19

¹¹ Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Card file. Resolution Secretariat of the Central Committee of the CPSU No. 42. 02.10.1962.

¹² AVP RF. F. 628. O. 6. P. 9. D. 9. L. 10.

¹³ AVP RF. F. 628. O. 6. P. 9. D. 9. L. 7, 15.

¹⁴ Mazov S.V. *Holodnaya vojna v «serdce Afriki»: SSSR i kongolezskij krizis, 1960-1964*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2015. p. 101.

¹⁵ Gordievsky O. *Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva*. Moscow: Nota Bene, 1992. p 622.

¹⁶ Author's interview with V. Karpov. 01/25/1994.

which was carried out by employees of some embassies, as well as through technical means, the leadership of the CPSU was supplied with secret information of a political nature, which was important for the formation of strategic and tactical approaches in African politics. Thus, the Deputy Chairman of the KGB, R. Zakharov, informed the Central Committee of the CPSU in January 1969 that the Kenyan leader, Jomo Kenyatta, instructed the relevant ministries to prepare a report on the state of Kenyan-Soviet relations and, in order of its implementation, the Ministry of Foreign Affairs of Kenya sent a request Kenyan ambassador in Moscow. KGB learned that "in his response, the ambassador spoke out against expanding relations with the Soviet Union".¹⁷ On March 31, 1969, Zakharov informed the Central Committee of the CPSU about the content of the letter sent by the Ethiopian Ambassador to Moscow to the emperor Haile Selassie.¹⁸ Such information could only be obtained from recruited embassy staff. The Embassy of Cameroon sent a protest note to the USSR Foreign Ministry in May 1967 after night unknown persons entered the Charge d'Affaires' of Cameroon in the USSR, Mvondo, and broke into a metal safe with secret documents and ciphers of the embassy, and he did not take the money in the safe.¹⁹ It is unlikely that simple Soviet robbers would be able to get into the embassy's building, which was carefully guarded by the police, and the robbers, having admired the ciphers, could ignore foreign currency.

Journalism as a tool of disinformation and intelligence

One of the main tasks of the KGB in Africa, as well as on other continents, was to carry out "active measures" aimed at manipulating the public opinion of foreign countries in order to strengthen Soviet influence and weaken the position of the West. The development of specific projects was carried out by the Service A of the First Main Directorate of the KGB on the instructions of the International Department of the CPSU Central Committee and on its own initiative, but with the approval of the party leaders. During the period from 1975 to 1985, according to the testimony of the former KGB colonel, Oleg Gordievsky, Service A grew from 50 to 80 people. It was placed in Yasenevo, on the outskirts of Moscow. Another 30-40 people worked in the Novosti Press Agency on Pushkin Square. Vladimir Kryuchkov, who led foreign intelligence at that time (from 1974 to 1983), enthusiastically supported "active measures" and often discussed specific projects in the International Department of the CPSU Central Committee.²⁰

Counterfeit documents fabricated in Moscow and foreign residences were central to the "active measures". Sometimes these were authentic

documents, modified and interpreted in the "right light", but more often, they were essays completely invented by disinformation specialists. Their goal was to discredit the policies of the United States and its allies, as well as certain influential individuals.

From the mid-1970s, as part of the development of the "main theme", Egyptian President Anwar Sadat, who was very disliked in Moscow for withdrawing from the pro-Soviet course Gamal Abdel Nasser, became one of the main goals of active events. At first, the Egyptian and some other media outlets published anti-Sadat statements by top US leaders, which should have worsened American-Egyptian relations. Then, according to Gordievsky's testimony, "large residencies received a circular from Service A, instructing them to spread rumors that Sadat was a former Nazi, that Nasser spoke of him as a mentally unstable person, that he was under the thumb of his wife, ... that he was a CIA agent, and finally, when he had to flee Egypt, the CIA promised him a villa in [Swiss] Montreux"²¹.

KGB officers who were in African countries under journalistic cover were often involved in active activities. Along with intelligence activities, this was the main part of their hidden activities. The position of a journalist expanded the possibilities for this kind of occupation, since, unlike diplomats, journalists had greater freedom of movement and greater opportunities to meet with influential people.

In April 1976, the KGB Chairman Yuri Andropov wrote to the CPSU Central Committee: "The Izvestia newspaper has for several years been a correspondent's office for working with the countries of Central Africa with its headquarters in Brazzaville (People's Republic of Congo). A KGB officer holds the post of correspondent in it. In order to create conditions for the deployment of intelligence work and information on events in the People's Republic of Angola (as well as in neighboring countries of Southern Africa), the KGB of the USSR would consider it expedient to convert the above-mentioned correspondent paragraph of the Izvestia newspaper to work with countries Central and South Africa, determining its location in the capital Luanda, and determining the circle for multiple trips by the following countries: Republic of Zambia, People's Republic of Mozambique, Gabonese Republic, People's Republic of the Congo, United Republic of Cameroon, Republic of Zaire, Republic of Equatorial Guinea, Central African Republic". The Secretariat of the CPSU Central Committee by its resolution of May 5, 1976 granted Andropov's request.²²

The Telegraph Agency of the Soviet Union (TASS) also did not stand aside from intelligence activities. In 1980, by the decision of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU (No. ST – 210 /

¹⁷ RGANI. F. 5. Op. 61. D. 544. L. 3.

¹⁸ RGANI. F. 5. Op. 61. D. 544. L. 50.

¹⁹ AVP RF . F. 576. O. 10. P. 8 D. 2. L. 27-29.

²⁰ Gordievsky O. *Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva*. Moscow: Nota Bene, 1992. p. 631.

²¹ Gordievsky O. *Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva*. Moscow: Nota Bene, 1992. p. 550.

²² RGANI. F. 89. Pereplet (Per) 27. Dokument (Dok) 11. L. 4, 1-2.

57gs. 13.05.1980) a TASS office was established in the Republic of Zimbabwe. A separate paragraph of the resolution read: "The position of a correspondent ... will be replaced by an employee of the State Security Committee".²³

V. Karpov spoke about one of the exotic variants of active events in Africa. "We took local newspapers, bulletins, which were covertly financed by the Americans, copied them, inserted materials that were favorable to us, and sent them. Thus, we discredited these publications. For example, they scold the Soviet Union in an article, and we instead insert criticism of Israel. Americans say to the editor: "Oh, you son of a bitch! We paid you money, and you do such things". He begins to make excuses. Sometimes these organs of information were closed down".²⁴ However, more widespread active activities carried out by KGB officers under diplomatic and journalistic cover were bribing editors and journalists of African newspapers to publish articles fabricated in Moscow, signed by local authors or anonymously. These were anti-Western or pro-Soviet articles that were later reprinted in other African publications, quoted by the Soviet media as evidence of broad international support for the policies of the Soviet Union. Journalists who worked closely with the KGB (sometimes without realizing this fact) became agents of Soviet influence in the high spheres of government in some African countries.

Financial and material support for pro-Soviet parties and movements

Many of the new independent countries of Africa declared their socialist orientation, which opened up prospects for their cooperation with the Soviet Union and gave hope to its leadership to create a broad anti-Western front on the continent. However, in the early 1960s, N. Khrushchev showed skepticism regarding the revolutionary potentialities of "national democratic" regimes and the degree of their closeness to the CPSU. Ghana and Guinea showed excessive autonomy from the point of view of Moscow. Neutralism of African states, which at first seemed anti-Western, increasingly showed its equidistance from the main military blocs; Moscow was not satisfied with the results of a vote by African countries at the UN on many important issues for the Soviet Union. It became clear that revolutionary nationalism could not be a reliable ideological and political pillar of the USSR in Africa, like its bearers, educated and entrepreneurial elite. African policy of the Soviet Union was aimed at supporting existing communist parties and groups and movements close to them, as well as assistance in creating new pro-Soviet political entities. Moscow considered all these parties, movements, groups, at least, as a means of putting pressure on the ruling regimes. Their real strength depended primarily on Soviet support, mainly financial. Every year, the Politburo passed resolutions

determining recipients of money and specific amounts. Among the recipients were the Congress Party for the Independence of Madagascar, the People's Democratic Party (Sudan), the All People's Congress of Sierra Leone, the Kenya People's Union, the Socialist Workers and Peasants Party of Nigeria and others. The average annual infusion into the pro-Soviet party was \$ 30-40 thousand. The Politburo had always instructed the KGB to transfer currency.²⁵

African communists understood Moscow's interest in them and did not hesitate to ask for money using the anti-imperialist rhetoric that was dear to the Kremlin leaders. In 1968, Otegbey, general secretary of the Socialist Workers and the Peasants Party of Nigeria, asked for increased financial and material assistance, "which was a great help in normal times, but would not be enough in the face of growing and continuing problems fierce cold war. Comrade Otegbey was invited to Moscow "to discuss the issues raised in the letter".²⁶ In Congo (Brazzaville) after the overthrow of the regime Fulbert Youlou in 1963, the recipient of "fraternal assistance" was the Marxist wing in the ruling party, the National Revolutionary Movement. His leader, A. Massamba-Débat, spoke of the socialist orientation of his policies, but his socialism seemed to Moscow and local Marxists to be too "african". Therefore, the Central Committee of the CPSU regularly supplied money to A. Noumazalay, the leader of the pro-Soviet group, whose aim was to overthrow the Massamba-Débat regime. Such ambitious tasks required large expenditures; Noumazalay reported this to Moscow through KGB officers. The Chairman of the KGB, Y. Andropov, informed the CPSU Central Committee on February 9, 1968: "In accordance with the decision of the CPSU Central Committee No. P 68/39 of January 30, 1968, the representative of the KGB delivered the leader of the Marxist group of the People's Revolutionary Movement of the Republic of the Congo (Brazzaville) to Noumazalay \$ 5 thousand. When receiving the money, A. Noumazalay handed a note to the KGB representative asking for financial assistance in the amount of 100 thousand US dollars. If it is decided to satisfy the request of A. Noumazalay, I would consider it expedient to transfer money to him in parts, since the presence of a large amount of money may bring suspicions to A. Numazalay".²⁷ It was written by hand on the appeal of Y. Andropov to the Central Committee: "A. Noumazalay's request was considered by the Politburo on 04.22.68. Noumazalay reported".²⁸

Perhaps this money, if it was not stolen, worked for a leftist military coup that Marian Ngouabi committed in August 1968. However, contradictions soon arose between Ngouabi and the Marxist group. Congolese Marxists viewed Ngouabi as a tool to break through to the levers of power. However, Ngouabi did

²³ RGANI. F. 89. Per. 32. Dok. 29. L. 3.

²⁴ Author's interview with V. Karpov. 01/25/1994.

²⁵ RGANI. Card file. Minutes No. 8 of the meeting of the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU of 06/24/1966; Minutes No. 73 of the meeting of

the Politburo of the Central Committee of the CPSU of 04.03.1968, etc.

²⁶ RGANI. F. 50. Op. 60. D. 448. L. 33-34.

²⁷ RGANI. F. 89. Per. 51. Dok. 26. L. 2.

²⁸ RGANI. F. 89. Per. 51. Dok. 26. L. 3, 2.

not want to be on the sidelines and began to limit their claims. In addition, he saw in Marxism an important means of mobilizing the people and receiving help from the USSR. The new Congolese leader found support in the Central Committee of the CPSU in this, since he relied on the only real force - the army, unlike the Congolese left-wing intellectuals who are prone to fruitless discussions. The Congolese Party of Labor, founded in 1969, was to implement Nguabi's policy of building the foundations of socialism and a close alliance with the USSR in the country. The "historical leftists", as the Congolese marxists called themselves, feeling offended and deceived, decided to fight against the Nguabi regime, which had destroyed their monopoly on relations with Moscow. They again needed money, but the Soviet leadership had already made a choice. The Central Committee of the CPSU, in response to the regular request letter from Noumazalay made a decision: "On the inexpediency of satisfying the request of Noumazalay, the former party secretary of the National Revolutionary Movement (Congo-Brazzaville), to provide him with financial assistance to revitalize his activities against the leadership of the ruling Congolese Party of Labor, as unjustified and not appropriate to the situation in the Congo".²⁹ By this time, Moscow had reconsidered its attitude towards the perspectives of the communist movement in Africa. The support of weak and inactive pro-Soviet Marxist groups demanded large financial expenditures, and the effectiveness of their actions was extremely low. The foreign policy under L. Brezhnev became more pragmatic and cynical, although the support of stronger communist parties and movements close to them continued, where it was beneficial and fit into the context of confrontation with the West.

One type of clandestine operations in Africa was the training of intelligence personnel for the parties of Marxist-Leninist orientation. Training and practical classes was conducted in the USSR and the KGB was engaged in it, while the reception and servicing of students were assigned to the International Department of the CPSU Central Committee. The archives of the CPSU Central Committee contain many requests from African communist parties with a request to accept their members for "special training" and to teach "organizing actions to decompose the enemy", "the experience of the revolutionary movement in using women to gather information", "making false documents" and etc. Sometimes Moscow directly came to the rescue and compensated for the weaknesses of its ideological allies

with all the power of its well-established system of conspiracy activities. In June 1974, the Central Committee of the CPSU received a letter from one of the leaders of the South African Communist Party with a request to produce 100 blank passports of the neighboring country Swaziland for its "activists". The Secretariat of the CPSU Central Committee instructed the KGB to make fake passports "with the necessary number of seals and stamps in a three-month period and hand them over to the leadership of the SACP".³⁰ The greatest financial, material and intellectual expenses were demanded by clandestine operations to support anti-government groups and parties that set themselves the goal of overthrowing "anti-people" regimes by armed means. Moscow acquired its first such experience in Africa in the early 1960s when it decided to place a stake in the Congo (Brazzaville) on government opposition groups and Antoine Gizenga, an associate of Patrice Lumumba, chairman of the African Solidarity Party, created before the independence of the country. In January 1960, Gizenga was invited to Moscow, where he negotiated with the Soviet leadership for two weeks.³¹ When the Congolese authorities discovered the facts of hidden financial and material assistance to underground anti-government forces, the entire staff of the Soviet embassy in Brazzaville was expelled in November 1963. However, after this, Moscow did not interrupt contacts with the opposition. The leadership of the Congolese National Movement, whose co-founder was Gizenga, was secretly invited to Moscow for consultations, followed by material assistance.³² Hopes for the overthrow of the pro-Western regime remained. In December 1964 and in January 1965, 12 heavy transport planes with Algerian identification marks printed on top of red stars transported more than 100 tons of weapons and ammunition from Algeria to Khartoum (Sudan). Soviet pilots, who had Algerian doublers, controlled the planes. From Khartoum on light aircraft, cargo was transferred to South Sudan and from there by truck delivered to the borders of Congo (Brazzaville).³³ However, even this support could not provide the "patriotic forces" of coming to power. Large-scale assistance ceased, but A. Gizengu was resettled to Moscow in 1969, where he was reunited with his family, who had lived on Soviet money for several years. In November 1971, the Soviet authorities, having lost their hopes for a change in the situation in Zaire, sent Gizenga to Belgrade and gave him \$ 200.³⁴

²⁹ RGANI. Card file. Resolution of the Central Committee of the CPSU, adopted without a vote. Secretariat of the CPSU Central Committee March 4, 1970

³⁰ RGANI. F. 89. Pereplet 46. Document 118. L. 1-3.

³¹ RGANI. Card file. Minutes No. 42 of the meeting of the commission of the Central Committee of the CPSU on ideological, cultural and international party relations dated January 9, 1960.

³² RGANI. Card file. Resolution of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU: №100 from

20.05.1964; No. 109 Ot 04/01/1965; №125 from 8/24/1965.

³³ Greig I. The Communist Challenge to Africa. Richmond: Foreign Affairs Publishing Co. Ltd, 1977. P. 155.

³⁴ RGANI. Card file. Resolutions of the Central Committee of the CPSU, adopted without discussion: from 09/28/1967; from 02.22.1968; Minutes No. 77 of the meeting of the Secretariat of the CPSU Central Committee of August 12, 1969; Resolution of the Central Committee of the CPSU, adopted without a

South Africa as a special interest area

The emergence of "national liberation movements" in the South of the African continent gave Moscow a chance to increase its influence in this strategically important region and try to bring pro-Soviet regimes into power in the future. The biggest bet was made in the Republic of South Africa, where a strong the South African Communist Party (SACP) operated in alliance with the left-handed the African National Congress (ANC). Moscow hoped to provide the ideological leadership of the communists in the ANC-SACP alliance and, through them, pursue its policies in the liberation movement of the Republic of South Africa. However, the ideological differences between these organizations were too deep, and the ANC did not seek to bring positions closer together. Its leaders wanted to use the links of the SACP with the Soviet Union, believing that the leadership in this alliance should belong to them. The Soviet leadership did not like this situation, and they made it clear that the provision of military assistance would be associated with the establishment of a more equal partnership in the liberation movement in South Africa. In 1969, the ANC and the SACP agreed to establish a joint revolutionary council to lead the armed struggle at a conference in Morogoro (Tanzania). White communist Joe Slovo, who was considered a specialist in military matters, joined the leadership of the ANC. After that, it was possible to demand the expansion of military assistance from the USSR³⁵. In July 1969, a delegation of the ANC-SACP arrived in Moscow for talks with the leadership of the Main Intelligence Directorate of the General Staff of the USSR Ministry of Defense. Oliver Tambo, President of the ANC, asked for help with weapons, equipment and ammunition, train military and political personnel in the USSR, and assist in the transfer of ANC fighters in South Africa by sea. South African requests were satisfied by the decision of the Central Committee of the CPSU.³⁶ Weapons began to arrive regularly at the ANC bases; hundreds of South Africans began to learn military science and underground work techniques in the USSR. Ronnie Kasrils wrote of his military training in the USSR:

"After a year ... we had become proficient in the use of small arms – including the pistol, AK-47 assault rifle and a variety of light and heavy machines guns. We went through a range of exercises on assault courses – in all conditions. We learnt to throw hand grenades and lay minefields. We learnt field craft and became adept at navigating in various terrains, by night

and day, with and without a compass. We learnt how to sabotage installations, with military and home-made explosives, and we became skilled at laying booby-traps. Some of us specialized in heavy artillery weapons, while others concentrated on tactics, engineering, communications or commando tasks. We all learnt how to drive army trucks and, most exciting of all T54 tanks".³⁷

Supplies of Soviet weapons increased especially in the late 1979s, after Angola gained independence. In 1976, a military and naval attache of six persons was created at the Embassy of the USSR in Angola, "taking into account the development of relations with this country along military lines and the volume of tasks facing the Main Intelligence Directorate of the General Staff in the southern parts of the African continent.³⁸ Tanks, artillery guns, mortars, air defense equipment and much more flowed into Angola for the ANC. Food, buses, cars, cinema sets, radios, typewriters, propaganda literature, etc., up to pants and socks, besides guns, regularly entered the ANC bases.³⁹ According to Chief Department of Military Technical Co-operation of the Ministry of Foreign Economics Relations the total cost of assistance to the ANC from 1963 to 1990 was about 61 million rubles.⁴⁰ (In the 70s–80s, 1 dollar was officially estimated at 0.6-0.7 rubles.

All this was not given disinterestedly. As compensation, Moscow was counting on loyalty and benefits in the future and in the present.

For intelligence activities, the KGB widely practiced recruiting its agents among ANC members, although, as noted by O. Gordievsky, Moscow prohibited such activities in the ranks of the SACP. One of the main points of contact between the KGB and South African agents was Stockholm, where the ANC had the largest representation outside Africa. Another task of the KGB in South Africa was the transfer of money to the leadership of the SACP and the ANC. Gordievsky asserted that he personally handed over to Yusuf Dadoo, the National Chairman of the SACP, in a total of 54,000 pounds sterling for the SACP and 118,000 for the ANC from mid 1982 to January 1983.⁴¹

How effective were these financial and military injections into the "national liberation movement" of South Africa? Many experts believe that the return on money was inadequate to the invested funds. This is confirmed by other information. The KGB officer Alexei Kozlov, mentioned above, was tasked with finding out the effectiveness of using Soviet aid, since there were suggestions that the ANC was not working

vote of the Secretaries of the Central Committee of the CPSU, without recording in the minutes of 05.11.1971.

³⁵ The Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and the Anti-Apartheid Struggle // South African History Online

<https://www.sahistory.org.za/article/union-soviet-socialist-republics-ussr-and-anti-apartheid-struggle>

³⁶ RGANI. F.5. Op.61. D. 543. L.186.

³⁷ Kasrils R. *Armed and Dangerous. From Undercover Struggle to Freedom.* Johannesburg & Cape Town: Ball Publishers, 2004. P. 72.

³⁸ RGANI. F.89. Per.27. D. 7. L.18, 15.

³⁹ RGANI. Card file. Minutes of the meetings of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU: №84 from 01/19/1972; № 27 ot 01/19/1972; №133 from 07/30/1974; No. 151 of December 11, 1974; No. 25 of 09/13/1976; №117 ot 07.24.1978 and others.

⁴⁰ *Nezavisimaia gazeta*, 8 August 1992.

⁴¹ Gordievsky O. *Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva.* Moscow: Nota Bene, 1992. p. 564.

enough on the money spent by Moscow. During interrogations, he showed that it was precisely in such a way that “the leaders of the ANC are ineptly squander Soviet aid”.⁴² Moscow had no significant influence on the policy of this organization. The leaders of the ANC regularly came to the USSR, they were accepted by the Central Committee, and they, together with their curators, plotted plans to fight imperialism and apartheid. The South Africans, knowing the weaknesses of their owners, told them pleasant things, and receiving another batch of money and promises of military aid, they drove off to European and African capitals. Most of them were very far from communism, socialism, and asceticism.

Another major recipient of Soviet military and financial assistance in Southern Africa was the People’s Organization of South-West Africa-South-West Africa’s Peoples Organization, (SWAPO), created in 1958 on the basis of various political groups opposing the Pretoria government in Namibia. In the early 1960s, due to the radicalization of the liberation movement in South Africa, The SWAPO switched to guerrilla tactics and began to receive military assistance from the Soviet Union, China, Algeria and Tanzania. Until the mid-1970s, the degree of USSR involvement in Namibian affairs was insignificant and was expressed mainly in propaganda support and irregular supply of small quantities of weapons.⁴³ The situation changed in 1976. The anti-Western Popular Movement for the Liberation of Angola (MPLA) came to power in Angola with the help of Cuban troops and Soviet weapons (including tanks, anti-tanks and anti-aircraft weapons and MiG-17 fighters), and this country became the main base for large-scale covert operations in the region⁴⁴. In 1976, at its congress in Lusaka (Zambia), The SWAPO adopted a political program in the spirit of Marxism-Leninism. In the same year, the head of the SWAPO Sam Nujoma came to Moscow three times to present his positions and negotiate the expansion of Soviet aid. In addition, he twice visited Cuba, where he negotiated the military training of his fighters. The consequences of all this were the expansion of armed struggle and the creation of the armed forces of the SWAPO - the People's Liberation Army of Namibia (PLAN). The Soviet leadership, convinced by the example of Angola and Mozambique that the strong support of the partisan movements could bring them to power and bring political dividends,

decided to radically strengthen the assistance of the SWAPO. Moscow had no illusions about the military victory of the PLAN over the armed forces of South Africa. The goal, apparently, was the creation of instability in South Africa, its isolation in the international arena and possible political benefits in the future, when the situation in southern Africa would change dramatically.

Soviet weapons and military equipment entered Angola and then were shipped to SWAPO bases. The size of these supplies was determined by the Main Intelligence Directorate and approved by the Central Committee of the CPSU. However, sometimes the leadership of the SWAPO took the initiative and requested additional assistance. So, Sam Nujoma, in a letter to the CPSU Central Committee (07/31/1985), presented a list of more than 40 pages, including tanks (10), mortars, recoilless guns, Grad missile launchers, Strela-2m anti-aircraft launchers, 2800 AKMs (the modification of AK-47), rifles, pistols, cartridges, grenades, mines, communications equipment, 6 Volga cars, trucks, gasoline, uniforms for 20 thousand people, as well as food, knives, forks, axes, nails, pants and socks. The SWAPO received “free extra help”.⁴⁵ This was for one year only.

One form of the secret Soviet aid to the SWAPO was the training of its armed forces. As in the case of the African National Congress, military training was carried out both in the USSR and in Angola. Almost all students from Namibia who graduated from Soviet educational institutions, then additionally studied in special centers set up by the GRU, methods of guerrilla warfare, political work in the army and with the population.⁴⁶ The situation in Rhodesia was more difficult for the Soviet Union. The two, the Zimbabwe African National Union (ZANU) liberation movements, led by Marxist Robert Mugabe and the Zimbabwe African People's Union (ZAPU), led by the “revolutionary democrat” Joshua Nkomo led the armed struggle against the white minority in Rhodesia. Each organization has advertised itself as the sole representative of the black population. The choice of Moscow fell on the ZAPU and Nkomo, since Mugabe did not hide his sympathy for China and enjoyed his support. ZAPU armed forces received weapons from the PRC and were trained by Chinese military instructors.

⁴² Campbell K.M. Soviet Policy towards South Africa. London: International Institute for Strategic Studies, 1986. P. 132.

⁴³ Legum C. Soviet Union, China, and the West in South Africa. Foreign Affairs. 1976, No 4, P. 758.

⁴⁴ Shubin V. The Hot “Cold War”: The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press, 2008. P. 57; Somerville K. The U.S.S.R. and South Africa since 1976. Published online by Cambridge University Press: **11 November 2008** // [https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-modern-african-studies/article/abs/ussr-and-southern-africa-since-](https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-modern-african-studies/article/abs/ussr-and-southern-africa-since-1976/3428AECC01A68EAE82E084AB4723491D#article)

1976/3428AECC01A68EAE82E084AB4723491D#article; Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 235.

⁴⁵ RGANI. F.89. Per. 15. Doc. 19. L. 2-86.

⁴⁶ U.S. Congress, Senate Subcommittee of Security and Terrorism of the Committee on Judiciary. The Role of the Soviet Union, Cuba and the East Germany in Fomenting Terrorism in Southern Africa. Vol. 1, 97 / Congress, 2d Session. Washington: U.S. Government Printing Office, 1982. P. 59, 67.

The first contacts with ZAPU were established in the early 1960s with the mediation of the African National Congress.⁴⁷ From the mid-60s, Moscow began to provide financial, political and, most importantly, military assistance to the ZAPU. Soviet instructors trained the ZAPU fighters in the USSR, Zambia and, possibly, in Egypt and Algeria, and after the MPLA came to power, and in Angola.⁴⁸ The latter circumstance, as well as the arrival of V. Solodovnikov, the former director of the Institute for African Studies of the USSR Academy of Sciences, to Zambia in July 1976 as the USSR ambassador to this Republic greatly expanded the scale of military aid to the ZAPU. Solodovnikov managed to break the ice of distrust that arose between Zambian President Kenneth Kaunda and the Soviet leadership. The former ambassador told the following about this: "I came to Zambia when our relationship was nil due to the events in Angola. President Kaunda, his government, advocated reconciliation for all liberation movements in Angola. There were many who sympathized with the MPLA and endorsed our help to him. Somewhere in early 1976, student unrest with anti-government slogans began in Zambia. The Americans, through the mass media controlled by them, succeeded in convincing Kaunda that this was the intrigue of the Soviet embassy, that it provoked these disorders. Indeed, the USSR distributed Russian literature through the Novosti Press Agency and other channels, but did not engage in anti-government activities. Kaunda took a tough anti-Soviet stance and strongly criticized the USSR. Crowds of protesting people gathered at the USSR Embassy, even tore off the flag from the embassy flagpole."⁴⁹ With a few precise moves, Solodovnikov managed to incite the Zambian President against the Americans, who were trying to rely on his moderate regime when pursuing their policies in Southern Africa. The leaders of the SWAPO, the ANC and the ZAPU, whose headquarters were located in Lusaka, helped him in this. Soon the Soviet trade mission, the Aeroflot representative office, an organization that was widely involved in clandestine operations, was opened in the capital. V. Solodovnikov recalled: "Kaunda really appreciated me and trusted me. Sometimes he even consulted with me on some internal affairs and asked me how I would act in his place."⁵⁰

The leader of ZAPU, Nkomo, was now in direct contact with Solodovnikov and through him sent requests to the Central Committee of the CPSU for the supply of weapons, military and other property. The ambassador forwarded the ZAPU applications to the International Department of the Central Committee of the CPSU. Nkomo highly appreciated the activities of the Soviet ambassador in promoting his requests, called him a good person and professional in his business.⁵¹ Only in 1976, weapons, ammunition, means of transport and communications, food, clothing and other

property were supplied sufficient to equip 6 thousand people.⁵² Despite great efforts and costs, Moscow did not achieve its main goal - the coming to power in Zimbabwe of a friendly regime. The unconditional victory of the leader of the ZANU, R. Mugabe, in the elections of 1980 was generally unexpected for the Soviet leadership, although at the final stage of the armed struggle it tried to establish contacts with the leadership of the ZANU, which was ready for dialogue, and even more to receive weapons from the USSR. However, the "Chinese syndrome" did not allow the Kremlin to pursue a more balanced policy. A year after the ZANU came to power, Moscow and Harare established diplomatic relations and gradually the situation returned to normal.

"New political thinking" and old methods

"Perestroika" changed little in the nature of covert operations abroad. The appointment of Vladimir Kryuchkov as chairman of the KGB and Leonid Shebarshin as head of the First Main Directorate of the KGB in 1988 meant the continuation of the previous course. This is clearly seen from the 1988 KGB report submitted to Mikhail Gorbachev: "... Intelligence seeks to provide in-depth coverage of the plans of the US and from its NATO allies, Japan and China regarding the USSR and the countries of the socialist community. ... A number of active measures designed to have a long-term impact on influential foreign circles have been carried out ... There was a positive impact on the policy of the US Administration ... In the work on NATO, efforts were directed ... to introduce disagreements between the United States and its allies in the bloc. Shares of beneficial influence on West Germany were held. (...) The provision of advisory, logistical and financial assistance to the special services of some developing countries continued. In the area of intelligence, special attention is attached ... to the implementation of active measures in the interests of implementing the party's foreign policy. V. Kryuchkov".⁵³ In general, "perestroika" did not receive hot approval in the structures of the KGB, including foreign intelligence. Gorbachev embraced Western leaders, and they gave money for reforms in the USSR. The KGB leadership continued to frighten the new leader with a threat from the West and stigmatize the "democrats" as agents of the imperialist intelligence services, but the honeymoon of the communist leadership and the western political elite was in full swing.

As for the Third World and Africa in particular, some members of Soviet political elite realized that the theory and practice of "socialist orientation" were not effective even with massive Soviet economic, political and military support. V. Karpov recalled with bitterness: "Under Gorbachev, we felt that our information was poorly perceived by the political leadership of the country".⁵⁴

⁴⁷ Golan G. *The Soviet Union and the National Liberation Movement in the Third World*. Boston: Unwin Hyman, 1988. P. 271.

⁴⁸ Legum C. *Soviet Union? China, and the West in South Africa*. *Foreign Affairs*. 1976, # 4, P. 755.

⁴⁹ Author's interview with V. Solodovnikov 01/10/1995.

⁵⁰ Author's interview with V. Solodovnikov 01/10/1995.

⁵¹ Nkomo J. *The Story of My Life*. London: The Chaucer Press, 1984. P. 175-176.

⁵² RGANI. F.89. Per.27. Doc 21. L. 20, 21, 4-10, 19, 1.

⁵³ RGANI. F.89. Per. 51. Doc. 15. L. 2, 3, 10.

⁵⁴ Author's interview with V. Karpov 01/25/1994.

There were economic reasons for this. In May 1988, the Secretariat of the Central Committee of the CPSU, in response to the next request of the SWAPO, decides on the "gratuitous supply" of weapons, property and food "according to real needs" in 1989.⁵⁵ The last addition actually meant a refusal, it was a consequence of the growing economic crisis. The Soviet party leadership was not up to Africa, although the KGB machine continued its work by inertia. "New political thinking" implied foreign policy actions aimed at providing support by the West for reforming Soviet socialism. The USSR was living out its last days.

Discussion

The Soviet Union as a state disappeared 30 years ago. However, the Russian Federation inherited from the Soviet Union relations with many influential people, political and economic structures in some African countries and uses them for own purposes. In modern conditions, in the era of hybrid wars, Russia has stepped up its activities on the African continent, combining both purely pragmatic actions and preserving the former ideal goals, that is, causing political damage to the "main enemy" - the United States and Western countries. Covert operations are not a thing of the past.

During the Cold War, several works were published that directly or indirectly covered the problems of the illegal activities of the USSR in the Third World countries, including in Africa.

Many authors who have studied the policy of the USSR in relation to the Third World countries and Africa, in particular, were convinced that the Soviet leadership was using illegal methods to achieve its own goals. As R.D. Grey noted, Soviet leaders tend to see the world in fairly subtle terms. Countries are classified according to the nature of their ruling class, and by their progress along what is seen as an inevitable, albeit gradual, path towards socialism, as well as by their attitudes towards the capitalist states and the socialist bloc, respectively⁵⁶.

G. Golan in her book⁵⁷ studied a large number of official statements of the leaders of the USSR, theoretical studies of academic experts in the field of theories of "socialist orientation" and "world revolutionary process", specific policies. From all this, it is concluded that support for national liberation movements is pragmatic and subordinated to the main goal - to resist the collective West. But not only Western countries were active players on the African "chessboard". Since the early 70s, China, which was in deep ideological and political conflict with the USSR, began to be active on the continent, supporting and

financing movements that were not controlled by Moscow, primarily in Southern Africa. Therefore, the task of Soviet intelligence was to collect information about the actions of the Chinese in this region. C. Legum drew attention to the rivalry between the Soviet Union and China for influence in Africa⁵⁸.

I. Greig in "The Communist Challenge to Africa: an analysis of contemporary Soviet, Chinese and Cuban policies" analyzed in detail and documented the policy of the Soviet Union in the main countries of the continent, aimed at undermining the positions of Western countries and world domination.⁵⁹

As for the concrete facts of the illegal activities of the USSR in Africa, there were few of them, and the nature of the activities of the Soviet special services assumed strict secrecy. Some works contained information about the activities of Soviet intelligence, and mainly it concerns South Africa, which occupied an important place in the global strategy of the USSR. Several Soviet intelligence officers were arrested in South Africa and made confessions that became public. Some well-known facts about their activities are highlighted in the work K. M. Campbell "Soviet Policy towards South Africa."⁶⁰

Some information about the illegal activities of the USSR in African countries was known to Western politicians thanks to the reports of intelligence agencies and information supplied by recruited Soviet officers of the GRU and the KGB (for example, Oleg Gordievsky). But it, for obvious reasons, did not become the property of the academic community.

The situation changed after the collapse of the Soviet Union in a short period of deep democratic transformation. Some previously secret archive data became available, and participants of the events of interest to us were able to openly share their information and impressions. Among them was Vladimir Shubin, who knew a lot about the actions of the USSR in Africa. He held high positions first in the Afro-Asian People's Solidarity Organization, which was associated with foreign intelligence and acted in its interests, and then in the International Department of the Central Committee of the CPSU, heading the African direction. He had close ties with the leadership of the ANC, and many previously unknown facts and events related to Moscow's involvement in South Africa are described in "ANC: A View from Moscow"⁶¹ In "The Hot Cold War: The USSR in Southern Africa", he details the Soviet Union's actions in Angola, Mozambique, Zimbabwe, Namibia, and South Africa, especially the role of the Soviet military, between 1960 and 1990.⁶² For his research, he uses the

⁵⁵ RGANI. F. 89. Per. 2. Doc. 2. L. 1-2.

⁵⁶ Grey R.D. The Soviet Presence in Africa: An Analysis of Goals // The Journal of Modern African Studies, Vol. 22, No. 3 (Sep., 1984), P. 513.

⁵⁷ Golan G. The Soviet Union and the National Liberation Movement in the Third World. Boston: Unwin Hyman, 1988.

⁵⁸ Legum C. Soviet Union, China, and the West in South Africa // Foreign Affairs. 1976, № 4. P. 742-765.

⁵⁹ Greig I. The Communist Challenge to Africa. Richmond: Foreign Affairs Publishing Co. Ltd, 1977.

⁶⁰ Campbell K.M. Soviet Policy towards South Africa. London: International Institute for Strategic Studies, 1986.

⁶¹ Shubin V. ANC: A View from Moscow. Cape Town. Mayibuye Books, 1999,

⁶² Shubin V. The Hot "Cold War": The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press, 2008.

archives of the ANC, conversations with direct participants of the events, which is of particular value.

A significant amount of valuable information is contained in the works of famous africanists A. Davidson and I. Filatova, devoted to the relations between Russia and South Africa in historical retrospect. In the book "Russia and South Africa: Building bridges" a separate chapter is devoted to the activities of Soviet agents in South Africa. It is based mainly on facts that have received wide publicity in the African and world press. In their other joint work "" there is a chapter "The Secret War", which contains new information gleaned mainly from interviews with participants in the events in Southern Africa.⁶³ S. Mazov, in his book⁶⁴ devoted to the participation of the USSR in the Congolese crisis of the early 1960s, mentions the case of the expulsion of alleged KGB officers from the Congo (Leopoldville) in the early 1970s.

The book by O. Gordievsky⁶⁵, who served 23 years in the KGB's Foreign Intelligence Service, gave a broad retrospective of the operations of the Soviet foreign intelligence service from its foundation in 1917 until the collapse of the USSR. From it, one can learn about the methods of work to misinform foreign public opinion and also about the regular monetary support of the South African Communist Party and the African National Congress.

The memories of direct participants in the turbulent events in the South of the continent, including the secret operations of Moscow, significantly added to the picture. From them, one can learn about the atmosphere in which contacts with the Soviet side took place, about organizations and institutions involved in illegal activities in Africa. Much valuable information of this kind is contained in the autobiography of Ronnie Kasrils⁶⁶, one of the main commanders of Umkonto We Sizwe, the armed wing of the ANC and a member of the Central Committee of the South African Communist Party.

As you can see, the overwhelming majority of publications concern the actions of the Soviet Union in South Africa. This is due to the fact that the fight against apartheid was in the center of attention of the world community. As for other African countries, information about Moscow's clandestine operations against them is extremely scarce. This is primarily due to the lack of reliable information among researchers, which is still contained in Russian archives closed to researchers. The author had the opportunity to review some of these documents in the early 1990s. The result was the article "Word and Work of the NPA: Soviet Propaganda in Africa during the Cold War"⁶⁷ and a this

study on the USSR's secret operations in Africa. The author saw as his task the introduction into scientific circulation archival and other unpublished materials that shed light on little-known pages of the history of Soviet-African relations.

It is now becoming clear that the Soviet policy in Africa was largely idealistic. Moscow saw the whole world as an arena of the struggle between socialism and capitalism, and Africa was given a very important place in this struggle. The Soviet leadership proceeded from the idea that African countries liberated from colonialism should experience a genetically determined hostility towards the former colonizers, i.e., to the West. Therefore, they should be allies of the USSR and strive to build socialism. Soviet ideologists counted up to two dozen countries of "socialist orientation" in Africa. It was necessary to help these countries financially and politically, and in the rest to support pro-Soviet parties and organizations by illegal methods. Huge material and intellectual resources were spent on both.

After the collapse of the USSR the ideas of the "socialist orientation" almost instantly disappeared from the political discourse of the African countries, and the successor of the Soviet Empire, the Russian Federation, left Africa as a noticeable factor for a long time.

Conclusion

An analysis of the secret operations of the USSR in Africa suggests that they were multifaceted, systematic and long-lasting. Covert operations are not an invention of the Soviet Union. All countries resort to covert operations to solve their problems to one degree or another. The uniqueness of the Soviet phenomenon is that illegal activity played not auxiliary, but often a dominant role, but diplomacy and propaganda served it. Undercover operations were made the essence of Africa's foreign policy. Its effectiveness was different in different countries and regions of the continent, but the overall result looks modest. The socialist project for Africa as a whole has failed. However, the Russian Federation inherited from the Soviet Union relations with many influential people, political and economic structures in some African countries and uses them for own purposes. In modern conditions, in the era of hybrid wars, Russia has stepped up its activities on the African continent, combining both purely pragmatic actions and preserving the former ideal goals, that is, causing political damage to the "main enemy" - the United States and Western countries. Covert operations are not a thing of the past.

References

⁶³ Filatova I., Davidson A. The Hidden Treat. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg & Cape Town: 2007.

⁶⁴ Mazov S.V. Holodnaya vojna v «serdce Afriki»: SSSR i kongolezskij krizis, 1960-1964. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2015.

⁶⁵ Gordievsky O. Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva. Moscow: Nota Bene, 1992.

⁶⁶ Kasrils R. Armed and Dangerous. From Undercover Struggle to Freedom. Johannesburg & Cape Town: Ball Publishers, 2004. 300 p.

⁶⁷ Smertin Y.G. Word and Work of the NPA: Soviet Propaganda in Africa during the Cold War // Astra Salvensis-Review of History and Culture. 2018, № 1 (11). P. 257-273.

1. Campbell K. M. Soviet Policy towards South Africa. London: International Institute for Strategic Studies, 1986. 223 pp.
  2. Carr B. Spy in the Sun. Cape Town: Howard Timmins, 1969. 224 pp.
  3. Golan G. The Soviet Union and the National Liberation Movement in the Third World. Boston: Unwin Hyman, 1988. 374 pp.
  4. Greig I. The Communist Challenge to Africa. Richmond: Foreign Affairs Publishing Co. Ltd, 1977. 396 pp.
  5. Grey R.D. The Soviet Presence in Africa: An Analysis of Goals // The Journal of Modern African Studies, Vol. 22, No. 3 (Sep., 1984), pp. 511-552.
  6. Filatova I., Davidson A. The Hidden Treat. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg & Cape Town: 2007. 533 pp.
  7. Kalley J. A., Schoeman E., Andor L. E. Southern African Political History: a chronology of key political events from independence to mid-1997. Westport: Greenwood Publishing Group, 1999. 904 pp.
  8. Kasrils R. Armed and Dangerous. From Undercover Struggle to Freedom. Johannesburg & Cape Town: Ball Publishers, 2004. 300 pp.
  9. Legum C. Soviet Union, China, and the West in South Africa // Foreign Affairs. 1976, № 4. P. 742-765.
  10. Nkomo J. The Story of My Life. London: The Chaucer Press, 1984. 270 pp.
  11. Somerville K. The U.S.S.R. and South Africa since 1976. Published online by Cambridge University Press: 11 November 2008 Available at <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-modern-african-studies/article/abs/ussr-and-southern-africa-since-1976/3428AECC01A68EAE82E084AB4723491D#article>
  12. The Union of Soviet Socialist Republics (USSR) and the Anti-Apartheid Struggle // South African History Online <https://www.sahistory.org.za/article/union-soviet-socialist-republics-ussr-and-anti-apartheid-struggle>
  13. U.S. Congress, Senate Subcommittee of Security and Terrorism of the Committee on Judiciary. The Role of the Soviet Union, Cuba, and the East Germany in Fomenting Terrorism in Southern Africa. Vol. 1, 97 / Congress, 2d Session. Washington: U.S. Government Printing Office, 1982. 579 pp.
  14. Shubin V. The Hot "Cold War": The USSR in Southern Africa. London: Pluto Press, 2008. 337 pp.
  15. Smertin Y. G. Word and Work of the NPA: Soviet Propaganda in Africa during the Cold War // Astra Salvensis-Review of History and Culture. 2018, № 1 (11). P. 257-27
  16. Venter Al. J. How South Africa Built Six Atom Bombs. Pretoria^ Ashanti Publishing, 2008. 233 pp.
  17. Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 484 pp.
- In Russian:**
18. Filatova I., Davidson A. Rossiya i Yuzhnaya Afrika: navedenie mostov. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012. 491 pp.
  19. Gordievsky O. Istoriya vneshnepoliticheskikh operacij ot Lenina do Gorbacheva. Moscow: Nota Bene, 1992. 768 pp.
  20. Nezavisimaiya gazeta, 8 August 1992.
  21. Wise D. Okhota na "krotov". Sekretnyj poisk predatelej, potryashij CRU. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1994. 364 pp.
  22. Mazov S.V. Holodnaya vojna v «serdce Afriki»: SSSR i kongolezskij krizis, 1960-1964. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2015. 312 pp.
  23. Prelin I. Kontract s predatelem. Monolog razvedchika // Stolitsa. 1993, No 4 (114). P. 13-16.
  24. Prokhorov D., Lemekhov O. O. Perebezhchiki. Zaochno rasstrelyany. Moscow: Veche, 2001. 462 pp.
- Archives**
25. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI)
  26. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF)
- Interviews**
27. Author's interview with V. Karpov. 01/25/1994
  28. Author's interview with V. Solodovnikov 01/10/1995.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

UDK 316.74

*Aytan Salimova, PhD,**Dosent of the Azerbaijan Architecture and Construction University,
Professor of the International Academy of Architecture (IAA)*

CULT OF THE SUN AND THE BIRD

*Салимова Айтэн, PhD**Доцент. Азербайджанский Архитектурно-строительный Университет*

КУЛЬТ СОЛНЦА И ПТИЦЫ

Abstract. In the views of many Turkic-speaking peoples, Mother-Progenitor Umay has a bird-like appearance⁶⁸ as the embodiment of the idea of the bird-first ancestor. Analyzing the features of images in the culture of Azerbaijan, one can single out the archetype - Umay-Goddess, bird-sun and suggest that ideas about the connection of a female deity with a bird existed in the early Paleolithic era.

Аннотация. В традициях тюркских народов прослеживается связь Великой Богини с птицей, олицетворяющей «весеннее солнце», представление счастья-радости, а также и проводника душ умерших, хранительницу очага и младенцев. Птицы мифологически были связаны с огнем и солнцем, символизировали свет, весну, материнство. Анализируя особенности изображений в культуре Азербайджана можно выделить архетип — Умай-Богиня = птица-солнце и говорить о том, что представления о связи женского божества с птицей существовали уже в эпоху раннего палеолита.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, Goddess-bird Umay, Gobustan, petroglyphs, sacred bird.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, Богиня-птица Умай, Гобустан, петроглифы, священная птица.

The Umay cult as the image of the Grand-Mother Goddess includes a number of iconographic meanings. Analyzing the features of images in the culture of Azerbaijan, one can single out the archetype - Umay-Goddess = bird-sun. In the views of many Turkic-speaking peoples, Mother-Progenitor Umay has a bird-like appearance⁶⁹ as the embodiment of the idea of the bird-first ancestor.

The connection between the image of Umay and the bird-sun is confirmed by its functions: it grants a harvest that is associated with the spring sun, is the patroness of the hearth (fire = sun) and the guardian spirit of babies⁷⁰.

The idea of the connection between the Goddess and the bird existed even in the pre-Neolithic time, which is reflected in the rock art of Azerbaijan, also Zaraut-Say and Shakhty⁷¹ (Central Asia). The prevalence of birds images in the Bronze Age also speaks of their veneration.

We can say that in the traditions of the Turkic peoples there is a connection between the Goddess and the bird⁷², personifying the "spring sun", and the idea of happiness-joy⁷³ and the guide of the souls of the dead, the keeper of the hearth and babies⁷⁴. Birds were mythologically associated with fire and the sun, symbolized light, spring, motherhood, acted as fortunetellers, and, often, the souls of the dead were depicted in the form of birds - they were considered guides between the worlds. When considering the religious-cosmogonic system, the Turkic peoples have an idea of the bird as a force that connects "up" and "down", "heaven" and "earth".

The association of Umay with the bird and the sun in folk epics points to the ancient mythological origins. The solar nature "is indicated by the genetic connection with the ancient Iranian ideas about the bird Humay; the bird of joy, the magic bird Phoenix - the Soothsayer bird that makes the person covered by its shadow a king

⁶⁸ Dluzhnevskaya, G.V. Once again about the "Kudyrin boulder" (To the issue of the iconography of Umay among the ancient Turks) // Turkological collection 1974. - Moscow: Nauka, 1978. p. 230-237. p.232; Museibli N. Gobustan: researches and hypotheses. -Baku, 2017, p.109

⁶⁹ Dluzhnevskaya, G.V. Once again about the "Kudyrin boulder" ... p.232; Museibli N. Gobustan: researches and hypotheses. -Baku, 2017, p.109]

⁷⁰ Osmanov F.L. Terracotta of Azerbaijan of the ancient era and its Middle Eastern parallels // Art and archeology of Iran, 1969. Papers. Edited by B.V. Weimarn, M.N. Pogrebovoy et al. -M.: Nauka, 1971, p.252

⁷¹ Gorshunova O.V. The female deity in the system of religious and ideological representations of peoples of the Central Asia. Author's abstract of doctoral thesis on historical sciences. -M., 2007.-p.38, p. 17

⁷² Gorshunova O.V. The female deity in the system of religious ... p.17

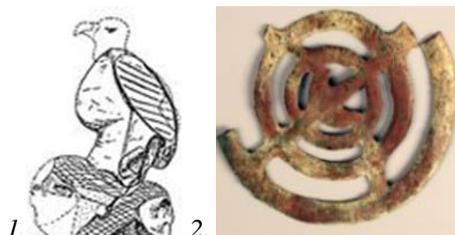
⁷³ Golan A. Myth and Symbol. -M., 1994. p. 73

⁷⁴ Salimova A.T. Great mother. XV International conference "Traditional Societies: Unknown Past". - Chelyabinsk, 2019

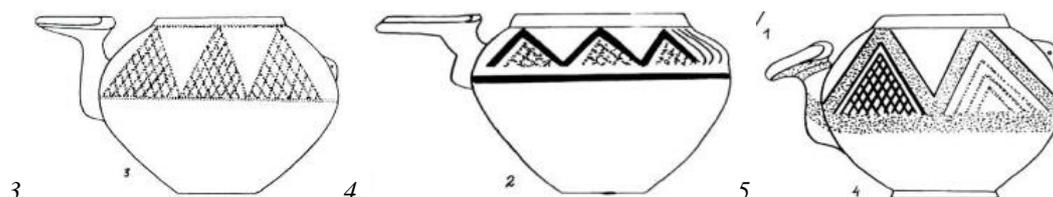
("Homayun" from Persian - happy).

The cult of the bird can also be traced in the early Neolithic settlement of Nevali-Chori (pic.1 - 2nd half

of the 9th millennium BC, eastern Turkey) - where the bird is installed on top of a totem pole of two human heads.

1. Nevali-Chori. Turkey. X millennium BC, reconstructed part of the totem pole; 2. Bronze, pendant (diam.3.5cm).Zayamchay (Azerbaijan).

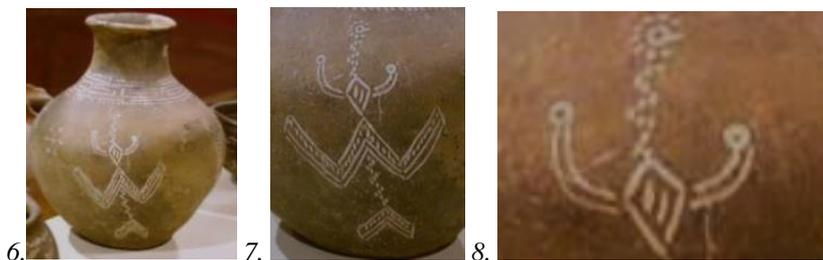

3-4. Gyzylburun (middle of II millennium BC, Qizilburun)⁷⁵; 5. Shortepe (Azerbaijan). ⁷⁶

On the jewelry from Zayamchay (pic. 2, late II - early I millennium BC, Tovuz district) we see a model of the world order - in the shape of three concentric circles, in the center of which there is an image of a bird with outstretched wings. The image of a bird with outstretched wings is typical for the Lachin, Kelbajar, Gadabay and Mingechevir regions of Azerbaijan - a similar image of the "unu" bird is characteristic for the Oguz tribes. Totemism (the oldest form of religion) was widespread among the Oghuz, and we can say that it was partially preserved in a surviving form after conversion to Islam. As we know, the Oguz tribes had their own ongons - totems: mainly birds catchers; often they were falcons, eagles, gyrfalcons, hawks, which were considered sacred: they personified tribal well-being, were not subject to extermination, were revered

as keepers of the hearth.⁷⁷ Among the archaeological finds on the territory of Azerbaijan, there are a large number of vessels in the shape of a bird, decorated with an ornament in the form of triangles - the symbol of the Goddess. This was also the case for the culture of the Media.

The image of a bird was one of the main motives of the decorative and applied art of Azerbaijan. Birds or birdlike creatures with dog heads (griffins) were often depicted as images of the upper world. On a jug from Nakhichevan (pic.3-5) - we see a picture of the universe, where griffins take a triangular shape - the sign of the Goddess. On the monuments of Azerbaijan, paired images of birds are often found as an integral part of the compositional scheme, symbolizing the world tree.

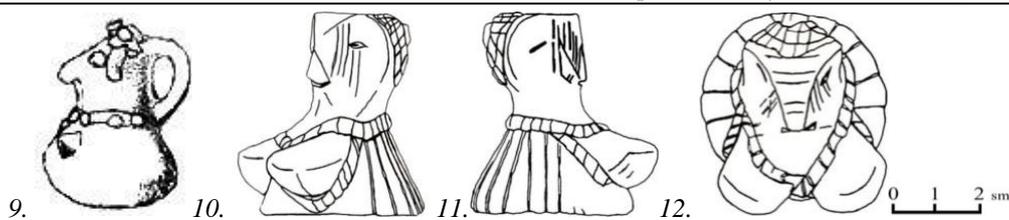

6-8. Jug. Khanlar. II millennium BC. Azerbaijan National Art Museum.

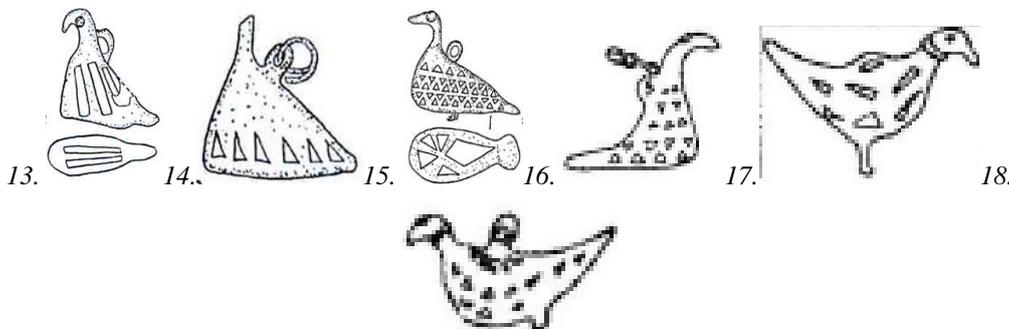
⁷⁵ Bakhshaliev V. Spiritual culture of the ancient tribes of Nakhichevan. -Baku, 2004, p.163

⁷⁶ Bakhshaliev V. Spiritual culture of the ancient tribes ...p.163

⁷⁷ Agadjanov S.G. Oguz tribes of the Central Asia in the IX-XIII centuries. (Historical and ethnographic sketch). Countries and peoples of the East. Ed. D. Olderogge. Issue X. -M., «Nauka», 1971, p. 181

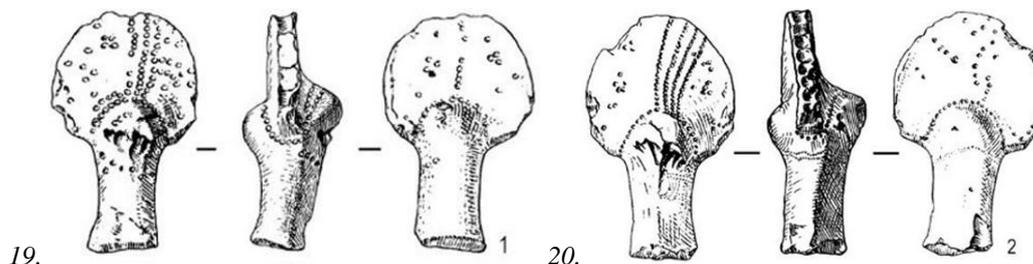
9-12. Khynysly village of Shemakha region. Karabakh. Neolithic period.

Necropolis of Shahbuz region: 13-14. Colani⁷⁸; 15. Sandere⁷⁹; 16. Gadabay; 17. Karabakh; 18. Khanlar

In the art of Azerbaijan there are images of Umay in the shape of a bird or a winged woman. The image of the Umay-bird can also be traced in the decoration of women's headdresses in the form of finials depicting

birds. Similar headdresses are typical for Pazyryk. Similar finials in the form of a bird's "sun-shaped" head can be seen on ceramics from Khanlar (pic. 6-8; 2nd millennium BC, Azerbaijan).

19-20. Goddesses of the Albanian-Sarmatian time. Terracotta. Burial ground Sharakun, South Dagestan⁸⁰

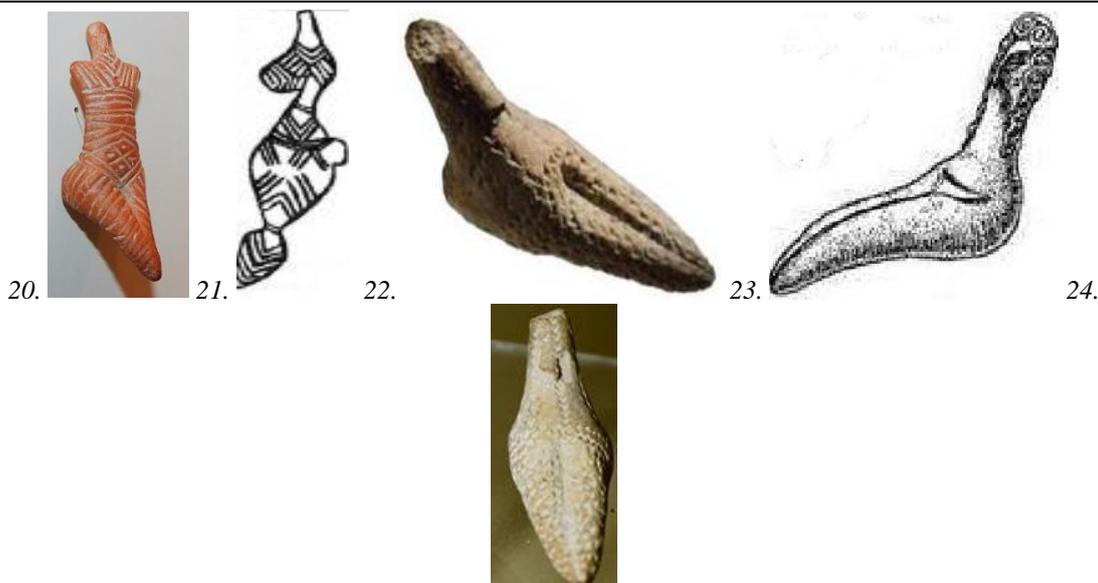
The spread of the cult of the Mother Bird Goddess is also evidenced by a fibula (height 4.5 cm, width 2.3 cm) in the shape of a woman giving birth from Mingchevir (1st millennium BC; National Museum of History of Azerbaijan): her hands lie on her knees, her calves are thick.

The brooch consists of three parts: it is based on three birds, each of which holds a human head in its beak; two birds are located on the sides, head up, the third - rises above them. Birds have a body with folded wings, a thin and long neck, bulging eyes and a long beak.

⁷⁸ Bakhshaliev, V. Spiritual culture of the ancient tribes of Nakhichevan. -Baku, 2004

⁷⁹ Bakhshaliev, V. Spiritual culture of the ancient tribes of Nakhichevan. -Baku, 2004

⁸⁰ Gadzhiev, M.S.; Bakushev, M.A. Terracotta anthropomorphic figurines of southern Dagestan of the Albanian-Sarmatian period. Bulletin of the IAE Institute, 2016. №1. -pp.108-116. -p.109

20. Mother Goddess. Cucuteni - Tripillia culture (Neolithic-Neolithic); 21. Boyukdash, Gobustan, lower terrace, stone №2; 22-24. Shomu tepe. Gargalar tepesi (Eneolithic), VI-IV millennium BC, Museum of the History of Azerbaijan.

Analyzing the "figurines" of Goddesses found on the territory of Azerbaijan (pic. 9-20,20-24), it is possible to identify two typological groups that resemble birds: the first one with a "birdlike" head with a barely marked beak and the second one with a shaped beak. Among the anthropomorphic female figures, there are small clay figurines (due to the fact that some of them were found in children's burials, they belong to toys).

Noteworthy are two anthropomorphic figurines of the same type from the Sharakun burial ground in

Southern Dagestan, territorially part of Caucasian Albania, where the "bird" image can be traced: this is a "head on a long neck", crowned with a headdress, decorated with a dotted pattern⁸¹. Sharakun figurines in terms of their iconographic and morphological features, artistic and technical characteristics, including schematism and convention, have no analogues on the territory of Dagestan, researchers attribute them to the monuments of Caucasian Albania of the antique period.⁸²

25. Carpet. Kazakh. 1-st half of the XV century. Azerbaijan. Stored in the Stockholm Historical Museum;

26. Headstone. Settlement Gazgulu (Azerbaijan)

The comb symbol, originally appearing in the agricultural and pastoral environment, was associated with the idea of fertility and was a grapheme of emanation of sunlight from a luminary, rain streams from the sky, the growth of plants from the earth, etc.⁸³ Also, it should be noted - that the king of snakes had a comb on his head - that is, it is a sign of royal distinction. It is important to note that the depicting the

crest as a female symbol was preserved in arts and crafts even after the adoption of Islam, and is often found on medieval Turkic female tombstones.

The "birdlike" images of the deities are confirmed by the finds of anthropomorphic figurines on the territory of Azerbaijan, belonging to subsequent eras - terracotta figurines depicting the image of the bird goddess. Together with the Grand-Mother - the

⁸¹ Gadzhiev, M.S., Bakushev, M.A. Terracotta anthropomorphic figurines of southern Dagestan of the Albanian-Sarmatian period. Bulletin of the IAE Institute, 2016. N1. pp.108-116

⁸² Natural and cult objects and archaeological monuments of the Altay Republic// Ekeeva, E.V.; Konstantinov, N.A. et al.; Research Institute of Altayistics. -Gorno-Altaysk, 2015. -p. 232, p.61-62;

Alekperov A.I. Terracotta of the ancient Azerbaijan. - Baku: Elm, 1994.-117p., p.59-60

⁸³ Ibragimov T. Symbolism of the comb in the context of archetypal images of Turkic art // Problems of art and culture. International Scientific Journal. N1 (51). - Baku, 2015 pp. 120-126, p.121

Goddess, the image of the bird as the most archaic began to personify the feminine principle of nature, becoming one of its incarnations. Cult-ritual objects depicting birds became attributes of the Goddess. The avian appearance of the Mother Goddess in the look of the hoopoe and other birds was possibly veiled, perhaps forgotten. Based on the concepts of archetypal patterns by Carl Jung, we can talk about the prototypes inherent

in the subconscious of people, captured on the rocks of Gobustan. The first images of the Bird Goddess, appearing in the Upper Paleolithic in the form of petroglyphs, were further reflected in the imitation of the birds movements in female dances, were fixed in stylized images of birds in arts and crafts (ceramics, jewelry, clothing, hats, etc.). etc.).

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Аскарьянц Вера Петровна

доцент

кафедры фармакологии, физиологии.

Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт. г. Ташкент.

Эргашов Камронбек Улугбек угли

студент.

Ташкентский Педиатрический Медицинский Институт. г. Ташкент.

АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ПИЩЕВАРЕНИЯ

В статье включены данные литературного анализа по аспектам прогнозирования процессов пищеварения, которые имеют важное значение у медиков особенно в теоретической медицине, а также изучения этой проблемы остается открытым вопросом.

Ключевые слова: пища, желудок, печень, аспекты, ферменты.

Пищеварение — химическая (главным образом ферментативная), иногда также механическая обработка пищи — совокупность процессов, обеспечивающих расщепление пищевых веществ на компоненты, пригодные к всасыванию и участию в обмене веществ. В ходе пищеварения происходит превращение органических макромолекул пищи в более мелкие молекулы, в частности, расщепление биополимеров пищи на мономеры. Этот процесс осуществляется с помощью пищеварительных (гидролитических) ферментов. После вышеописанного процесса обработки пища всасывается непосредственно в цитоплазму клеток (при внеклеточном пищеварении у бактерий и грибов и при внутриклеточном пищеварении) или через стенки пищеварительного тракта в жидкие среды организма (у человека — в кровь или лимфу).

Гастроэнтеропанкреатическую эндокринную систему — отдел эндокринной системы, представленный рассеянными в различных органах пищеварительной системы эндокринными клетками (апудоцитами) и пептидергическими нейронами, продуцирующими пептидные гормоны. Является наиболее изученной частью диффузной эндокринной системы (синоним АПУД-система) и включает примерно половину её клеток. Гастроэнтеропанкреатическую эндокринную систему называют «самым большим и сложным эндокринным органом в организме человека»[6].

Гастрин — гормон, синтезируемый G-клетками желудка, расположенными в основном в пилорическом отделе желудка. Гастрин связывается со специфическими гастриновыми рецепторами в желудке. Результатом усиления аденилатциклазной активности в париетальных клетках желудка является увеличение секреции желудочного сока, в особенности соляной кислоты. Гастрин также увеличивает секрецию пепсина главными клетками желудка, что, вместе с повышением кислотности желудочного сока, обеспечивающим

оптимальный pH для действия пепсина, способствует оптимальному перевариванию пищи в желудке. Одновременно гастрин увеличивает секрецию бикарбонатов и слизи в слизистой желудка, обеспечивая тем самым защиту слизистой от воздействия соляной кислоты и пепсина. Гастрин тормозит опорожнение желудка, что обеспечивает достаточную для переваривания пищи длительность воздействия соляной кислоты и пепсина на пищевой комок. Кроме того, гастрин увеличивает продукцию простагландина E в слизистой желудка, что приводит к местному расширению сосудов, усилению кровоснабжения и физиологическому отёку слизистой желудка и к миграции лейкоцитов в слизистую.

Секретин — пептидный гормон, состоящий из 27 аминокислотных остатков, вырабатываемый S-клетками слизистой оболочки тонкой кишки и участвующий в регуляции секреторной деятельности поджелудочной железы. Усиливают стимуляцию продукции секретина желчные кислоты[6]. Всасываясь в кровь, секретин достигает поджелудочной железы, в которой усиливает секрецию воды и электролитов, преимущественно бикарбоната. Увеличивая объём выделяемого поджелудочной железой сока, секретин не влияет на образование железой ферментов. Эту функцию выполняет другое вещество, вырабатываемое в слизистой оболочке тонкой кишки — холецистокинин. Биологическое определение секретина основано на его способности (при внутривенном введении животным) увеличивать количество щёлочи в соке поджелудочной железы. Секретин является блокатором продукции соляной кислоты париетальными клетками желудка. Основной эффект, вызываемый секретинном, — стимуляция продукции эпителием желчных, панкреатических протоков и бруннеровских желёз бикарбонатов, обеспечивая, таким образом, до 80 % секреции бикарбонатов в ответ на поступление пищи. Этот эффект опосредован через секрецию холецистокинина и это приводит к

увеличению продукции желчи, стимулирования сокращений желчного пузыря и кишечника и увеличению секреции кишечного сока.

Холецистокинин (ССК; ранее носил название панкреозимин) — нейропептидный гормон, вырабатываемый I-клетками слизистой оболочки двенадцатиперстной кишки и проксимальным отделом тощей кишки. Холецистокинин выступает медиатором в разнообразных процессах, происходящих в организме, в том числе, в пищеварении. Холецистокинин стимулирует расслабление сфинктера Одди; увеличивает ток печёночной желчи; повышает панкреатическую секрецию; снижает давление в билиарной системе: вызывает сокращение привратника желудка, что тормозит перемещение переваренной пищи в двенадцатиперстную кишку [10][6]. Холецистокинин является блокатором секреции соляной кислоты париетальными клетками желудка. Ингибитором холецистокинина является соматостатин.

Глюкозозависимый инсулинотропный полипептид является инкретином, то есть вырабатывается в кишечнике в ответ на пероральный приём пищи. Основная функция глюкозозависимого инсулинотропного полипептида — стимуляция секреции инсулина бета-клетками поджелудочной железы в ответ на приём пищи. Кроме того, ГИП ингибирует абсорбцию жиров, угнетает реабсорбцию натрия и воды в пищеварительном тракте, ингибирует липопротеинлипазу.

Вазоактивный интестинальный пептид (называемый также вазоактивный интестинальный полипептид; общепринятые аббревиатуры VIP и VIP) — нейропептидный гормон, состоящий из 28 аминокислотных остатков, обнаруживаемый во многих органах, включая кишечник, головной и спинной мозг, поджелудочную железу. Вазоактивный интестинальный пептид, в отличие от других пептидных гормонов из семейства секретина, является исключительно нейромедиатором. Обладает сильным стимулирующим действием на кровоток в стенке кишки, а также на гладкую мускулатуру кишечника. Является ингибитором, угнетающим секрецию соляной кислоты париетальными клетками слизистой оболочки желудка. VIP также является стимулятором продукции пепсиногена главными клетками желудка.

Мотилин — гормон, вырабатываемый хромаффинными клетками слизистой оболочки желудочно-кишечного тракта, преимущественно двенадцатиперстной и тощей кишок.

Соматостатин — гормон дельта-клеток островков Лангерганса поджелудочной железы, а также один из гормонов гипоталамуса. По химическому строению является пептидным гормоном. Соматостатин подавляет

секрецию гипоталамусом соматотропин-рилизинг-гормона и секрецию передней долей гипофиза соматотропного гормона и тиреотропного гормона. Кроме того, он подавляет также секрецию различных гормонально активных пептидов и серотонина, продуцируемых в желудке, кишечнике, печени и поджелудочной железе.

Как отмечено в литературных источниках, что пищеварительный конвейер заключается в преемственности следующих процессов в органах: пищеварение в полости рта — желудочное пищеварение — кишечное пищеварение; физических и химических: размельчение, увлажнение, набухание, растворение пищи; денатурация белков; гидролиз полимеров до стадии различных олигомеров, затем мономеров; их транспорт из пищеварительного тракта в кровь и лимфу; полостного и пристеночного пищеварения от центральной части пищевого комка в желудке к его примукозальному слою; от вершины кишечной ворсинки к ее основанию; от полостного гидролиза питательных веществ в тонкой кишке к продолжению его в зоне примукозальной слизи, затем в зоне гликокаликса и наконец на мембранах энтероцитов; гидролиза на апикальных мембранах энтероцитов и транспорта в энтероцит образованных мономеров, а из него — в интерстициальную ткань и затем в кровь и лимфу; ферментативной деполимеризации питательных веществ. При этом в каждом проксимальнее расположенном отделе осуществляются процессы, повышающие эффективность их в следующем, дистальнее расположенном отделе.

Интеграция, правильная последовательность работы элементов пищеварительного конвейера во времени и пространстве обеспечиваются регуляторными процессами различного уровня.

Авторами также отмечен, что ферментативная активность свойственна каждому отделу пищеварительного тракта и максимальна при определенном значении pH среды. Например, в желудке пищеварительный процесс осуществляется в кислой среде. Переходящее в двенадцатиперстную кишку кислое содержимое нейтрализуется, и кишечное пищеварение происходит в нейтральной и слабоосновной среде, созданной выделяющимися в кишку секретами — желчью, соками поджелудочной железы и кишечным, которые инактивируют желудочные пепсины. Кишечное пищеварение происходит в нейтральной и слабоосновной среде сначала по типу полостного, а затем пристеночного пищеварения, завершающегося всасыванием продуктов гидролиза (нутриентов).

Физиологами установлено, что деградация пищевых веществ по типу полостного и пристеночного пищеварения осуществляется гидролитическими ферментами. Каждый из них имеет выраженную в той или иной мере субстратную специфичность. Набор ферментов в составе секретов пищеварительных желез и

исчерченной каемки тонкой кишки имеет видовую и индивидуальную особенности, адаптирован к перевариванию той пищи, которая характерна для данного вида животного, и тем питательным веществам, которые преобладают в пище.

Желудочно-кишечный тракт — часть пищеварительной системы, имеющая трубчатое строение и включающая пищевод, желудок, толстую и тонкую кишку, в которых происходят механическая и химическая обработка пищи и всасывание продуктов гидролиза.

Секреция — внутриклеточный процесс образования из веществ, поступивших в клетку, специфического продукта (секрета) определенного функционального назначения и выделение его из железистой клетки. Секреты поступают через систему секреторных ходов и протоков в полость пищеварительного тракта.

Секреция пищеварительных желез обеспечивает доставку в полость пищеварительного тракта секретов, ингредиенты которых гидролизуют питательные вещества (секреция гидролитических ферментов и их активаторов), оптимизируют условия для этого (по pH и другим параметрам — секреция электролитов) и состояние гидролизуемого субстрата (эмульгирование липидов солями желчных кислот, денатурация белков соляной кислотой), выполняют защитную роль (слизь, бактерицидные вещества, иммуноглобулины).

Секреция пищеварительных желез контролируется нервными, гуморальными и паракринными механизмами. Эффект этих влияний — возбуждение, торможение, модуляция секреции glanduloцитов — зависит от вида эфферентных нервов и их медиаторов, гормонов и других физиологически активных веществ, glanduloцитов, мембранных рецепторов на них, механизма действия этих веществ на внутриклеточные процессы. Секреция желез находится в прямой зависимости от уровня их кровоснабжения, которое в свою очередь определяется секреторной активностью желез, образованием в них метаболитов — вазодилататоров, влиянием стимуляторов секреции как вазодилататоров. Количество секрета железы зависит от числа одновременно секретирующих в ней glanduloцитов. Каждая железа состоит из glanduloцитов, вырабатывающих разные компоненты секрета, и имеет существенные особенности рефляции. Это обеспечивает широкое варьирование состава и свойств выделяемого железой секрета. Он изменяется также по мере продвижения по протоковой системе желез, где некоторые компоненты секрета всасываются, другие выделяются в проток его glanduloцитами. Изменения количества и качества секрета адаптированы к виду принятой пищи, составу и свойствам содержимого пищеварительного тракта.

Для пищеварительных желез основными стимулирующими секрецию нервными волокнами являются парасимпатические холинергические

аксоны постганглионарных нейронов. Парасимпатическая денервация желез вызывает разную длительности (на несколько дней и недель) гиперсекрецию желез (особенно слюнных, в меньшей мере желудочных) — паралитическую секрецию, в основе которой лежит несколько механизмов.

Симпатические нейроны тормозят стимулированную секрецию и оказывают на железы трофические влияния, усиливая синтез компонентов секрета. Эффекты зависят от вида мембранных рецепторов — α - и β -адренорецепторов, через которые они реализуются.

Специалистами отмечено, что в роли стимуляторов, ингибиторов и модуляторов секреции желез выступают многие гастроинтестинальные регуляторные пептиды.

В естественных условиях количество, состав и динамика секреции пищеварительных желез определяются соотношением одновременно и последовательно действующих регуляторных механизмов.

Моторная, или двигательная, функция, осуществляется на всех этапах процесса пищеварения. В пищеварительном тракте происходят произвольные и непроизвольные, макро- и микромоторные явления. Прием, механическая переработка пищи в ходе жевания, глотание, задержка в желудке и эвакуация его содержимого в кишечник, сокращения и расслабления желчного пузыря, перемешивание и передвижение кишечного содержимого (химуса), перераспределение давления в отделах тонкой кишки, перемешивание пристеночного слоя химуса, переход химуса из тонкой кишки в толстую, сокращение и расслабление сфинктеров, движения толстой кишки, необходимые для формирования кала и дефекации, — основные моторные процессы, обеспечивающие процесс пищеварения в различных отделах пищеварительного тракта.

Изменение тонуса и перистальтики выводных протоков пищеварительных желез, состояние их сфинктеров обеспечивают выведение пищеварительных секретов. К моторике также относятся движения ворсинок и микроворсинок.

Гладкие мышцы пищеварительного тракта образованы гладкими мышечными клетками (миоциты), обладающими рядом специфических физиологических свойств. Миоциты плотно упакованы в пучки и соединены нексусами. Пучок считается функциональной единицей гладкой мышцы. Пучок иннервируется нервными терминалями, он также получает мелкую артериолу. Нейромедиаторы и физиологически активные вещества, вышедшие из крови в интерстициальную жидкость пучка, оказывают на его миоциты возбуждающие и тормозные влияния.

Гладкие мышцы пищеварительного тракта относятся к группе унитарных и обладают способностью спонтанного ритмического возбуждения и свойствами синцития. Растяжение

гладких мышц вызывает деполяризацию их мембран и мышечное сокращение. Вегетативные нервы, гормоны и парагормоны изменяют частоту и силу этих сокращений в широких пределах. На протяжении пищеварительного тракта имеется несколько водителей ритма его сокращений. Эти водители ритма особенно чувствительны к физиологически активным веществам и получают обильную иннервацию.

Сложность движений пищеварительного тракта обеспечивается наличием в нем слоев и пучков гладких мышц, идущих в разных направлениях, при расслаблении или сокращении которых уменьшается или увеличивается тонус кишки и изменяется просвет пищеварительного канала. Волна сокращений и расслабления круговых мышц продвигается вдоль пищеварительного канала, создавая его перистальтические сокращения. Согласование сокращений различных мышечных пучков осуществляется посредством периферической интрамуральной нервной системы.

В пищеварительном тракте около 35 сфинктеров (жюмов) — специальных замыкательных аппаратов, состоящих из скопления преимущественно циркулярно расположенных мышечных пучков, а также мышечных пучков спирального и продольного направлений. Сокращение циркулярно расположенных мышечных пучков обеспечивает смыкание и уменьшение просвета сфинктера, сокращение спирально и продольно расположенных пучков увеличивает просвет сфинктера. Сфинктеры выполняют роль клапанов, обеспечивающих движение пищевого содержимого в каудальном направлении, одностороннее движение пищеварительных секретов, разобщение отделов пищеварительного тракта, где пищеварение происходит на характерных для них этапах.

В координации моторики пищеварительного тракта велика роль миогенных механизмов, периферической (интра- и экстрамуральной) и центральной нервной системы. Последняя имеет важное значение в пусковых влияниях на органы пищеварения, в изменении их реактивности, интеграции моторной и секреторной функций пищеварительного тракта, его адаптации к виду принятой пищи.

Парасимпатические влияния преимущественно повышают моторную активность пищеварительного тракта, но в составе блуждающих нервов имеются возбуждающие и тормозящие моторику нервные волокна. Симпатические влияния заключаются в основном в снижении моторной активности. Нервные, гормональные и парагормональные влияния создают сочетанные органные и межорганные внутрисистемные эффекты. Так, желчевыделение осуществляется сокращениями желчного пузыря при открытом сфинктере печечно-поджелудочной ампулы (сфинктер Одди); желудочная эвакуация — при сокращении

антральной части желудка, но расслабленном сфинктере привратника (пилорический сфинктер).

Всасывание — процесс транспорта компонентов пищи из полости пищеварительного тракта во внутреннюю среду, кровь и лимфу организма. Всосавшиеся вещества разносятся по организму и включаются в обмен веществ тканей. В полости рта химическая обработка пищи сводится к частичному гидролизу углеводов α -амилазой слюны, при котором крахмал расщепляется на декстрины, мальтоолигосахариды и мальтозу. Кроме того, время пребывания пищи в полости рта незначительно, поэтому всасывания здесь практически не происходит. Однако известно, что некоторые фармакологические вещества всасываются быстро, и это находит применение как способ введения лекарственных веществ.

В желудке всасывается небольшое количество аминокислот и глюкозы, несколько больше — воды и растворенных в ней минеральных солей, значительно всасывание алкоголя.

Всасывание питательных веществ, воды, электролитов осуществляется в основном в тонкой кишке и сопряжено с гидролизом питательных веществ. Всасывание зависит от величины поверхности, на которой оно осуществляется. Особенно велика поверхность всасывания в тонкой кишке. У человека поверхность слизистой оболочки тонкой кишки увеличена в 300—500 раз за счет складок, ворсинок и микроворсинок. На 1 мм² слизистой оболочки кишки приходится 30—40 ворсинок, а каждый энтероцит имеет 1700—4000 микроворсинок. На 1 мм² поверхности кишечного эпителия приходится 50—100 млн микроворсинок.

У взрослого человека число всасывающих кишечных клеток составляет 10^{10} , а соматических клеток — 10^{10} . Из этого следует, что одна кишечная клетка обеспечивает питательными веществами около 100 000 других клеток организма человека. Это предполагает высокую активность энтероцитов в гидролизе и всасывании питательных веществ. Микроворсинки покрыты слоем гликокаликса, образующего из мукополисахаридных нитей на апикальной поверхности слой толщиной до 0,1 мкм. Нити связаны между собой кальциевыми мостиками, что обуславливает формирование особой сети. Она обладает свойствами молекулярного сита, разделяющего молекулы по их величине и заряду. Сеть имеет отрицательный заряд и гидрофильна, что придает направленный и селективный характер транспорту через нее низкомолекулярных веществ к мембране микроворсинок, препятствует транспорту через нее высокомолекулярных веществ и ксенобиотиков. Гликокаликс удерживает на поверхности эпителия кишечную слизь, которая вместе с гликокаликсом адсорбирует из полости кишки гидролитические ферменты, продолжающие полостной гидролиз питательных веществ, продукты которого переводятся на мембранные системы микроворсинок. На них завершается гидролиз

питательных веществ по типу мембранного пищеварения с помощью кишечных ферментов с образованием в основном мономеров, которые всасываются.

Всасывание различных веществ осуществляется разными механизмами и их агрегатов происходит путем фагоцитоза и пиноцитоза. Эти механизмы относятся к **эндоцитозу**. С эндоцитозом связано внутриклеточное пищеварение, однако ряд веществ, попав в клетку путем эндоцитоза, транспортируется в везикуле через клетку и выделяется из нее путем **экзоцитоза** в межклеточное пространство. Такой транспорт веществ назван **трансоцитозом**. Он, видимо, из-за небольшого объема не имеет существенного значения во всасывании питательных веществ, но важен в переносе иммуноглобулинов, витаминов, ферментов и т. д. из кишечника в кровь. У новорожденных трансоцитоз важен в транспорте белков грудного молока.

Некоторое количество веществ может транспортироваться по межклеточным пространствам. Такой транспорт называется **персорбцией**. С помощью персорбции переносятся часть воды и электролитов, а также другие вещества, в том числе белки (антитела, аллергены, ферменты и т. п.) и даже бактерии.

В. А. Басов (1842) успешно произвел операцию наложения фистулы желудка у собак. При дальнейшем усовершенствовании этой операции в желудочном свище фиксировали трубку, которую вне опыта закрывали пробкой. Открыв ее, можно было получать содержимое желудка.

В лаборатории И. П. Павлова у таких собак была выполнена операция эзофаготомии (перезака пищевода). После заживления раны производили «мнимое кормление» собаки: она ела, но пища выпадала из отверстия пищевода, а из открытой желудочной фистулы изливался сок. Сок в чистом виде получали у собак с изолированными выкроенными в хирургических операциях из различных частей желудка желудочками. Желудочек, выкроенный по методу Павлова, в отличие от желудочка Г. Гейденгайна имеет сохраненную вагусную иннервацию и более полно отражает секрецию в большом желудке, где идет пищеварительный процесс. Применяют методы хирургической изоляции петли тонкой кишки с выведением в кожную рану одного дистального (операция Тири) или двух (операция Тири—Велла) ее концов, из которых собирают кишечный сок или куда вводят растворы для изучения их всасывания.

Широкое распространение получили операции выведения наружу и вживления в кожную рану выводных протоков слюнных и поджелудочной желез, желчного выводного протока. Разработаны методы, предотвращающие потерю пищеварительных секретов вне экспериментов.

Фистульная методика позволяет в любое время наблюдать за функцией органа, который имеет нормальные кровоснабжение и иннервацию. Из

фистулы собирают чистые пищеварительные соки, изучают их состав и свойства натошак, после кормления животных или иной стимуляции секреции. На фистульных животных изучают моторную и секреторную функции органов пищеварения, процессы гидролиза и всасывания питательных веществ в различных отделах пищеварительного тракта на практически здоровых животных в почти естественных условиях хронических экспериментов. В исследованиях И. П. Павлова, принесших ему широкую славу и Нобелевскую премию (1904), в хронических опытах были получены новые данные, и, как сказано в Нобелевском дипломе, И. П. Павлов «пересоздал физиологию пищеварения».

Таким образом, подводя итоги литературного анализа можно сказать, что современная физиология располагает методическими приемами, позволяющими исследовать пищеварительные функции на различных уровнях их организации, механизмы регуляции этих функций в норме и при патологии, и тем самым составляет основу для дальнейшего изучения этой проблемы в медицине в целом.

Литература

1. Болдырев В. Н. Поступление в желудок натуральной смеси панкреатического и кишечного соков с желчью // Русск. врач. 1904. Т. 3, № 39. С. 1305-1310; № 40. С. 1340-1346.
  2. Брокерхоф Х., Дженсен Р. Липолитические ферменты (пер. с англ). М.: Мир, 1978. 396 с.
  3. Горшков В. А., Жигалова Т. Н., Авалуева Е. Б. Солянокислая секреция и кислотно-протеолитическая активность желудка *in vivo* // Эксперим. и клинич. гастроэнтерология. 2005, № 1. С. 78-84.
  4. Горшков В. А., Жигалова Т. Н., Насонова Н. В. Критерии секреторной недостаточности желудка по данным топографической ацидопротеолизаметрии // Эксперим. и клинич. гастроэнтерология. 2005, № 2. С. 76-82.
  5. Гройсман С. Д. Характеристика пищеварительного процесса в желудке. Эвакуация его содержимого // Физиология пищеварения: Рук. по физиологии. Л.: Наука, 1974. С. 310-319.
  6. Ивашкин В. Т., Дорофеев Г. И. О локализации желудочного пищеварения // Врач. дело. 1976. № 4. С. 117-121.
  7. Кафаров В. В. Методы кибернетики и химии в химической технологии. М., 1968. 212 с.
  8. Климов П. К., Барашкова Г. М. Физиология желудка. Механизмы регуляции. Л.: Наука, 1991. 256 с.
- УДК 616.3 (470.62)
9. Кононов А. В. Цитопротекция слизистой оболочки желудка: молекулярно-клеточные механизмы // Рос. журн. гастро-энтерол., гепатол., колопроктол. 2006, № 3. С. 12-16.
  10. Коротько Г. Ф. Желудочное пищеварение, его функциональная организация и роль в

пищеварительном конвейере. Ташкент: Медицина, 1980. 219 с.

11. Davenport H. W. Physiology of the Digestive Tract (Third ed.) Year Book Medical Publishers Incorporated. Chicago. 1971. 299 p.

12. Johnson L. R. (Ed.) Gastrointestinal physiology. Sixth Edition // St. Louis, London: Mosby. 1999. 94 p.

13. Modlin I. M. Acid related diseases. Biology and treatment. Schnetztor-Verlag GmbH B-Konstanz. 1998. 368 p.

14. Schuster M. M., Crowell M. D., Koch K. L. Gastrointestinal motility in Health and Disease (Sec. ed.) BC Decker Inc. Hamilton. London. 2002. 472 p.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 004.946

*Tsukanova Alisa Olegovna**Candidate of Physics and Mathematics**Department of Mathematical Physics and Differential Equations**National Technical University of Ukraine**«Igor Sikorsky Kiev Polytechnic Institute»**Pobedy Avenue, 37, 03056, Kiev, Ukraine**ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0049-3733>*

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF VIRTUAL REALITY

*Цуканова Алиса Олеговна**кандидат физико-математических наук**кафедра математической физики и дифференциальных уравнений**Национальный технический университет Украины**«Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского»**проспект Победы, 37, 03056, Киев, Украина**ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0049-3733>*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.286](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.286)

Abstract. Virtual reality is one of advanced technologies that can change the world. Virtual reality captures each of us more and more, immersing us in its own world. Of course, the spread of virtual reality technologies is promising for various areas of human activity. However, humanity's involvement into reality has both advantages and dangerous sides. The purpose of the given article is to provide a brief overview of the problems and perspectives of virtual reality.

Аннотация. Виртуальная реальность – одна из передовых технологий, которая может изменить мир. Виртуальная реальность все больше захватывает каждого из нас, погружая в свой мир. Безусловно, внедрение технологий виртуальной реальности перспективно для разных областей человеческой деятельности. Однако приобщенность человечества к виртуальной реальности имеет как достоинства, так и опасные стороны. Задача данной статьи заключается в кратком обзоре проблем и перспектив виртуальной реальности.

Key words and phrases: virtual reality, virtuality, perspectives of virtual reality, problems of virtual reality, reality, simulacrum, Homo Virtualis.

Ключевые слова: виртуальная реальность, виртуальность, перспективы виртуальной реальности, проблемы виртуальной реальности, реальность, симулякр, Homo Virtualis.

«Изменяя пространство, покидая пространство нашего обычного восприятия, мы начинаем общаться с пространством таким способом, который физически невозможен, ибо мы изменяем не пространство, а себя»

Г. Бахлард

«Страх, который я испытываю от встречи, связанной с галлюцинацией, эмоции совершенно реальны, даже в том случае, если они подавляются ... сознанием своей ошибки. То, что мы чувствуем, всегда реально»

Л. С. Выгодский

Введение. Идея создания миров, неотличимых от нашего собственного, но лишенных всех его проблем и недостатков, всегда поражала и будоражила умы людей. Возможность прямо у себя дома побывать в новых мирах вызывает у нас благоговейный трепет. Эти мечты и возможности связываются с технологией виртуальной реальности. Сегодня понятие «виртуальная реальность» очень распространено, поскольку мы живем в век технологий, которые позволяют достичь реальных ощущений искусственным

путем. Виртуализация общества с каждым годом происходит все стремительнее и стремительнее. Совершая покупки в интернет-магазинах, общаясь с друзьями и подписчиками в социальных сетях, чатах и мессенджерах, размещая блоги и публикации в пабликах, вступая в интернет-сообщества, играя, обсуждая новости, мы все больше и больше, сильнее и сильнее погружаемся в виртуальный мир. Этот удивительный мир таит в себе множество как неоспоримых достоинств, так и важных проблем, о которых пойдет речь далее.

Цель работы. Задача статьи заключается в кратком обзоре проблем и перспектив виртуальной реальности.

Основная часть. Со времен первого тренажера для летчиков «Link Trainer» («Blue Box» или «Pilot Trainer»), помогающего обрести необходимые пилотам профессиональные навыки, не отрываясь при этом от земли, виртуальный мир шагнул очень далеко и широко. С момента появления на рынке различные устройства виртуальной реальности: очки, шлемы, головные дисплеи, костюмы, перчатки и даже целые

комнаты, – применялись в основном в индустрии развлечений [7]. На сегодняшний день погружение в виртуальную реальность применяется не только для игр, оно стремительно входит и в другие области нашей жизни. К примеру, в медицине при использовании очков виртуальной реальности пациентом удастся значительно уменьшить его болевые ощущения. Это несомненная польза для

пациентов, ведь за счет этого в будущем можно уменьшить количество обезболивающих наркотических препаратов для тяжело больных людей. На сегодняшний день разработчикам удалось создать очень реалистичный тренажер виртуальной реальности, который заменяет полноценные тренировки пожарных (рис. 1).

Рис. 1. Пожарный тренажер виртуальной реальности

Дело в том, что традиционные методы обучения пожарных являются очень опасными, трудно воспроизводимыми в реальности, вредными для экологии и, ко всему прочему, безумно дорогими. А без подготовки пожарный попросту не знает, как поведет себя его психика в кризисной ситуации при реальном пожаре. Сотрудники туристических агентств предлагают своим клиентам надеть шлем виртуальной реальности и прогуляться по отелю перед тем, как оплатить

реальный тур. Продавцы автомобилей с помощью технологий виртуальной реальности демонстрируют салон новых моделей, которые только сошли с конвейера и еще не успели поступить в автосалоны. Агенты по недвижимости облюбовали эту технологию для продажи квартир еще на этапе закладки фундамента, демонстрируя клиентам вид из окна их будущей квартиры и красоты прилегающей придомовой территории (рис. 2).

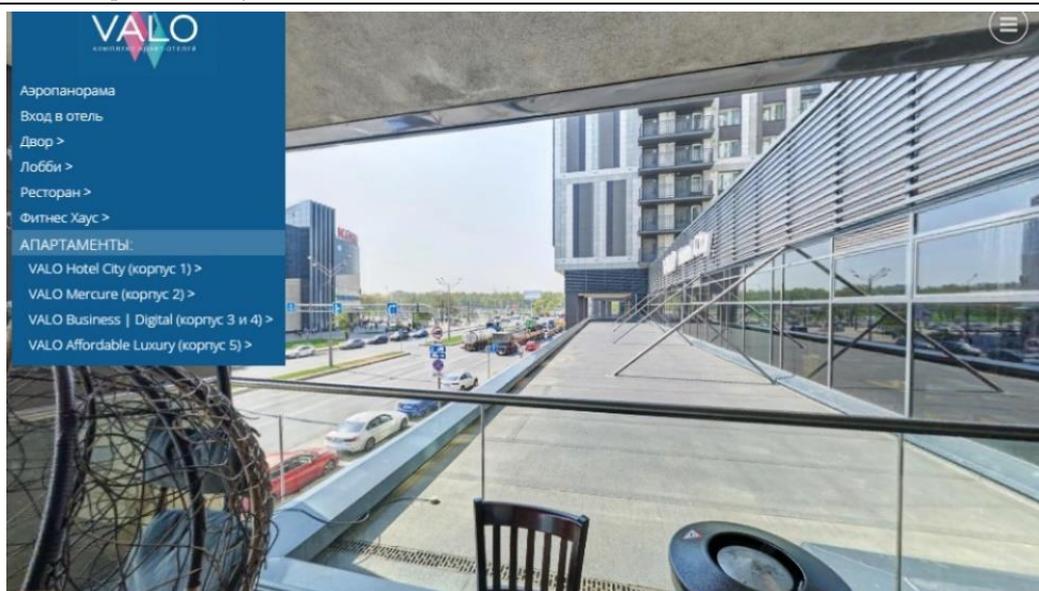

Рис. 2. Онлайн шоу-рум для экскурсии по жилому комплексу

Все это очень хорошо помогает продажам, так как усиливает эффект вовлеченности: действительно, покупателю, охваченному положительными эмоциями от увиденного «воочию», намного проще решиться на покупку.

Расширяются опыт и способности человека, но расширяются они за счет погружения в недовоплотившуюся реальность. Основная задача виртуальной реальности – обмануть человеческий мозг и заставить пользователя воспринимать визуальный цифровой контент как реальность. Это имеет социальный смысл – происходит замещение реального компьютерными симуляциями. Человек не только извлекает из новых достижений пользу, получая удовольствие, но и допускает тот факт, что виртуальная реальность становится ему заменой реального мира. Виртуальная реальность как модельное отображение квазиреальности с помощью технологий, желаемая для личности, не является лишь модельным отображением реальности, а становится ею единственной.

Индивид обращается в виртуальный мир, где он может самореализоваться, что не получается сделать в реальной жизни, чтобы избавиться от чувства обыденного существования, использует виртуальную реальность для бегства от жизни [3]. Он настолько увлечен виртуальным миром, новыми эмоциями и возможностями, что перестает проявлять интерес к наскучившей ему повседневной реальности. Он все делает для того, чтобы как можно скорее разобраться с ежедневной рутинной и снова засесть за любимый компьютер, погрузиться в другой, более приятный для него мир.

Такое бегство от трудностей и скуки жизни в вымышленный мир называется эскапизмом. Всех геймеров и любителей виртуального мира можно отнести к эскапистам. Эскапизм не считается болезнью. Эскапистами были такие известные личности, как писатель Л. Толстой, музыкант С. Барретт. Дж. Р. Р. Толкин, автор нашумевших книг

о жителях Средиземья, считал эскапизм необходимой составляющей творческого развития личности.

Существуют два вида эскапизма: добровольный и вынужденный. Существенное отличие между ними состоит в том, что при добровольном эскапизме человек самостоятельно выбирает образ жизни отшельника, отказываясь от мирской суеты. При вынужденном эскапизме геймера засасывает в виртуальную реальность против его воли. Именно с этого начинается история личности, затерянной в виртуальной реальности, для которой виртуальные реалии становятся более значимыми, чем реально-социальные. Все больше и больше времени проводя в виртуальной реальности, изолируясь в искусстве бытия в ней, не только виртуальная реальность становится частью реальности личности, но и сама личность становится неотъемлемой частью виртуальной реальности, так как является частью реальности других элементов киберсистемы и носителем виртуальных ценностей. Пользователь не осознает вымышленность окружающего мира. И при подобном положении вещей он объективно теряется в виртуальной реальности, хотя для него самого, субъективно, это и есть желаемое состояние. Главная опасность такой ситуации – возникающий диссонанс между реальным и виртуальным. Чем более привлекательным оказывается виртуальный мир, тем сложнее человеку вернуться обратно и выполнять привычные действия в наскучившем ему реальном мире. Он видит в виртуальной реальности лекарство от жесткой и циничной современной жизни. Кроме того, человек теряет способность противостоять трудностям реальности, теряет волю к преодолению возникающих преград. И это вполне понятно – ведь перед ним открывается соблазн просто уйти от проблем в более приятный мир. Большинство современных людей, сталкиваясь с дискомфортом и тревогой, вместо того чтобы

пересмотреть свое отношение к жизни, избегают стресса путем погружения в виртуальную реальность. То есть вместо того, чтобы пересмотреть свое отношение к реалиям, личностно пытается изменить саму реальность, а поскольку это, в большинстве случаев, невозможно, создает ту альтернативную реальность, в которой все устроено так, как ей угодно. А поскольку современный человек под рукой имеет персональный компьютер или гаджет, подключенный к интернету, то не удивительно, что именно виртуальная реальность становится основной альтернативой материальному миру, объективной реальностью, где личность пытается реализоваться [8].

Что касается связи между реальным миром и виртуальным, то, несмотря на большое количество различий, существует одно четкое общее звено между виртуальной и реальной реальностью. Это звено – человек. Виртуальная реальность – это коллизия взаимодействия двух машин: идеальной машины – компьютера – и соответствующего ему субъекта – человека, для которого символическая составляющая становится настолько значимой, что заслоняет все остальные реалии жизни. В игре «World of Warcraft» участвуют миллионы людей, создавая гигантское пространство виртуального социума. Другая игра,

«The Sims», помещает человека в цифровой виртуальный социум, управляемым интеллектом компьютера (рис. 3).

Рис. 3. Кадр из игры «The Sims» – компьютерной игры в жанре симулятора жизни

При этом достигается очень высокая степень симуляции реальных социально-поведенческих процессов. Это создает прецедент возникновения виртуального социального пространства, в котором сведено до минимума присутствие человека, замененного компьютерными ботами [2].

Всей виртуальной реальности присущ игровой момент. И здесь кроется еще один аспект проблемы виртуальной реальности. Уже сейчас обыденна ситуация, когда геймер после выхода в свет новой игры пропадает на несколько дней, а то и недель: пока не пройдет все уровни – не оторвется от компьютера. Психологический механизм таких явлений знаком из других областей, например, алкоголизма, табакокурения или наркотической зависимости, – это компенсация. Дело в том, что эффект привыкания к красочному миру может перейти в зависимость. Это особенно сильно испытывают на себе игроки в азартные игры. Происходит замена реально-социальных объектов действительности виртуальными, но для личности этот процесс остается незамеченным. На той стадии, пока не возникло зависимости, наркомана и

пьяницу влечет в искусственный мир в связи с тем, что он намного красочнее, чем реальность. Точно также и геймер: в реальном мире он жалкий неудачник, сутулый недоросль или нищий дворник, зато в виртуальной реальности может вообразить себя героем и стать великим стратегом, непобедимым бесстрашным бойцом, влиятельным прозорливым политиком, ответственным управленцем, в подчинении у которого находятся миллионы людей, или неутомимым любовником. Но в обыденности ничего не изменится. Он жертва виртуальной реальности, жизнь в ней заменяет ему существование в реальном времени, помогает ему забыть о своих проблемах. Такое воображение создает иллюзорность бытия, где иллюзорность понимается не просто как искаженная реальность, а как обманчивость [3].

Виртуальная реальность внушает человеку опасение, в ней чувствуется угроза уникальности человека и некоторым его прежде неоспариваемым чертам. За то, чтобы пережить адреналиновый вприпрыжку при езде в авто-симуляторах или почувствовать себя супергероном, спасающем

цивилизацию от неминуемой гибели, в игре, человек готов отказаться от действительных попыток пережить подобное. Еще один новый страх – боязнь раствориться в искусственной реальности. Еще Р. Брэдбери в «Вельде» [1] показал обратную сторону виртуальной сферы. Он описывает ситуацию, в которой дети день за днем воплощают в детской комнате умного дома будущего, сконструированной по образу и подобию виртуальной реальности, свои несбывшиеся мечты и сокровенные желания. Эти фантазии оживают в буквальном смысле этого

слова, и грань между физической и виртуальной реальностью фактически стирается. Родители, которые символизируют для детей запреты и правила, день за днем слышат доносящиеся из детской комнаты полные ужаса и отчаяния крики людей, чьи голоса кажутся им до боли знакомыми. Однажды они заходят в детскую комнату и оказываются в виртуальной реальности, рожденной фантазиями их собственных детей. На них со всех сторон надвигаются львы. И только тогда взрослые понимают, чьи голоса они на самом деле слышали в детской, – свои собственные (рис. 4).

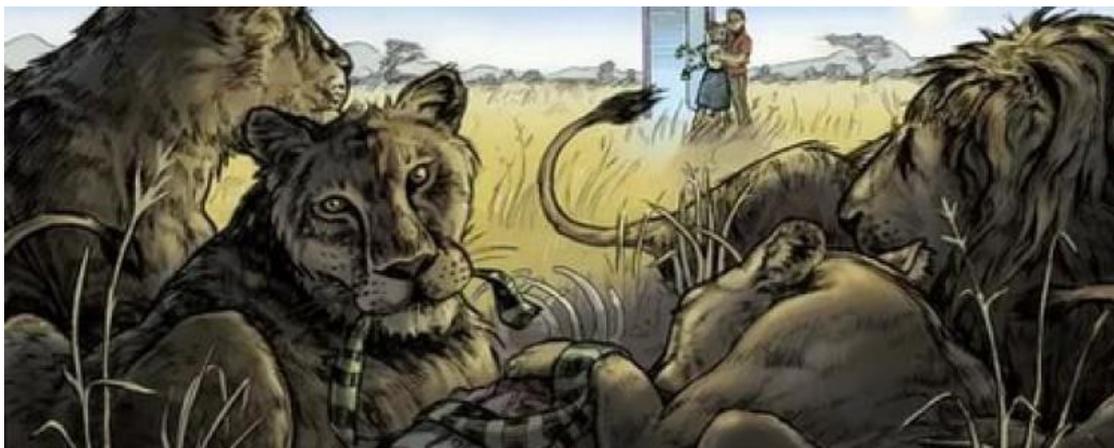

Рис. 4. Иллюстрация к книге Р. Брэдбери «Вельд»

Виртуальная реальность заменила реальные отношения родителей и детей. Дети стали рабами виртуальности, пожертвовали родителями без тени сожаления, для них они – всего лишь персонажи ирреального мира, пытающиеся разрушить их любимый виртуальный мир. То есть родители погибли от рук детей, которые настолько красочно представляли львов, поедающих их родителей, что это стало реальностью [7]. Самое парадоксальное и мистическое в этом произведении то, что в мире, в котором только отгремела Вторая мировая война, в котором еще не было ни интернета, ни компьютеров, ни чего-то, напоминающего виртуальную реальность, были обозначены проблемы, столь актуальные в наше время. Были примеры других произведений, выстроенной вокруг подобной идеи. Их герои сталкиваются с действительной и мнимой реальностями и попросту не в силах их различить.

Кроме того, в рамках виртуальной реальности происходит трансформация человеческих ценностей. Человек обретает новое понимание свободы. Например, в рамках бытия в виртуальном измерении виртуальной реальности границы мира раздвигаются, мир перестает быть преградой, человек получает возможность обратимости действий через функцию перезагрузки. Человек способен перезагрузить и переиграть любой нарратив, то есть вновь прожить эпизод виртуальной жизни. Можно много раз проигрывать ситуацию с чистого листа. Из компьютерной виртуальной реальности можно выйти и начать все заново. Ценность жизни

снижается, ведь в виртуальной реальности нет смерти, смерть – это досадный, но легко поправимый с помощью перезагрузки эпизод жизни человека.

Возможность перезагрузки очень важна для понимания психологической специфики виртуальной реальности. Подобный эффект, с одной стороны, может обесценивать человеческую жизнь, снижать ценность объектов и субъектов виртуального мира, и это мироощущение может переноситься на мир константный. С другой стороны, свойство перезагрузки может иметь много полезных следствий. Например, при работе с больными людьми, воздействуя на их подсознание. Возможность перезагрузки может использоваться для того, чтобы помочь людям преодолевать комплексы и страхи. В виртуальной реальности можно пробовать делать что-либо, не боясь ошибиться. Кроме того, снижение ценности объектов виртуального мира, понимание того, что они – всего лишь иллюзия, – провоцирует людей творить, не боясь сломать, а не только созидать. В виртуальной реальности мир не дан константно, его можно менять, что стимулирует творческие способности человека как творца. То же относится и к действиям человека в виртуально-игровом социуме, что, в купе с анонимностью субъекта, актуализирует знаменитый лозунг эпохи Возрождения «делай, что хочешь». Ситуация обратимости действия формирует новые модели поведения человека.

Имеет место еще такая проблема **виртуальной реальности, как психическое уничтожение личности.**

Многие испытывают тревогу по поводу обесценивания чужой жизни для геймеров. Заповеди «не убий» и «не укради» не имеют смысла в мире, где можно убивать и воровать, не боясь за это наказания и не нанося вред реальному миру. Привыкнув убивать в игре, пользователь с легкостью может стать убийцей в реальном мире. Стоит отметить, что данное мнение имеет право на жизнь. Ведь постоянные размышления о какой-нибудь идее обычно приводят к ее воплощению в реальности. Классический пример – герой романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, убийца-жертва Р. Раскольников, который много размышлял о ценности человеческой жизни и в итоге совершил убийство. Изучив биографии знаменитых убийц, творивших злодеяния задолго до появления виртуальной реальности, можно обнаружить, что большинство из них жило в своем вымышленном мире. Все это подталкивает к мысли, что с геймерами может происходить то же самое.

Кроме указанных проблем, во всей полноте сказывается модельная природа этой своеобразной среды обитания, ставшей таковой для человека, находящегося в ней продолжительные периоды. Затребованная сфера возможностей человека развивается очень успешно: улучшаются реакция, сообразительность, навыки. Но также атрофируются невостребованные чувства: сочувствие, сострадание, раскаяние, понимание, любовь. В результате такого существования, а именно мнимой экзистенции, происходит отрыв человека от реальной действительности, что приводит к патологии социальных отношений и потери себя. В момент возвращения из виртуальной реальности происходит потеря собственной личности и ориентации в реальном мире, пропадают даже элементарные бытовые навыки. Идет подмена реакций на события, обесценивание социальных установок: научившись без проблем забивать гвозди или отвинчивать шурупы в игре, человек в жизни не может это сделать. Переизбыток виртуального в жизни ведет к кризису личности. Он приводит к появлению человека виртуального, Homo Virtualis. Homo Virtualis – это наименование для вовлеченных в пространство виртуальной реальности [2]. Длительное пребывание в этом вакууме имеет намного более опасные последствия, чем в космосе: человек оказывается в ложной экзистенции, изоляции, а ложная экзистенция – это психические расстройства и информационные перегрузки, индивидуализм, мизантропия и отчуждение. Если не придавать этому значения, последствия взаимодействия с виртуальной реальностью могут быть непредсказуемыми.

Ситуация виртуальной реальности во многом провоцирующая и парадоксальная. О предметности виртуальной реальности говорят как о симулякрах, то есть об образе иллюзии. Проблема в том и состоит, что мир виртуальной реальности полностью переворачивает нормальное

соотношение между трансцендентным и имманентным. Это переворачивание описывается термином «симулякр» – копии несуществующего оригинала. Все безумно вкусные и не менее полезные йогурты, сногшибательные длинноногие красавицы из рекламных роликов и плакатов – всего лишь симулякры, образы объектов, которых нет в мире, но они задают ритм реальной жизни, ее цель и вектор. В подавляющем большинстве случаев разработчики рекламы сосредотачиваются не на том, чтобы объективно представить продукт, подчеркивая его достоинства, а на том, чтобы создать для него эффектную «виртуальную упаковку». В современных рекламных роликах продается уже не автомобиль, а престиж, качество жизни, не шоколад, энергетический напиток или жевательная резинка, а модный молодежный стиль и т. д. Рекламный продукт как знак, призванный изначально отсылать к вещи, к действительности самой по себе, данную функцию теряет. Рекламный продукт как знак отсылает к иным знакам, к определенным виртуальным формам, за которыми реальный объект становится незаметным. Проблема виртуальной реальности – проблема смешения реальностей – это проблема платоновского мира, когда копия приобретает намного большую значимость, чем оригинал.

Несомненно, вторжение виртуальности в нашу жизнь может породить психологические проблемы, которые будут представлять собой отягощенный вариант упомянутой выше компьютерной зависимости. Уже сейчас многие бегут от трудностей реальной жизни в интернет или в мир компьютерных игр, но что будет, когда мир виртуальный по детальности проработки не будет уступать реальному? А если в виртуальности человек получит новые возможности, недоступные в жизни, – захочет ли он возвращаться обратно? В этой связи можно вспомнить фантастический роман С. Лукьяненко «Лабиринт отражений» [6]. Действие произведения происходит в виртуальном городе будущего. Люди легко погружаются в него посредством специальной программы, после чего воспринимают виртуальный мир так, как если бы он был реальным. Многие проводят в этом мире жизнь, делая все, что душе угодно, возвращаясь оттуда только для удовлетворения естественных потребностей, единственного, что связывает человека с реальностью. Другие в нем занимаются работой, которую более удобно осуществлять через виртуальность. Наконец, некоторые вовсе утрачивают ощущение реальности, вернуть их к жизни могут только спасатели-дайверы. Только они никогда не перестанут путать нарисованное и реальное, только у них есть иммунитет к полному погружению в виртуальный мир, который очень не хочется покидать. В другом произведении Лукьяненко, «Императоры иллюзий» [5], владелец компании предлагает людям изошренный вариант виртуальной реальности – Линию Грез, которая превращает человека в хозяина собственной

Вселенной, по сути – в бога. Проблема состоит в том, что вернуться из такой Вселенной в реальный мир нельзя. Что произошло бы, будь это реализовано в реальности?

Вспомним фантастический фильм-триллер «Газонокосильщик» 1992 года, снятый по мотивам научно-фантастического произведения американского писателя Д. Киза «Цветы для Элджернона» (рис. 5).

Рис. 5. Кадр из фильма «Газонокосильщик»

В нем простой косильщик лужаек, бывший городской дурачок-недоумок и посмешище всех горожан, вдоволь нарезвившись в созданном с помощью компьютера виртуальном цифровом мире, в котором он стал неудержимым гением-

психопатом, в итоге полностью уходит «в машину».

Еще меньше оптимизма можно увидеть в нашумевшем экшен-триллере американских кинорежиссеров братьев Вачовски «Матрица» (рис. 6).

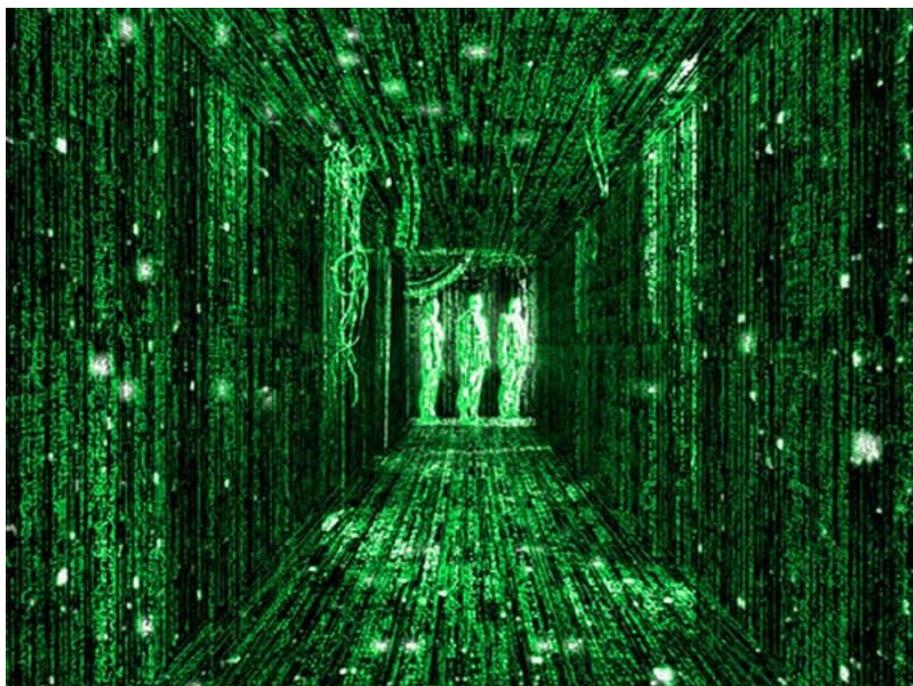

Рис. 6. Кадр из фильма «Матрица»

Согласно ей, жизнь людей оказывается всего лишь тщательно смоделированной компьютерной иллюзией, а сами люди – дешевым заправочным сырьем для машин, придатками которых они

являются. Фактически в один год с «Матрицей» канадский режиссер Д. Кроненберг выпускает фильм «Экзистенция», по идее не уступающий творению братьев Вачовски. Картина рассказывает

о виртуальной реальности под названием «Экзистенция», галлюциногенном параноидальном приключении на грани реального мира и игровой симуляции, границы которых вскоре размываются.

Возникает вопрос: если технологии способны достичь такого уровня, при котором виртуальную реальность невозможно отличить от реальной жизни, то существует ли гарантия, что наш мир – не виртуальный, что он не был создан искусственно кем-то или чем-то с той или иной целью?

Кинорежиссеры – далеко не первые, кто поднял этот важнейший вопрос. Можно вспомнить научно-фантастические рассказы С. Лема «Звездные дневники Ийона Тихого» [4], где описаны своеобразные ящики-футляры для миров. Такой ящик – компьютер, а его обитатели – всего лишь электрические сигналы-импульсы. Эти сигналы способны чувствовать, как люди, и свой виртуальный мир воспринимают как единственно реальный, поскольку не могут выйти за пределы ящика. С. Лем предсказал появление планшетов, Интернета, смартфонов, 3D-печати и многих других вещей задолго до того, как они стали частью нашей повседневности. Поэтому можно предположить, что мы тоже живем в ящике. Возникает вопрос: можем ли мы быть уверены в объективности знаний? Ведь планеты Солнечной системы были для древнего человека всего лишь крохотными светящимися точками. А чем окажутся звезды, когда человек их достигнет? И если мы доберемся до границы Вселенной – не отодвинется ли она по прихоти творца нашей виртуальности?

Выводы. В данной статье показаны возможности применения виртуальной реальности, а также высказаны предположения о вероятных перспективах проникновения виртуальности в жизнь людей. Как видно, существует ряд не только перспективных направлений развития технологий виртуальной реальности, но и множество связанных с ней важных проблем.

В заключение хотелось бы отметить, что человек проник во многие области познания реальности, ему известны законы физики, он осваивает полеты в космос, ему дано познавать пространство, которое ничем не ограничено и никем не изведано. Виртуальная реальность – это иллюзия, изменяющая отношение человека к реальности. При этом ценность реальной жизни для пользователей снижается до пограничной отметки, когда возвращаться к обыденной жизни становится все труднее. Вопрос в том, как сохранить контраст между реальными и виртуальными мирами, чтобы оставался стимул к творчеству и развитию? Ведь виртуальная реальность сможет предоставить все и сразу. Искусственные миры могут быть свободны от боли, смерти, раздражителей. Отказ от ограничений делает реальность ущербной по сравнению с киберпространством. Эти вопросы, с одной стороны, – вопросы метафизики виртуального и виртуальной реальности, с другой стороны, – вопросы трансформации нашего социума в будущем.

О проблемах и перспективах развития виртуальной реальности можно говорить бесконечно долго. Однако, как мы знаем, прогнозы – дело неблагодарное. Поэтому только время сможет справедливо рассудить, как все обернется на самом деле: выйдет ли наша цивилизация на новую ступень развития или же будет отброшена на один или даже на несколько шагов назад.

References

1. Bradbury R. The Smile: Classic Short Stories Series / R. Bradbury. – Creative Education Inc., U. S.; Library Binding edition. – 1991. – 32 p.
2. Belyaev D. A. Virtual NET-Existence of a Post(super)human / D. A. Belyaev. – Bulletin of the Volgograd State University. Series 7. Philosophy. – № 3 (18). – 2012. – P. 68 – 73.
3. Kovaleva S. E. True and False (Imaginary) Existence in Virtual Reality / S. E. Kovaleva // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. – № 11 (25), part 2. – 2012. – P. 109 – 113.
4. Lem S. The Star Diaries of Iyon the Quiet / S. Lem. – Moscow, Pravda. – 1988. – 480 p.
5. Lukyanenko S. V. Emperors of Illusions / S. V. Lukyanenko. – Moscow, AST. – 2007. – 416 p.
6. Lukyanenko S. V. Labyrinth of Reflections / S. V. Lukyanenko. – Moscow-Saint Petersburg, AST & Terra Fantastica. – 1997. – 512 p.
7. Tsukanova A. O. History of Technical Virtual Reality: from Wheatstone Mirror to Head-Mounted Display «Oculus Rift» / A. O. Tsukanova. – East European Scientific Journal. – № 5 (81), part 1. – 2022. – P. 31 – 38. DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.81.283.
8. Zharkutskaya A. V. Internet Therapy: Escape from the Real World or Captivity of Virtual Freedom / A. V. Zharkutskaya, T. L. Mikhailova // The future of technical science: collection of materials of the XII International Youth Scientific and Practical Conference. – Nizhny Novgorod. – 2013. – P. 488, 489.

Список литературы

1. Bradbury R. The Smile: Classic Short Stories Series / R. Bradbury. – Creative Education Inc., U. S.; Library Binding edition. – 1991. – 32 p.
2. Беляев Д. А. Виртуальное NET-бытие пост(сверх)человека / Д. А. Беляев. – Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. – № 3 (18). – 2012. – С. 68 – 73.
3. Ковалева С. Е. Истинная и ложная (мнимая) экзистенции в виртуальной реальности / С. Е. Ковалева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 11 (25), ч. 2. – 2012. – С. 109 – 113.
4. Лем С. Звездные дневники Ийона Тихого / С. Лем. – Москва, Правда. – 1988. – 480 с.
5. Лукьяненко С. В. Императоры иллюзий / С. В. Лукьяненко. – Москва, АСТ. – 2007. – 416 с.

6. Лукьяненко С. В. Лабиринт отражений / С. В. Лукьяненко. – Москва-Санкт Петербург, АСТ & Terra Fantastica. – 1997. – 512 с.

7. Цуканова А. О. История технической виртуальной реальности: от зеркального стереоскопа Уитсона до шлема «Oculus Rift» / А. О. Цуканова. – Восточно-европейский научный журнал. – № 5 (81), ч. 1. – 2022. – С. 31 – 38. DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.81.283.

8. Жаркуцкая А. В. Интернетотерапия: бегство от реального мира или плен виртуальной свободы / А. В. Жаркуцкая, Т. Л. Михайлова // Будущее технической науки : сборник материалов XII Международной молодежной научно-практической конференции. – Нижний Новгород. – 2013. – С. 488, 489.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Butkaliuk V.A.,

*PhD in Sociology, Senior Research Fellow at the Department of Economic Sociology,
Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine*

HUMANITY AT A CROSSROADS: WILL THE LESSONS OF THE COVID-19 PANDEMIC REMAIN UNLEARNED?

Буткалюк Виталина Александровна,

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела экономической социологии
Института социологии НАН Украины*

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ НА РАЗДОРОЖЬЕ: ОСТАНУТСЯ ЛИ НЕВЫУЧЕННЫМИ УРОКИ ПАНДЕМИИ COVID-19?

DOI: [10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.284](https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.284)

Summary. The article analyses the social consequences of the coronavirus pandemic. The author focuses on the study of patterns of disproportionate impact of the pandemic on different social groups depending on the level of material well-being, area (region, country) of living, gender, race, age and form of employment. Using a large body of data, the author convincingly demonstrates that high levels of economic, gender, racial and cross-country inequalities, due to institutional features of the neoliberal economy, have become even greater in the context of the pandemic. In addition, the article analyses the causes and social consequences of the new vaccine inequality.

The author pays special attention to the study of the «subjective lessons» of the pandemic. In particular, it studies public opinion in different countries concerning pandemic social policies and the need/desirability of altering them in order to overcome the existing crisis and sustain future development. There is a strong public demand in different parts of the world to change the trajectory of social development in the direction of increasing social orientation of the state and the implementation of a «levelling up policy» on people's opportunities and living conditions.

The author concludes that the synergistic negative effect of the coronavirus and socio-economic factors (high levels of inequality, poverty, and many other social problems of today, contributing to poor health and accumulation of social disadvantage) is so high, that it is impossible to overcome this problem only by medical means or «targeted» social interventions. A real solution to this global problem requires a comprehensive systemic approach, including addressing deep inequalities and poverty.

Аннотация: Статья посвящена анализу социальных последствий пандемии коронавируса. Автор исследует особенности диспропорционального воздействия пандемии на различные социальные группы населения в зависимости от их уровня материального благосостояния, района (региона, страны) проживания, пола, расы, возраста и формы трудовой занятости. На основании обработки большого массива данных автор доказывает, что традиционно высокие уровни межстранового, социально-экономического, гендерного, расового и иного неравенства, обусловленные институциональными особенностями современной нелиберальной экономики, в условиях пандемии приобрели еще большие масштабы. В дополнение к этому в статье анализируются причины возникновения и социальные последствия нового — вакцинного — неравенства.

Особое внимание уделяется исследованию «субъективных уроков» пандемии. В частности, изучается общественное мнение жителей разных стран мира относительно реализуемой их правящими элитами государственной социальной политики в условиях пандемии, а также необходимости/желательности ее изменения с целью преодоления существующего кризиса и последующего развития. Выявлен весомый общественный запрос в разных уголках планеты на изменение траектории общественного развития в сторону повышения социальной ориентированности государства и реализацию «политики выравнивания» возможностей и улучшения условий жизни людей.

Автор приходит к заключению, что синергетический негативный эффект коронавируса и социально-экономических факторов (высоких уровней неравенств, бедности и многих иных социальных проблем современности, способствующих ухудшению здоровья и накоплению социального неблагополучия) столь высок, что преодоление данной проблемы невозможно лишь медицинским путем или «точечными» социальными акциями. Реальное решение указанной глобальной проблемы требует комплексного системного подхода к устранению глубокого неравенства и ликвидации проблемы бедности.

Keywords: COVID-19 pandemic, syndemic, inequality, neoliberalism, neo-Keynesianism.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, синдемия, неравенство, нелиберализм, неокейнсианство.

В первые месяцы пандемии весьма распространенным было мнение, что в силу своей природы коронавирус не будет делить людей по каким-либо признакам, одинаково поражая всех

представителей человеческого рода. Исходя из заключений ряда ученых о способности стихийных бедствий и социальных катаклизмов приводить к уменьшению неравенства [Alfani, Ammannati, 2017;

Milanovic, 2016; Scheidel, 2017], даже делалось предположение, что стихия коронавируса также сможет выступить в роли «великого уравнивателя» на глобальном уровне. Однако, едва появившись в публичном пространстве, данная гипотеза стала получать множество убедительных опровержений с разных уголков планеты [Amnesty International, 2020; Galasso, 2020; ILO, 2021a; Mein, 2020; Oxfam, 2021; Timothy, 2020; UNDP, 2020, etc]. Изучению диспропорций воздействия пандемии, а также эволюции старых и новых видов неравенства в этих условиях посвящены труды многих современных исследователей [Bambra, Lynch, Smith, 2021; Lopez, Hart, Katz, 2021; OECD, 2021; Oxfam, 2022; UN Women, 2021, World Bank, 2021, etc].

Одним из наиболее актуальных направлений современного социологического дискурса является критический анализ причин тяжелых социально-экономических потерь в условиях пандемии, исследование ключевых «уроков» пандемии с целью разработки иной модели социально-экономического развития, способной действовать в интересах более широких слоев населения и, соответственно, быть более устойчивой перед лицом возможных будущих потрясений. Исходя из этого, в наши дни появляется все больше работ, посвященных критике доминирующей сегодня неolibеральной модели развития, в условиях которой социальные последствия пандемии стали катастрофическими для многих жителей планеты [Blum, Neumärker, 2021; Mair, 2020; McCloskey, 2020; Navarro, 2020; Saad-Filho, 2020; Sumonja, 2021]. В этом контексте научные усилия множества современных исследователей COVID-19, в частности, некейнсианцев, направлены на поиск и внедрение в практику новых социальных моделей развития, альтернативных неolibерализму [Ban, 2020; Bernstein, 2020; Chohan, 2022; Köhler, 2021; Thirlwall, 2017; The Economist, 2020; The Guardian, 2020, etc].

Особого внимания заслуживает набирающая популярность теория синдемии (объединение слов «синергия» и «пандемия»), акцентирующая внимание на том, что биологически беспристрастный вирус Sars-cov-2, проявляясь в конкретной социально-экономической среде, масштабирует ранее существующие проблемы, наличие которых обусловлено институциональными особенностями нынешней экономической системы. Исходя из понимания синергетического эффекта коронавируса и неolibерализма, преодоление текущей синдемии является задачей не только органов здравоохранения, а всего общества, и требует кардинального изменения социально-экономической политики государств, в первую очередь, в области решения проблем неравенства, нищеты и бедности [Arceo-Gomez, Campos-Vazquez, 2022; Gravelle, 2020; Griffith, Holliday, 2021; Horton, 2020; Fronteira, Sidat, Magalhaes, 2021, etc].

В своем исследовании автор придерживается критического подхода и исходит из понимания того факта, что пандемия не является главной причиной современного социального кризиса, но лишь триггером, способствующим масштабированию ранее существующих диспропорций социального развития, глубоко укоренных в самой институциональной структуре неolibеральной капиталистической экономики. Целью данной статьи является выявление и структурирование ключевых объективных и субъективных «уроков пандемии». Для ее достижения автор фокусирует внимание на исследовании ключевых диспропорций воздействия коронавирусной пандемии на разные группы населения, а также изучении основных общественных запросов к преобразованию общества (на основе вторичного анализа социологических данных ведущих социологических компаний мира).

Глобальное измерение ключевых диспропорций воздействия пандемии COVID-19

Воздействие пандемии на разные группы населения оказалось крайне неоднородным: биологическая «беспристрастность» коронавируса была нивелирована «реалиями неolibерализма» с глубоко укоренным и широко распространенным неравенством, бедностью и уязвимостью широких слоев населения. Более, чем двухлетнее смертоносное шествие данной глобальной беды по планете Земля свидетельствует о том, что коронавирус в условиях современной социально-экономической модели оказывает явное диспропорциональное воздействие на народонаселение мира по классовому, расовому, гендерному и региональному признакам.

Степень и тяжесть воздействия пандемии, по сути, воспроизводит карту социально-экономического неравенства: чем более неблагополучным (бедным, уязвимым) являлся человек (социальная группа, район проживания), тем более тяжелые последствия пандемии он испытывает [Bambra, Lynch, Smith, 2021: p.14-15]. В глобальном измерении это выглядит следующим образом: в числе наиболее пострадавших от пандемии оказались люди и социальные группы, которые в допандемийное время относились к уязвимым слоям населения. Это, в первую очередь, малообеспеченные, низкооплачиваемые работники, молодежь, женщины, мигранты, цветные работники и представители этнических меньшинств [ILO, 2021a: 2; UNDP, 2020].

Неравенство в условиях пандемии проявилось как в уровне инфицирования, так и в тяжести протекания болезни и смертности от COVID-19 [Bambra, Lynch, Smith, 2021: p. 16]. Исследования показывают, что менее благополучные в экономическом плане люди не только чаще заражались, но и тяжелее переносили и больше умирали от данной болезни, чем их более богатые сограждане. Эти заключения актуальны для многих стран, в том числе и наиболее экономически развитых. Например, в Великобритании,

показатели заражения и смертности среди жителей бедных районов оказались более, чем в два раза выше показателей богатых районов [Bambra, Lynch and Smith, 2021: p.xiii]. Вероятность смерти от COVID-19 для жителя Бельгии, относящегося к децильной группе с самым низким доходом, в два раза превышала таковую для его соотечественника из самой высокой по доходам децильной группы [Decoster, Minten, Spinnewijn, 2021]. На примере Швеции было выявлено, что мужчины из низшего квартиля по доходам на 75% чаще умирают от COVID-19, чем мужчины из высшего квартиля [Drefahl, Wallace., 2020]. Исследование в Мексике показало, что вероятность смерти среди людей с самым низким уровнем дохода в пять раз выше, чем среди людей с самым высоким уровнем дохода [Arceo-Gomez, Campos-Vazquez, Esquivel, Alcaraz., 2022].

Обобщенные подсчеты МВФ показывают, что по итогам двух лет пандемии в глобальном измерении уровень заразившихся вирусом среди бедных домохозяйств примерно в пять раз превышает таковой среди богатых домохозяйств (соответственно более 50% и немногим более 10%), а вероятность летального исхода среди бедных домохозяйств – в четыре раза выше. Бедные больше подвергаются заражению коронавирусом по следующим причинам: 1) многие из них занимаются выполнением критически важных в период пандемии работ в сфере услуг или на работах с ограниченными возможностями удаленной работы и получают за это низкую заработную плату; 2) многие из них проживают в бедных районах с повышенной плотностью населения, что повышает риск заражения; 3) многие из них не имеют достаточных сбережений на случай чрезвычайных ситуаций, что ограничивает их возможности сократить рабочее время для снижения риска заражения [Dizioli, Andrie, Bluedorn, 2020].

Диспропорции проявления пандемии имеют место и внутри трудовой среды: пандемия оказала непропорциональное воздействие на разные группы людей труда. Так, например, в США на пике рецессии весны 2020 года занятость упала на 37% в группе работников с заработной платой в нижнем квартиле распределения заработков. В то время как в группе высокооплачиваемых работников (в верхнем квартиле распределения заработной платы) уровень занятости снизился только на 14%. Сильные диспропорции наблюдаются и относительно восстановления занятости: в верхних по доходам профессиональных группах этот процесс проходит намного быстрее, чем среди менее высокооплачиваемых работников [Chetty, Friedman, Hendren, Stepner, 2020: p. 13].

Наибольший удар пандемии на современных рынках труда испытала на себе молодежь, подвергшаяся интерсекциональному воздействию пандемии [ILO, 2021b: 13–14].

В условиях постфордистско/неолиберального развития глобальной экономики обнаружилось негативные последствия расширения «гибкой занятости», в сфере которой оказались большое число трудящихся. По данным МОТ, такие работники в три раза чаще, чем их официально работающие коллеги, теряли работу в результате корона-кризиса [ILO, 2021a: p. 14].

Весьма зримым и ощутимым в последние годы стало масштабирование гендерного неравенства. Гендерные разрывы, достаточно сильно проявленные в «допандемийное время», в условиях карантина фактически сделали женщин заложниками (иногда в прямом смысле) коронавируса. Бремя экономических и социальных потерь женщин в условиях пандемии столь велико, что все чаще рецессию, вызванную пандемией, называют «shecession»: женщины чаще оставались без работы и заработка, и, кроме того, несли дополнительное бремя по уходу и воспитанию детей в условиях закрытия образовательных учреждений [OECD, 2021]. В условиях карантина резко возросло насилие в семьях, что подвергло миллионы женщин физическим и психологическим страданиям [UN Women, 2021]. Опрос Ipsos в странах G-20 показал, что женщины чаще, чем мужчины (69% против 58%) в условиях пандемии страдали от переутомления, тревоги или депрессии, испытывали страхи за свое будущее (79% против 70%), имели больше работы по дому (70% против 66%) и не могли найти время для поддержания своего здоровья (61% против 56%) [Hubber, 2021].

Четко проявился и «расовый» окрас пандемии коронавируса: смертность представителей расовых групп и этнических меньшинств от COVID-19 оказалась значительно выше средних показателей [Bambra, Lynch, Smith, 2021: p.xiii]. Например, в США смертность чернокожих американцев от COVID-19 более чем в 2,5 раза превышает смертность белых жителей этой страны. Совокупное число смертей белых американцев от всех болезней (в том числе, и COVID-19) по итогам первого года пандемии оказалось меньшим, чем уровень смертности их чернокожих сограждан в непандемические годы [Scommegna, 2021]. И объясняются эти различия не какими-то физиологическими, врожденными уязвимостями к коронавирусу у чернокожих людей, а именно социальными причинами. Чернокожие американцы чаще работают в менее оплачиваемых сферах с большим уровнем контактов с общественностью, в том числе в критических важных, не прекращающих деятельность даже в условиях жестких локдаунов. Кроме того, в результате бедственного положения и низких доходов люди этой группы реже имеют доступ к качественной медицине и социальной защите [Scommegna, 2021].

Более высокий уровень смертности от коронавируса также зафиксирован в городах, где концентрация населения намного выше, чем в сельских поселениях [Bambra, Lynch, Smith, 2021: p.xiii].

Кроме усиления и углубления старых неравенств, пандемия явила миру новое — вакцинное — неравенство. Карта наличия вакцин и охвата вакцинацией опять-таки во многом воспроизводит экономическую карту мира (с той лишь разницей, что в списке лидеров по вакцинации оказалась небогатая Куба, создавшая национальные вакцины и эффективно организовавшая всеохватывающую вакцинацию граждан своей страны, а также помощь дружественным ей странам третьего мира) [Our world in data, 2022].

Хотя по состоянию на 21 сентября 2022 года во всем мире было введено более 12,69 миллиардов доз вакцины, при этом миллиарды людей по-прежнему лишены доступа к спасительной прививке [Our world in data, 2022]. Инициатива COVAX, созданная с тем, чтобы обеспечить более бедные страны вакциной, до сих пор не достигла своей цели, несмотря на доставку 1,1 миллиарда доз в 144 страны и территории. По оценкам Oxford University's, на 100 человек в мире приходится 127 доз вакцины. Однако, если посмотреть на распределение вакцины по группам доходов стран в соответствии с определением Всемирного банка, то проблема неравенства в этом отношении становится очевидной. По состоянию на 26 января т.г. в странах с высоким и выше среднего уровнем дохода было введено 180 доз на 100 человек, в то время как в странах с уровнем дохода ниже среднего и с низким уровнем дохода было введено только 96 и 14 доз на 100 человек соответственно. Последняя цифра особенно поразительна, поскольку включает 650 млн человек, которые фактически лишены доступа к вакцине [Statista, 2022]. По состоянию на 21 сентября 2022 года, в странах с низким уровнем дохода всего 22,5% населения получили хотя бы одну дозу вакцины. В глобальном измерении уровень вакцинации на указанную дату составил 67,9% [Our world in data, 2022].

Вакцинное неравенство не только оказывает негативное воздействие на жизнь людей на внутристрановом уровне и отдалает время решения глобальной проблемы коронавируса, но и является причиной усиления и закрепления межстранового неравенства. В странах, где социальные системы менее развиты, а финансово-экономические ресурсы государства недостаточны для осуществления необходимой социальной поддержки больших масс населения в условиях спада экономики и приостановки производственных процессов, социальные последствия пандемии закономерно являются намного более серьезными [World Inequality Lab, 2021: p.47]. А нехватка вакцин выступает дополнительным фактором усиления гуманитарных и экономических потерь и их консервации в этих условиях.

Уроки пандемии в субъективном восприятии людей: какого «нового мира» мы хотим?

Потери и потрясения, переживаемые человечеством в последние годы, закономерно нашли свое отражение в субъективном эмоциональном состоянии и мировосприятии людей, оказали влияние на структуру их страхов и опасений, а также на видение ими будущего.

На протяжении длительного времени (фактически двух лет пандемии с апреля 2020 года по февраль 2022 года) коронавирус удерживал ведущие позиции в списке ключевых проблем человечества [Ipsos, 2022a]. Вместе с тем социологические исследования фиксировали постепенное привыкание и снижение тревожности людей по поводу данной проблемы. Если в начале пандемии коронавирус называли ключевой проблемой 63% респондентов, то уже в ноябре 2020-го года — 47%, а феврале 2022 года — 33% опрошенных [Ipsos, 2022b: p.3; Ipsos, 2020a]. С марта 2022 года коронавирус существенно ослабил свои позиции в списке проблем, тревожащих людей (16%), уступив это место проблеме стремительного роста инфляции (с 8% в апреле 2020 года до 39% в августе 2022 года) [Ipsos, 2022a].

Вместе с тем проблемы социально-экономического характера, объективно усилившиеся в эти годы, находились на высоком уровне на протяжении всего периода социологических наблюдений. Согласно недавнего опроса (август т.г.), пятерка наиболее острых проблем современности выглядела следующим образом: инфляция (39%), бедность и социальное неравенство (31%), безработица (27%), финансовая/политическая коррупция (26%), преступность и насилие (25%) [Ipsos, 2022a; Ipsos, 2022b: p.3].

В условиях медленного экономического восстановления, нехватки рабочих мест и низких заработков люди, как правило, склонны критически оценивать состояние экономик своих стран. Большинство граждан (62%) называют текущую экономическую ситуацию в странах своего проживания в той или иной степени плохой [Ipsos, 2022b]. Также хронически высокой является критичность в оценке направления развития страны. Доля граждан, которые считают его неверным, на протяжении длительного времени составляет уверенное большинство [Ipsos, 2022b: p.7]. Сегодня, этот показатель зашкаливает в некоторых странах, превышая отметку в 70% (Перу — 84%, Колумбия — 82%, Аргентина — 81%, Польша — 79%, ЮАР — 78%, Бразилия — 76%, Турция — 72%, Франция — 72%) [Ipsos, 2022b: p. 6].

Длительное недоверие элите и проводимой ею политике при снижении качества жизни в условиях пандемии COVID-19 стали благоприятной почвой для формирования в обществе более критичной оценки социальной направленности экономических и политических действий власти, укрепления желания социальных изменений и формирования новых общественных запросов.

Социологи пришли к заключению, что желание перемен и реформ, фиксируемое и в допандемийные годы, еще больше укрепилось, когда многие граждане на себе ощутили реальное положение дел в медицине, экономике и политике в последние пандемийные годы. В то же время была зафиксирована четкая корреляционная связь: чем более критично человек склонен оценивать то, как его страна справляется с корона-кризисом, тем чаще он неудовлетворительно оценивает состояние демократии в целом и является сторонником радикальных политических реформ. Например, 73% немцев, считающих, что их страна плохо справляется с кризисом, полагают, что их политическая система нуждается в серьезных изменениях или должна быть полностью перестроена, в то время как только 32% тех, кто считает, что страна справляется с кризисом хорошо, выражают такое мнение [Pew Research Center, 2021: p.7].

Социологи отмечают, что люди все чаще начали высказывать желание изменений политического и экономического характера. В глобальном измерении 72% взрослого населения считают необходимыми существенные изменения, подчеркивая, что они не желают, чтобы после корона-кризиса их жизнь вернулась в состояние, предшествующее пандемии [Ipsos, 2020b: p.3]. Этот тренд носит глобальный характер и актуален для большинства стран. Вместе с тем, в экономически развитых странах такие настроения менее распространены. Согласно опросу Pew Research Center (весна 2021 года), проведенному в 17 развитых странах, большинство граждан в них жаждут значительных изменений в политических системах. В среднем 56% считает, что их политическая система нуждается в серьезных переменах или должна быть полностью реформирована. Примерно две трети или более придерживаются такого мнения в Италии, Испании, США, Южной Корее, Греции, Франции, Бельгии и Японии [Pew Research Center, 2021: p.3].

Также сильны запросы на экономические изменения. Например, в Италии, Испании и Греции, по меньшей мере восемь из десяти опрошенных считают, что их экономические системы нуждаются в серьезных изменениях или полной перестройке. Примерно три четверти опрошенных в Южной Корее и две трети в США и Франции также разделяют это мнение [Pew Research Center, 2021: p.4].

Что касается смыслового, «идеологического», наполнения этих реформ, то в целом их можно охарактеризовать как «неокейнсианские», условно социал-демократического или социалистического характера. Источником их формирования, по нашему мнению, является недоверие к проводимой политике, неудовлетворенность большими уровнями неравенства, восприятие нынешнего порядка вещей как несправедливого. Современные опросы показывают уверенность большинства людей (71%) в том, что экономики их стран

работают в интересах богатых и влиятельных людей, а не большинства жителей [Ipsos, 2021: с.9]. Кроме того, люди проявляют высокий уровень скептицизма относительно «социальной ориентированности» действий правящей элиты: 68% респондентов уверены, что «традиционные политики не заботятся о таких, как я». Всего 8% людей верят, что элиты склонны принимать решения в интересах страны [Ipsos, 2021: с.20]. Главной линией раскола общества большинство граждан (71%) считают «великое разделение» между простыми гражданами и политической и экономической элитой [Ipsos, 2021: с.20].

В условиях высокой критичности в оценках современной социально-экономической системы является вполне закономерным желание ее изменения. Сделать мир более устойчивым и справедливым после пандемии желает подавляющее большинство людей (86%) [Ipsos, 2020b: p.2]. Они больше не хотят жить в столь неравном и несправедливом мире, требуют кардинальных перемен социально-экономической и политической политики. Идеи повышения налогов для самых богатых людей и введения базового дохода, обязательности предоставления бесплатной медицинской помощи заболевшим COVID-19 и увеличения государственной поддержки сферы здравоохранения находят ощутимую поддержку у большей части граждан в разных странах мира. Кроме того, большая доля респондентов высказывается за снижение корпоративной власти и расширение прав и возможностей работников [Zamore and Phillips, 2020].

Кроме того, фиксируется сильный запрос на устранение гендерных разрывов. Глобальное исследование общественного мнения, проведенное «Deltapoll» (17 стран, n=17000) показало, что мировая общественность в подавляющем большинстве поддерживает гендерное равенство, и подавляющее большинство готово к тому, чтобы их правительства и бизнес-лидеры предприняли действия для преодоления гендерных разрывов. 80% опрошенных заявили, что гендерное равенство является их личным приоритетом, а 65% высказали мнение о необходимости действий правительств в деле продвижения гендерного равенства в их стране [Focus, 2021: p.7].

Огромные потери, которые принесла и продолжает нести миру пандемия COVID-19, заставляют даже бывших апологетов неоллиберализма становиться его критиками и призывать к реализации реформ в духе «неокейнсианства» посредством внедрения различных «механизмов выравнивания» (введения системы прогрессивного налогообложения, базового дохода, увеличения финансирования здравоохранения и образования и т. д.) [Georgieva, 2021; UN, 2020].

Выводы

Пандемия COVID-19 вызвала усиление неравенства и закрепление диспропорций развития и консервации слаборазвитости для многих людей, стран и регионов на многие грядущие десятилетия, справедливо получив название «пандемии неравенства» [Etienne, 2022; Oxfam, 2021; The World Bank, 2021b]. Синергетический эффект коронавируса и социально-экономической архитектуры, сформировавшейся в условиях нелиберальной модели развития, оказался крайне губительным для многих обитателей планеты Земля.

Усиление общественных запросов на изменения, «выравнивание» условий жизни и труда, а также повышение социальной справедливости, фиксируемые сегодня социологами во всем мире, требует, по нашему мнению, отказа от нынешних нелиберальных практик и перехода к политике, учитывающей интересы более широких слоев населения. Дальнейшее игнорирование данных запросов на фоне стремительного ухудшения жизни в условиях корона-кризиса и усиления негативизма в отношении правящих элит служит бустером усиления политической и социальной напряженности в современном глобальном мире и создает серьезную угрозу общественному спокойствию и стабильности современной системы. Поэтому преодоление названных опасных трендов является настоятельным требованием нашего времени.

Список литературы:

- Ipsos (2021). Відчуття роз'єднаності у 2021. Популізм, антиелітизм та нативізм. Отримано з https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/GA-Broken_System-Populist_Anti-Elitism_and_Nativism_2021_ua-ua.pdf.
- Alfani, G., Ammannati, F. (2017). Long-term trends in economic inequality: the case of the Florentine state. *The Economic History Review*, 70(4): 1072–1102.
- Amnesty International (2020). Why COVID-19 is far from an equaliser. Retrieved from <https://www.amnesty.org.uk/coronavirus/why-covid-19-far-equaliser>.
- Arceo-Gomez, E., Campos-Vazquez, R., Esquivel, G., Alcaraz, E., Martinez, L., Lopez, N. (2022). The income gradient in COVID-19 mortality and hospitalisation: An observational study with social security administrative records in Mexico. *The Lancet*, 6 (100115). Retrieved from [https://www.thelancet.com/journals/lanam/article/PIIS2667-193X\(21\)00111-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanam/article/PIIS2667-193X(21)00111-3/fulltext).
- Bambra, C., Lynch, J. and Smith, K. (2021) *The Unequal Pandemic COVID-19 and Health Inequalities*. Bristol: Policy Press.
- Ban, C. (2020). Emergency Keynesianism 2.0: The political economy of fiscal policy in Europe during the Corona Crisis. Retrieved from https://www.djoef-forlag.dk/openaccess/samf/samfdocs/2020/2020_4/Samf_3_4_2020.pdf.
- Bernstein, J. (2020). To get through the current crisis, we must look to Keynes. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/06/23/get-through-current-crisis-we-must-look-keynes/>.
- Blum, B., Neumärker, B. (2021). Lessons from Globalization and the COVID-19 Pandemic for Economic Environmental and Social Policy. *World*, 2, 308–333.
- Chetty, R., Friedman, J., Hendren, N., Stepner, M. (2020). How did COVID-19 and stabilization policies affect spending and employment? A new real-time economic tracker based on private sector data. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Chohan, U. (2022). The return of Keynesianism? Exploring path dependency and ideational change in post-covid fiscal policy. *Policy and Society*, 41(1): 68–82.
- Decoster, A., Minten, T., Spinnewijn, J. (2021). The Income Gradient in Mortality during the Covid-19 Crisis: Evidence from Belgium. *The Journal of Economic Inequality*, 19: 551–570.
- Dizioli, A., Andriele, M., Bluedorn, J. (2020). COVID-19 Hits the Poor Harder, but Scaled-Up Testing Can Help. Retrieved from <https://blogs.imf.org/2020/12/03/covid-19-hits-the-poor-harder-but-scaled-up-testing-can-help/>.
- Drefahl, S., Wallace, M., Mussino, E., Aradhya, S., Kolk, M., Brandén, M. et al. (2020) A population-based cohort study of socio-demographic risk factors for COVID-19 deaths in Sweden. *Nature Communications*, 11: 1–7.
- Focus 2030 (2021). Citizens for a gender-equal world: a roadmap for action. Report. Retrieved from https://focus2030.org/IMG/pdf/citizens_call_for_a_gender_equal_world_womendeliver_focus2030-4.pdf.
- Fronteira, I., Sidat, M., Magalhães, J., Cupertino de Barros, F., Pedro Delgado, A., Correia, T., Tadeu, C., Ribeiro, K., Ferrinho, P. (2021) The SARS-CoV-2 pandemic: A syndemic perspective. *One Health*, 12 (June).
- Galasso, V. (2020). COVID: Not a Great Equalizer. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7750712/>.
- Georgieva, K. (2021). Transcript of International Monetary Fund Managing Director Kristalina Georgieva's Opening Press Conference, 2021 Spring Meetings. Retrieved from <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/07/tr040721-transcript-of-imf-md-kristalina-georgievas-opening-press-conference-2021-spring-meetings>.
- Gravlee, C. (2020). Systemic racism, chronic health inequities, and COVID-19: A syndemic in the making? *American journal of human biology*, 32(5): e23482.
- Griffith, D., Holliday, C., Enyia, O., Ellison, J., Jaeger, E. (2021). Using Syndemics and Intersectionality to Explain the Disproportionate COVID-19 Mortality Among Black Men. *Public Health Report*, 136(5): 523-531.
- Horton, R. (2020). Offline: COVID-19 is not a pandemic. *The Lancet*, 396. Retrieved from

[https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(20\)32000-6.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(20)32000-6.pdf).

Hubber, J. (2021). The people of the G20 countries expect strong practical measures in order to make gender equality a reality. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/womens-forum-2021>.

ILO (2021a). COVID-19 and the world of work. ILO Monitor, 7. Geneva: International Labour Office.

ILO (2021b) World Employment and Social Outlook – Trends 2021. Geneva: International Labour Office.

Ipsos. (2020a). What Worries the World?": COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-november-2020>.

Ipsos (2020b). How Much Is the World Yearning for Change After the COVID-19 Crisis? Retrieved from <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-09/global-yearning-for-change-after-the-covid-19-crisis-2020-09-ipsos.pdf>.

Ipsos (2022a). Worry about inflation hits new heights globally. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/worry-about-inflation-hits-new-heights-globally>.

Ipsos (2022b). What Worries the World? Retrieved from <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2022-01/What-worries-the-world-January-2022.pdf>.

Kohler, I. (2021). Bazookas for recovery. The renaissance of Keynesian stimulus plans since the financial crisis. *Journal of Modern European History*, 19(1): 19-25.

Lopez, L., Hart, L., Katz, H. (2021). Racial and Ethnic Health Disparities Related to COVID-19. Retrieved from <https://jamanetwork.com/journals/jama/fullarticle/2775687>.

McCloskey, S. (2020). COVID-19 has Exposed Neoliberal-Driven 'Development': How can Development Education Respond? *DPolicy & Practice: A Development Education Review*, 30: 174–185.

Mein, S. (2020). COVID-19 and Health Disparities: the Reality of "the Great Equalizer". *Journal of General Internal Medicine*, 35(8): 2439–2440. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7224347/>.

Mair, S. (2020). Neoliberal economics, planetary health, and the COVID-19 pandemic: a Marxist ecofeminist analysis. *Lancet Planet Health*, 4: e588–96.

Milanovic, B. (2016). *Global inequality: a new approach for the age of globalization*. Cambridge: Harvard University Press.

Navarro, V. (2020). The Consequences of Neoliberalism in the Current Pandemic. *International Journal of Health Services*, 50(3): 271–275.

OECD (2021). *Caregiving in Crisis: Gender inequality in paid and unpaid work during COVID-19*. Retrieved from <https://www.oecd.org/coronavirus/policy->

[responses/caregiving-in-crisis-gender-inequality-in-paid-and-unpaid-work-during-covid-19-3555d164/](https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/caregiving-in-crisis-gender-inequality-in-paid-and-unpaid-work-during-covid-19-3555d164/).

Our world in data (2022). *Coronavirus (COVID-19) Vaccinations*. Retrieved from <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=NLD>.

Oxfam (2021). *The Inequality Virus*. Report. Oxford: Oxfam International.

Oxfam (2022). *Inequality kills*. Report. Oxford: Oxfam International.

Pew Research Center (2021). *Citizens in Advanced Economies Want Significant Changes to Their Political Systems*. Retrieved from file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0/Downloads/PG_2021.10.21_Democracy_FINAL.pdf.

Saad-Filho, A. (2020). From COVID-19 to the End of Neoliberalism. *Critical Sociology*, 46(4-5): 477–485.

Scheidel, W. (2017). *The Greit Leveler*. Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the Twenty-First Century. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Scommegna, P. (2021). *US Racial Inequality May Be as Deadly as the Coronavirus*. Retrieved from <https://www.prb.org/resources/u-s-racial-inequality/>.

Statista (2022). *Vaccine Inequality Persists*. Retrieved from <https://www.statista.com/chart/26362/covid-19-vaccine-distribution-by-income-group/>.

Sumonja, M. (2021). Neoliberalism is not dead – On political implications of Covid-19. *Capital & Class*, 45(2) 215–227.

The Economist (2020). *The covid-19 pandemic is forcing a rethink in macroeconomics*. Retrieved from <https://www.economist.com/briefing/2020/07/25/the-covid-19-pandemic-is-forcing-a-rethink-in-macroeconomics>.

The Guardian (2020). *The Guardian view on a comeback for Keynes: revolutionary road*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/16/the-guardian-view-on-a-comeback-for-keynes-revolutionary-road>.

Thirlwall, A.P. (2017). The Renaissance of Keynesian economics. *Quarterly Review*, 46(186). <https://doi.org/10.13133/2037-3643/14058>.

Timothy, R. (2020). *Coronavirus is not the great equalizer — race matters*. Retrieved from <https://theconversation.com/coronavirus-is-not-the-great-equalizer-race-matters-133867>.

UN. (2020). *A taxing problem: how to ensure the poor and vulnerable don't shoulder the cost of the COVID-19 crisis*. Retrieved from <https://news.un.org/en/story/2020/07/1068111>.

UNDP (2020). *COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery*. Report. New York: United Nations Development Programme.

UN Women (2021). *The Shadow Pandemic: Violence against women during COVID-19*. Retrieved from <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/in->

focus-gender-equality-in-covid-19-response/violence-against-women-during-covid-19.

World Bank (2021). 2021 Year in Review in 11 Charts: The Inequality Pandemic. Retrieved from <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2021/12/year-2021-in-review-the-inequality-pandemic>.

World Inequality Lab (2021). World Inequality Report 2022.

Zamore, L., Phillips, B. (2020). COVID-19 and Public Support for Radical Policies. Center on International Cooperation. Retrieved from <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf>.

References:

Alfani, G., Ammannati, F. (2017). Long-term trends in economic inequality: the case of the Florentine state. *The Economic History Review*, 70(4): 1072–1102.

Amnesty International (2020). Why COVID-19 is far from an equaliser. Retrieved from <https://www.amnesty.org.uk/coronavirus/why-covid-19-far-equaliser>.

Arceo-Gomez, E., Campos-Vazquez, R., Esquivel, G., Alcaraz, E., Martinez, L., Lopez, N. (2022). The income gradient in COVID-19 mortality and hospitalisation: An observational study with social security administrative records in Mexico. *The Lancet*, 6 (100115). Retrieved from [https://www.thelancet.com/journals/lanam/article/PIIS2667-193X\(21\)00111-3/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanam/article/PIIS2667-193X(21)00111-3/fulltext).

Bambra, C., Lynch, J. and Smith, K. (2021) *The Unequal Pandemic COVID-19 and Health Inequalities*. Bristol: Policy Press.

Ban, C. (2020). Emergency Keynesianism 2.0: The political economy of fiscal policy in Europe during the Corona Crisis. Retrieved from https://www.djoef-forlag.dk/openaccess/samf/samfdocs/2020/2020_4/Samf_3_4_2020.pdf.

Bernstein, J. (2020). To get through the current crisis, we must look to Keynes. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/06/23/get-through-current-crisis-we-must-look-keynes/>.

Blum, B., Neumärker, B. (2021). Lessons from Globalization and the COVID-19 Pandemic for Economic Environmental and Social Policy. *World*, 2, 308–333.

Chetty, R., Friedman, J., Hendren, N., Stepner, M. (2020). How did COVID-19 and stabilization policies affect spending and employment? A new real-time economic tracker based on private sector data. Cambridge: National Bureau of Economic Research.

Chohan, U. (2022). The return of Keynesianism? Exploring path dependency and ideational change in post-covid fiscal policy. *Policy and Society*, 41(1): 68–82.

Decoster, A., Minten, T., Spinnewijn, J. (2021). The Income Gradient in Mortality during the Covid-19 Crisis: Evidence from Belgium. *The Journal of Economic Inequality*, 19: 551–570.

Dizioli, A., Andriele, M., Bluedorn, J. (2020). COVID-19 Hits the Poor Harder, but Scaled-Up Testing Can Help. Retrieved from

<https://blogs.imf.org/2020/12/03/covid-19-hits-the-poor-harder-but-scaled-up-testing-can-help/>.

Drefahl, S., Wallace, M., Mussino, E., Aradhya, S., Kolk, M., Brandén, M. et al. (2020) A population-based cohort study of socio-demographic risk factors for COVID-19 deaths in Sweden. *Nature Communications*, 11: 1–7.

Focus 2030 (2021). Citizens for a gender-equal world: a roadmap for action. Report. Retrieved from https://focus2030.org/IMG/pdf/citizens_call_for_a_gender_equal_world_womendeliver_focus2030-4.pdf.

Fronteira, I., Sidat, M., Magalhães, J., Cupertino de Barros, F., Pedro Delgado, A., Correia, T., Tadeu, C., Ribeiro, K., Ferrinho, P. (2021) The SARS-CoV-2 pandemic: A syndemic perspective. *One Health*, 12 (June).

Galasso, V. (2020). COVID: Not a Great Equalizer. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7750712/>.

Georgieva, K. (2021). Transcript of International Monetary Fund Managing Director Kristalina Georgieva's Opening Press Conference, 2021 Spring Meetings. Retrieved from <https://www.imf.org/en/News/Articles/2021/04/07/tr040721-transcript-of-imf-md-kristalina-georgievas-opening-press-conference-2021-spring-meetings>.

Gravlee, C. (2020). Systemic racism, chronic health inequities, and COVID-19: A syndemic in the making? *American journal of human biology*, 32(5): e23482.

Griffith, D., Holliday, C., Enyia, O., Ellison, J., Jaeger, E. (2021). Using Syndemics and Intersectionality to Explain the Disproportionate COVID-19 Mortality Among Black Men. *Public Health Report*, 136(5): 523-531.

Horton, R. (2020). Offline: COVID-19 is not a pandemic. *The Lancet*, 396. Retrieved from [https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736\(20\)32000-6.pdf](https://www.thelancet.com/pdfs/journals/lancet/PIIS0140-6736(20)32000-6.pdf).

Hubber, J. (2021). The people of the G20 countries expect strong practical measures in order to make gender equality a reality. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/womens-forum-2021>.

ILO (2021a). COVID-19 and the world of work. *ILO Monitor*, 7. Geneva: International Labour Office.

ILO (2021b). *World Employment and Social Outlook – Trends 2021*. Geneva: International Labour Office.

Ipsos (2020a). What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the eighth successive month. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-november-2020>.

Ipsos (2020b). How Much Is the World Yearning for Change After the COVID-19 Crisis? Retrieved from <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-09/global-yearning-for-change-after-the-covid-19-crisis-2020-09-ipsos.pdf>.

Ipsos (2021). Feelings of disunity in 2021. Populism, anti-elitism and nativism. [In Ukrainian]. Retrieved from

https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-10/GA-Broken_System-Populist_Anti-Elitism_and_Nativism_2021_ua-ua.pdf. [Відчуття роз'єднаності 2021].

Ipsos (2022a). *What Worries the World – August 2022*. Retrieved from <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-august-2022>.

Lopez, L., Hart, L., Katz, H. (2021). *Racial and Ethnic Health Disparities Related to COVID-19*. Retrieved from <https://jamanetwork.com/journals/jama/fullarticle/2775687>.

McCloskey, S. (2020). *COVID-19 has Exposed Neoliberal-Driven 'Development': How can Development Education Respond? Policy & Practice: A Development Education Review*, 30: 174–185.

Mein, S. (2020). *COVID-19 and Health Disparities: the Reality of "the Great Equalizer"*. *Journal of General Internal Medicine*, 35(8): 2439–2440. Retrieved from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7224347/>.

Mair, S. (2020). *Neoliberal economics, planetary health, and the COVID-19 pandemic: a Marxist ecofeminist analysis*. *Lancet Planet Health*, 4: e588–96.

Milanovic, B. (2016). *Global inequality: a new approach for the age of globalization*. Cambridge: Harvard University Press.

Navarro, V. (2020). *The Consequences of Neoliberalism in the Current Pandemic*. *International Journal of Health Services*, 50(3): 271–275.

OECD (2021). *Caregiving in Crisis: Gender inequality in paid and unpaid work during COVID-19*. Retrieved from <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/caregiving-in-crisis-gender-inequality-in-paid-and-unpaid-work-during-covid-19-3555d164/>.

Our world in data (2022). *Coronavirus (COVID-19) Vaccinations*. Retrieved from <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations?country=NLD>.

Oxfam (2021). *The Inequality Virus*. Report. Oxford: Oxfam International.

Oxfam (2022). *Inequality kills*. Report. Oxford: Oxfam International.

Pew Research Center (2021). *Citizens in Advanced Economies Want Significant Changes to Their Political Systems*. Retrieved from file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B0/Downloads/PG_2021.10.21_Democracy_FINAL.pdf.

Saad-Filho, A. (2020). *From COVID-19 to the End of Neoliberalism*. *Critical Sociology*, 46(4-5): 477–485.

Scheidel, W. (2017). *The Greit Leveler*. *Violence and the History of Inequality from the Stone Age to the*

Twenty-First Century. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Scommegna, P. (2021). *US Racial Inequality May Be as Deadly as the Coronavirus*. Retrieved from <https://www.prb.org/resources/u-s-racial-inequality/>.

Statista (2022). *Vaccine Inequality Persists*. Retrieved from <https://www.statista.com/chart/26362/covid-19-vaccine-distribution-by-income-group/>.

Sumonja, M. (2021). *Neoliberalism is not dead – On political implications of Covid-19*. *Capital & Class*, 45(2) 215–227.

The Economist (2020). *The covid-19 pandemic is forcing a rethink in macroeconomics*. Retrieved from <https://www.economist.com/briefing/2020/07/25/the-covid-19-pandemic-is-forcing-a-rethink-in-macroeconomics>.

The Guardian. (2020). *The Guardian view on a comeback for Keynes: revolutionary road*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/16/the-guardian-view-on-a-comeback-for-keynes-revolutionary-road>.

Thirlwall, A.P. (2017). *The Renaissance of Keynesian economics*. *Quarterly Review*, 46(186). <https://doi.org/10.13133/2037-3643/14058>.

Timothy, R. (2020). *Coronavirus is not the great equalizer — race matters*. Retrieved from <https://theconversation.com/coronavirus-is-not-the-great-equalizer-race-matters-133867>.

UN. (2020). *A taxing problem: how to ensure the poor and vulnerable don't shoulder the cost of the COVID-19 crisis*. Retrieved from <https://news.un.org/en/story/2020/07/1068111>.

UNDP (2020). *COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery*. Report. New York: United Nations Development Programme.

UN Women (2021). *The Shadow Pandemic: Violence against women during COVID-19*. Retrieved from <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/in-focus-gender-equality-in-covid-19-response/violence-against-women-during-covid-19>.

World Bank (2021). *2021 Year in Review in 11 Charts: The Inequality Pandemic*. Retrieved from <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2021/12/20/year-2021-in-review-the-inequality-pandemic>.

World Inequality Lab (2021). *World Inequality Report 2022*.

Zamore, L., Phillips, B. (2020). *COVID-19 and Public Support for Radical Policies*. Center on International Cooperation. Retrieved from <https://cic.nyu.edu/sites/default/files/zamore-phillips-covid19-public-support-radical-policies-web-final.pdf>.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Kabarukhin Aleksei
Digital IQ, USA,
Lead Systems Engineer

METHODOLOGY "INFRASTRUCTURE AS CODE" IN THE OPERATION OF IT INFRASTRUCTURE

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.288

Abstract: This article presents the paradigm of the IaC approach, its advantages over traditional manual system administration, as well as an IaC resource allocation tool called Terraform and other popular infrastructure automation tools. The article focuses on comparing the classic manual approach to infrastructure deployment and the Infrastructure as Code approach, presenting its main advantages. Terraform is highlighted as the most common tool for implementing Infrastructure as Code compared to other software products.

Key words: Infrastructure as Code, Terraform.

In today's fast-growing information society, it is hard to imagine a product that can take more than two years to develop and create. For businesses, this is a big risk, because the final product may not correspond to current trends and bring great losses. As a rule, these problems are now solved by different approaches to infrastructure deployment [1].

In the classic approach, infrastructure deployment may require several successive actions: running a script, changing configuration files, and so on. In this process, you can't rule out the possibility of human error: the user runs the script twice, mixes up the sequence, or misunderstands something. That's why this approach has been replaced by "Infrastructure as Code" [2].

Cloud-native systems embrace microservices, containers, and modern system design to achieve speed and agility. They provide automated build and release stages to ensure consistent and quality code. But, that's only part of the story. How do you provision the cloud environments upon which these systems run? Modern cloud-native applications embrace the widely accepted practice of Infrastructure as Code, or IaC. With IaC, you automate platform provisioning. You essentially apply software engineering practices such as testing and versioning to your DevOps practices. Your infrastructure and deployments are automated, consistent, and repeatable. Just as continuous delivery automated the traditional model of manual

deployments, Infrastructure as Code (IaC) is evolving how application environments are managed [3].

In other words, Infrastructure as Code (IaC) is an approach to automating infrastructure deployment and change by defining the desired state of resources and their relationships in code. The code is written in specialized, readable IaC tool languages. The actual resources in the cloud are created (or changed) when the code is executed. The tool then interacts with the cloud provider or deployment system on your behalf and applies the necessary changes without using the provider's web interface. You can change the code as needed - once the code is executed, the IaC tool will track the differences between the desired infrastructure in the code and the actual infrastructure in the cloud and make sure that the actual state equals the desired state.

For IaC to work in practice, manually created resources must not be changed afterwards (this is called "immutable infrastructure"), as this creates a discrepancy between the expected infrastructure in the code and the actual state in the cloud. In addition, manually modified resources may be rolled back to a previous version or deleted during code execution, and all such customization will be lost. The solution to this problem is to make changes to the infrastructure code [4].

There are several features of the system that must be in place to fully implement the infrastructure as code.

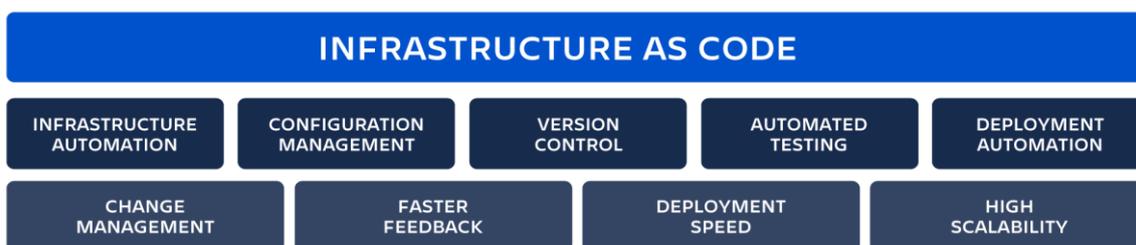

Figure 1 - Features of IaC implementation [5]

What are the main benefits of the Infrastructure as Code approach?

- Speed - automation and the ability to use the same code many times significantly reduces the time

required to create configurations, as well as their deployment.

- Easy auditing - in order to see the state, structure and connectivity of the infrastructure, it is enough to check and read the code, instead of trying to put all the resources together manually.
- Security and risk mitigation - reducing the risk of human error through automation, as well as the ability to statically and dynamically test the security of individual components before they go into the production environment [6].

Infrastructure as a code offers significant advantages over manual preparation:

Self-service.

Because infrastructure is defined as code, the entire process and deployment can be automated and can be run by anyone on the DevOps team. Infrastructure users get the resources they need when they need them.

Idempotency.

Idempotency means that you define the desired state, and no matter how many times you run the script, the result will be the same. It checks the current state and the desired state and applies only the changes that are needed. This can be extremely difficult to achieve with bash scripts. Tools like Ansible and Terraform have built-in features that make your code idempotent.

Reduced costs.

Reduces the time and effort required to deliver, much less than manual preparation.

Faster software delivery.

The rapid provisioning of infrastructure for development, testing, and production allows software to be delivered much faster. Because the deployment process is automated, it is also consistent and repeatable.

Self-documenting.

The state of the infrastructure is defined in code that can be easily read by anyone.

Controlled versioning.

Traditionally, changes in production systems are considered risky. But then change is inevitable. You may need to add a new database when adding a new feature. You may need to add new servers or storage to a cluster. Infrastructure as code reduces the effort and risk of making infrastructure changes.

You can check your source files in a version control system, which means you can keep track of any changes made to the infrastructure and quickly revert back to a previous version if something breaks.

Validation and testing.

Infrastructure as code allows you to continually test and apply small changes. Since everything is code, you can validate bugs using static analysis and automated tests.

Improved security.

Moving to infrastructure as code allows you to build in security from the start, and then you can apply changes reliably and securely [11].

Tools like Azure Resource Manager (ARM), Terraform, and the Azure Command Line Interface (CLI) enable you to declaratively script the cloud infrastructure you require.

Table 1

Software for Infrastructure as Code [7]

Name	Description	Syntax	License	Website	GitHub repository
1	2	3	4	5	6
Terraform	Terraform is an IAC software tool created by HashiCorp. It is known as a declarative provisioning tool without agents and without a wizard.	.tf file (similar to JSON)	MPL 2.0	terraform.io	github.com/hashicorp/terraform
Ansible	Supported by Red Hat, Ansible is a software IAC tool that accommodates provisioning, configuration management and	YAML	GPL 3.0	ansible.com	github.com/ansible/ansible

		application deployment.				
1	2	3	4	5	6	
Chef	Chef automates the configuration management process, ensuring that each system is properly configured and coordinated.	Ruby	Apache 2.0	chef.io/products/chef-infra	github.com/chef/chef	
Puppet	Puppet is a software configuration management tool that has its own declarative language for describing system configuration.	Puppet language (similar to JSON) or Ruby	Apache 2.0	puppet.com	github.com/puppetlabs/puppet	
SaltStack	Supported by VMWare, SaltStack is open-source Python-based software for event-driven IT automation, remote task execution and configuration management.	Python	Apache 2.0	repo.saltproject.io	github.com/saltstack/salt	
1	2	3	4	5	6	
Pulumi	Pulumi's open-source IAC SDK allows you to create, deploy and manage infrastructure in any cloud using your favorite languages.	Different programming languages	Apache 2.0	pulumi.com	github.com/pulumi/pulumi	

Among other things, IaC allows optimal use of virtualized platforms of technology giants such as AWS, Google Cloud, Azure and others [8]. For example, let us consider one of the most popular tools - terraform.

Terraform is a commercial template creation tool that can prepare cloud applications for all major cloud players: Azure, Google Cloud Platform, AWS, and AliCloud. Instead of using JSON as a template definition language, it uses a bit more HCL (Hashicorp configuration language) [9].

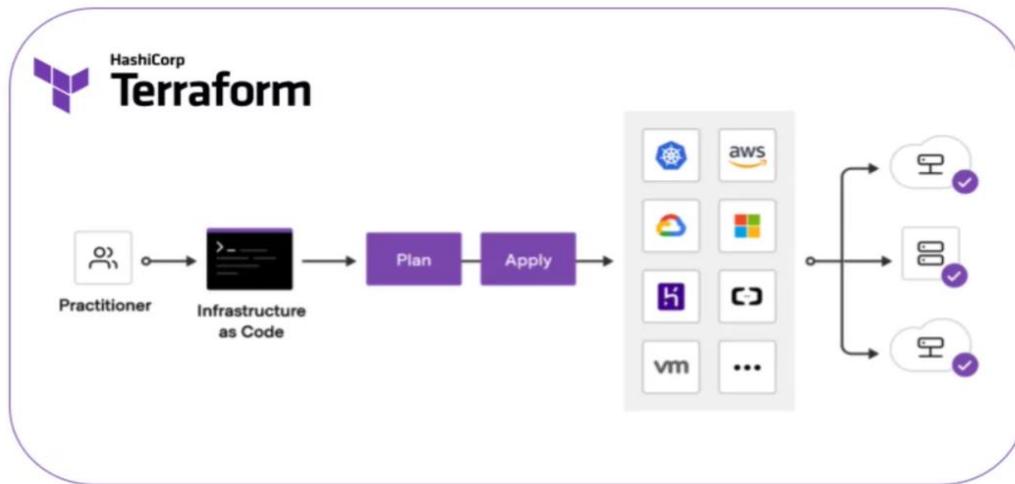

Figure 2 - Diagram of infrastructure deployment with Terraform [10]

To deploy infrastructure with Terraform:

- Scope - Identify the infrastructure for your project.

- Author - Write the configuration for your infrastructure.

- Initialize - Install the plugins Terraform needs to manage the infrastructure.

- Plan - Preview the changes Terraform will make to match your configuration.

- Apply - Make the planned changes.

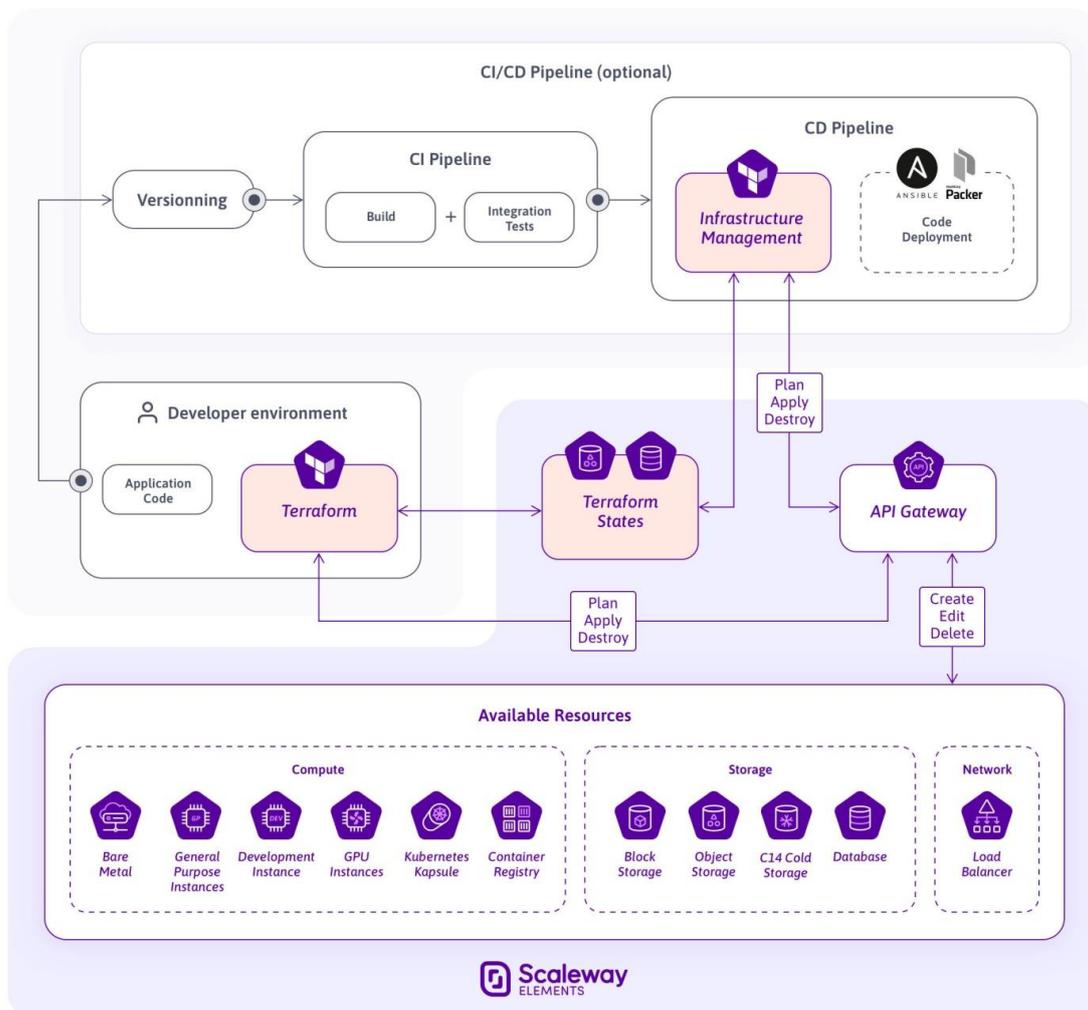

Figure 3 - Advanced infrastructure automation with Terraform tools [12]

Today, Terraform, developed back in 2014, is the second youngest IAC tool in this group, with Pulumi being the youngest. Tools like Terraform do not modify an already provisioned infrastructure, but deploy a new server, which means that they follow the immutable infrastructure paradigm. Other tools, such as Ansible, Chef, SaltStack and Puppet, can modify existing resources, which means that these tools follow the mutable infrastructure paradigm.

Terraform is compatible with other IaC tools and DevOps systems. Terraform's strength lies in providing hardware resources rather than further software installation and initial server setup.

Unlike configuration management tools like Ansible and Chef, Terraform is not suitable for installing software on target resources and for scheduling tasks. Instead, Terraform has providers for interacting with supported resources.

Terraform can work within a single machine, it does not need a master and a managed server, unlike some other tools. It does not check their actual state and automatically reapplies the configuration, since its main focus is on orchestrating them. A typical workflow looks like this: resources are first allocated using Terraform, and then they are loaded using the configuration management tool if needed.

Although each of the tools we analyze can be used independently, a common approach is to use them together. For example, you can use Terraform to create VPCs, subnets, Internet gateways, load balancers, and virtual machines, and then use Ansible to configure and deploy services across these instances [11].

In summary, we note that infrastructure defined as code offers many advantages over manual preparation - it can be version controlled, tested, leads to faster configuration and delivery of software. Many organizations have already begun using the IaC approach to build and manage their infrastructure.

References:

1. Taborovets Vyacheslav Vasilyevich, Bylina Alexander Alexandrovich Building and maintaining projects with complex cloud infrastructure // Problems of Science. 2018. №2 (122). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-i-soprovozhdenie-proektov-so-slozhnoy-oblachnoy-infrastrukturoy>
2. Continuous Integration & Continuous Delivery. <https://skademy.by/continuous-integration-continuous-delivery-pochemu-dlya-sobesedovaniya-v-it-eto-nuzhno-znat/>
3. Rob Vettor, Steve "ardalis" Smith and others. Architecting Cloud-Native .NET Apps for Azure. Microsoft Corporation, 2022. 192p.
4. Infrastructure as code: benefits and examples. 2021. <https://www.8host.com/blog/infrastruktura-kak-kod-preimushhestva-i-primery/>
5. Ian Buchanan. Infrastructure as code <https://www.atlassian.com/ru/microservices/cloud-computing/infrastructure-as-code>
6. Lecture 5: Infrastructure as a Code// National Open University <https://intuit.ru/studies/courses/3680/922/lecture/32697>
7. Infrastructure as code: an overview of opresource tools. <https://habr.com/ru/company/otus/blog/570926/>
8. Evgeny Brickman. Terraform: Infrastructure at the Code Level. Publisher: Peter. 2020. 368 p.
9. Infrastructure as a code. 2022. <https://docs.microsoft.com/ru-ru/dotnet/architecture/cloud-native/infrastructure-as-code>
10. What is Infrastructure as Code with Terraform? <https://learn.hashicorp.com/tutorials/terraform/infrastructure-as-code>
11. Infrastructure as a code. Introduction. 2020. <https://itgap.ru/post/infrastruktura-kak-kod>
12. Terraform. <https://www.scaleway.com/en/terraform/>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Цогоева Д.А.

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова
Россия, 362020, г. Владикавказ, ул. Костанаева 74*

МЕСТО ПОНЯТИЯ «СЛОВА-КЕНТАВРЫ» В ИЗУЧЕНИИ ДВУГРАФИЧНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Tsogoeva D.A.

*North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
Russia, 362020, Vladikavkaz, Kostanaeva str. 74.*

THE PLACE OF THE CONCEPT OF "WORDS-CENTAURS" IN THE STUDY OF BIGRAPHIC NEOFORMATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE XXI CENTURY

DOI: 10.31618/ESSA.2782-1994.2022.1.82.287

Аннотация. Проблематика статьи связана с неполным теоретическим осмыслением тенденции к использованию двуграфичных новообразований в современном русском языке и недостаточной систематизацией терминологического аппарата в данной области. В статье рассматриваются основные концепции лингвистического изучения слов, отображаемых на письме как кириллической, так и латинской графическими системами (композицы, слова-кентавры, полиграфиксаты и др.), а также констатируется, что термин Л.П. Крысина «слова-кентавры», несмотря на метафоричность и отвлечённость, может наиболее эффективно использоваться в научных работах, посвящённых обозначенной теме.

Summary. The problems of the article are related to the theoretical understanding of the trend towards the use of bigraphic neoformations in the modern Russian language. The article discusses the main concepts of the linguistic study of words displayed in writing both in Cyrillic and Latin graphic systems (composites, words-centaurs, hybrid words, polygraphs, etc.), and also states that the term of L.P. Krysin "word-centaurs", despite the metaphor and abstraction, can be most effectively used in scientific papers devoted to the designated topic.

Ключевые слова: *двуграфичные новообразования, слова-кентавры, композицы, гибридные слова, графодериваты, полиграфиксаты.*

Key words: *bigraphic neoformations, words-centaurs, composites, hybrid words, graphic derivatives, polygraphs.*

Введение

Русский язык претерпевает постоянные изменения на всех системных уровнях. Его лексический пласт непрерывно обогащается за счёт многочисленных иностранных заимствований. В значительной степени языком-донором выступает английский язык. Заимствованными могут быть не только слова, но и аббревицированные конструкции, присоединяемые к исконным или уже адаптированным носителями языка элементам по новой словообразовательной схеме. В связи с этим представляют интерес двуграфичные новообразования, в которых части разных языковых систем смешиваются друг с другом. Подобные новшества стали распространены к началу XXI века и заинтересовали лингвистов сравнительно недавно, т. к. они «сравнительно новы для русского языка» [Крысин 2010: 575], ещё не в полной мере изучены в лингвистике и являются предметом описания и обсуждения ряда лингвистических исследований.

Цель статьи – проиллюстрировать множественность терминов, используемых для обозначения слов, в написании которых участвуют одновременно латинская и кириллическая графики, обозначить трактовки наиболее популярных в научных работах терминов, определить их системные связи, а также доказать, что термин «слова-кентавры» является наиболее ясным и

удобным понятием для широкого применения в лингвистической науке.

Результаты исследований и обсуждение

В настоящее время наиболее актуальными для русского языка являются сложные многоосновные способы словообразования. Интерес у дериватологов вызывают сочетания, состоящие из аналитического прилагательного и определяемого (*автомарк*) [Панов 1971: 240-253]. Учёные отмечают поэтапное развитие частично-сокращённых слов, вторая часть которых – полноценная лексическая единица, а первая часть является усечённой формой прилагательного (*профсоюз-профессиональный*), сокращением вида *кибер-* (*кибертехнологии-кибернетический*), самостоятельным словом иноязычного происхождения (*бизнес-проект*), неизменяемым прилагательным (*топ-модель*) или элементом, не существующим в русском языке как самостоятельное слово (*Сити-банк*) [Крысин 2010: 576]. Среди множества примеров особенно выделяются новообразования, в графике которых используется не только кириллица, но и латиница (*BB-крем, Youtube-канал*). Несмотря на внимание лингвистов к подобным словам, многие аспекты в теории вопроса остаются спорными. В языкознании существует большое количество терминов, относительно синонимичных друг другу: слова-кентавры [Крысин 2010], гибридные слова, или

слова-гибриды [Апетян 2011], гибридные дериваты [Коряковцева 2010], гибридные бинимы [Баранова 2010] графодериваты, графогидриды и поликодификаты [Попова 2007], полиграфикаты [Галактионов, Попова 2011], слова-композицы [Поливанов 1928; Горбов 2010], композиты с разнородными корневыми морфемами [Зарецкая 2019]. С.А. Зарецкая приводит и другие термины, которые, однако, они реже встречаются в научных трудах: двухосновники, сложносоставные слова, двухосновные сложения, сочетания с приложением, однословные оппозиции, двойные существительные и мн. др. [Зарецкая 2019: 83].

В современной лингвистике двуграфичные новообразования часто относят к словам-композицам – словам, образованным соединением нескольких основ. М.Т. Гурчиани не выделяет среди композитов слова с разнородным графическим изображением в отдельную группу [Гурчиани 2009: 14], когда как классификации слов-композицов А.А. Горбова и С.А. Зарецкой включают в себя лексико-семантические группы, именуемые композитами с атрибутивной частью (словом или аббревиатурой), заимствованной из английского языка и обозначаемой латиницей (*VIP-обслуживание*, «*P-Спорт*») [Горбов 2010: 26-36]. Описываемая группа соответствует понятию Л.П. Крысина – «словам-кентаврам». Согласно определению учёного, под словами-кентаврами понимается группа сложных слов, состоящих из двух разнородных частей: иноязычной, которая пишется латиницей, и русской или иноязычной, но адаптированной и пишущейся кириллицей (*Internet-общение*, *TV-шоу*) [Крысин 2010: 575]. Данное «метафорическое именование» [Прохоров 1982: 278], образованное от наименования мифического получеловека-полулошади, автор объясняет двойственной природой явления, его единством, но трудной совместимостью его составных элементов [Крысин 2010: 576]. В определении лингвиста уточняется, что часть на латинице обычно находится в начале, но этим её положение в слове не ограничивается [Крысин 2008: 173]. Следовательно, понятием «слова-кентавры» справедливо обозначать не только кодифицированные, фиксированные в словарях двуграфичные новообразования с чёткой структурой «английское слово или аббревиатура (латиница) – дефис – целое слово (кириллица)» [Крысин 2010: 575], имеющие словообразовательную природу происхождения, но и многочисленные окказиональные именованья, в основе мотивации которых лежит языковая игра (социальная сеть *Jrus*, музыкальный исполнитель *Пауцинд*, серия книг С. Минаева: «*The Тёлки. Повесть о настоящей любви*», «*The Тёлки. Два года спустя, или Videоты*», «*Duxless: Повесть о настоящем человеке*»).

Таким образом, в качестве обобщающего понятия может выступать термин Л.П. Крысина, что объясняется следующими причинами:

1. Термин «слова-кентавры» точен и доступен для понимания, но вместе с тем его возможно использовать для обозначения любого типа слов, в которых присутствуют кириллические и латинские буквы независимо от их положения в слове или природы происхождения (узуальной или окказиональной).

2. Термин «гибридные слова» является широким и обозначает все слова, части которого гетерогенны, т. е. этимологически восходят к минимум двум языкам, вне зависимости от их графического изображения. Вместе с тем термины «слова-гибриды» и «графогидриды» отражают тот же смысл.

3. Термины «гибридные дериваты», «полиграфикаты», «поликодификаты» значительно сужают материал для исследования двуграфичных новообразований. Так иноязычный графический элемент в составе окказионального полиграфиката обязательно должен быть семантически значимым [Нефляшева 2011: 92].

4. Термин «графодериваты» указывает на отличительную черту слов-кентавров как особого новообразования – внешние, графические особенности, но не отмечает конкретно двуграфичный характер отображения слов на письме.

5. Термин «слова-композицы» включает в себя не только слова с кириллическим и латинским написанием, но и все типы сложных слов с сочинительными (*сине-зелёный*) или подчинительными (*трудоёмкий*) отношениями единиц; слова с соединительными гласными *о/е* (*коневод*) и без соединительных гласных (*двухметровый*); слова с удвоением основ (*милый-премилый*) или повтором (*мало-помалу*), сращением (*времяисчисление*), сложением (*семенохранилище*). Данным термином нельзя обозначить двуграфичное новообразование, имеющее окказиональное, а не словообразовательное происхождение.

Заклучение

Слова-кентавры – один из наиболее популярных, но не единственный термин, используемый для обозначения типа слов, в которых используются различные графические системы, т. е. латинский и кириллический алфавиты. Термины, которые также употребляются лингвистами в научных работах – композиты, гибридные слова, полиграфикаты и мн. др. – либо сужают, либо излишне расширяют поле исследования явления двуграфичности в современном русском языке. В данной статье устанавливается, что термин Л.П. Крысина наиболее удачен для общего научного обозначения широкого спектра вариантов двуграфичного написания слов, зафиксированных в современных русскоязычных текстах, так как он лаконичен, но вместе с тем его смысл максимально точно раскрыт автором.

Список литературы

1. Апетян С.Г. Англицизмы в структуре масс-медийного и официально-делового дискурсов: лексико-семантический и когнитивнопрагматический аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: Краснодар, 2011. 181 с.
2. Баранова Л.А. Способы и средства образования дериватов от аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. 2010. С. 95-96.
3. Горбов А.А. Топ-метод экспресс-номинации эконом-класса: о русских именных композитах с атрибутивным элементом в препозиции к вершине // Вопросы языкознания, 2010, № 6. С. 26-36.
4. Гурчиани М.Т. Композиты в русском языке новейшего периода: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Казань, 2009. 22 с.
5. Зарецкая С.А. Лексико-семантические группы слов-композитов в русском языке новейшего периода // Тамканский ун-т, Тайвань, 2019. с. 82-97.
6. Коряковцева Е.И. Инновации в словообразовании русских, польских и чешских *nomina abstracta* // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. 2010. С. 110-111.
7. Крысин Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2010, №4 (2). С. 575-579.
8. Крысин Л.П. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
9. Нефляшева И.А. Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского гос. ун-та, 2011, № 76. С. 91-99.
10. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М.: 1971. С. 240-253.
11. Поливанов Е.Д. Русский язык сегодняшнего дня // Литература и марксизм: Журнал теории и истории литературы. Т. 4. 1928. С. 167-180.
12. Попова Т.В. Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов) // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: Доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / Под ред. Е.В. Петрухиной. 2010. С. 124-125.
13. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Советская энциклопедия, 1982. 1600 с.

#6(82), 2022 часть 1
Восточно Европейский научный журнал
(Санкт-Петербург, Россия)
Журнал зарегистрирован и издается в России
В журнале публикуются статьи по всем
научным направлениям.
Журнал издается на русском, английском и
польском языках.

Статьи принимаются до 30 числа каждого
месяца.
Периодичность: 12 номеров в год.
Формат - А4, цветная печать
Все статьи рецензируются
Бесплатный доступ к электронной версии
журнала.

Редакционная коллегия

Главный редактор - Адам Барчук

Миколай Вишневецки

Шимон Анджеевский

Доминик Маковски

Павел Левандовски

Ученый совет

Адам Новицки (Варшавский университет)

Михал Адамчик (Институт
международных отношений)

Питер Коэн (Принстонский университет)

Матеуш Яблоньски (Краковский
технологический университет имени
Тадеуша Костюшко)

Петр Михалак (Варшавский университет)

Ежи Чарнецкий (Ягеллонский университет)

Колуб Френнен (Тюбингенский
университет)

Бартош Высоцкий (Институт
международных отношений)

Патрик О'Коннелл (Париж IV Сорбонна)

Мацей Качмарчик (Варшавский
университет)

#6(82), 2022 part 1
Eastern European Scientific Journal
(St. Petersburg, Russia)
The journal is registered and published in Russia
The journal publishes articles on all scientific
areas.
The journal is published in Russian, English
and Polish.

Articles are accepted till the 30th day of each
month.
Periodicity: 12 issues per year.
Format - A4, color printing
All articles are reviewed
Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor-in-chief - Adam Barczuk

Mikolaj Wisniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Pawel Lewandowski

Scientific council

Adam Nowicki (University of Warsaw)

Michal Adamczyk (Institute of International
Relations)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jablonski (Tadeusz Kosciuszko
Cracow University of Technology)

Piotr Michalak (University of Warsaw)

Jerzy Czarnecki (Jagiellonian University)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Institute of International
Relations)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (University of Warsaw)

**Давид Ковалик (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

**Питер Кларквуд (Университетский
колледж Лондона)**

Игорь Дзедзич (Польская академия наук)

**Александр Климек (Польская академия
наук)**

**Александр Роговский (Ягеллонский
университет)**

Кехан Шрайнер (Еврейский университет)

**Бартош Мазуркевич (Краковский
технологический университет им. Тадеуша
Костюшко)**

Энтони Маверик (Университет Бар-Илан)

**Миколай Жуковский (Варшавский
университет)**

**Матеуш Маршалек (Ягеллонский
университет)**

**Шимон Матысяк (Польская академия
наук)**

**Михал Невядомский (Институт
международных отношений)**

Главный редактор - Адам Барчук

1000 экземпляров.

Отпечатано в ООО «Логика+»

198320, Санкт-Петербург,

Город Красное Село,

ул. Геологическая,

д. 44, к. 1, литера А

«Восточно Европейский Научный Журнал»

Электронная почта: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>

**Dawid Kowalik (Kracow University of
Technology named Tadeusz Kościuszko)**

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polish Academy of Sciences)

**Alexander Klimek (Polish Academy of
Sciences)**

Alexander Rogowski (Jagiellonian University)

Kehan Schreiner (Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Tadeusz Kościuszko
Cracow University of Technology)**

Anthony Maverick (Bar-Ilan University)

Mikołaj Żukowski (University of Warsaw)

Mateusz Marszałek (Jagiellonian University)

**Szymon Matysiak (Polish Academy of
Sciences)**

**Michał Niewiadomski (Institute of
International Relations)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed by Logika + LLC

198320, Region: St. Petersburg,

Locality: Krasnoe Selo Town,

Geologicheskaya 44 Street,

Building 1, Litera A

"East European Scientific Journal"

Email: info@eesa-journal.com,

<https://eesa-journal.com/>